



«Раскрываем тайну гибели «Боинга-777», рейс МН17». Часть 3

ОСНОВАТЕЛИ ЮЛИАН СЕМЁНОВ И АРТЁМ БОРОВИК

ИЗДАЁТСЯ С 1989 ГОДА www.sovsekretno.ru

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

#7 (396) ИЮЛЬ 2017

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК РАССЛЕДОВАНИЙ

16+

«Задача №1 выполнена»

В спецоперации по уничтожению
малайзийского «Боинга-777», рейс МН17,
были задействованы боевые самолёты
Воздушных сил Украины

ЕРА/VOSTOK PHOTO

с. 4–11

Легенда спецназа



«Штурм резиденции
Амина был чистой
авантюрой. При этом
погибли ни в чём
не повинные люди,
как афганцы, так
и советские граждане,
работавшие в охране
и обслуживающие резиденции»

с. 30–32

Тайны «девочки с куклой»



Народная артистка
России Татьяна
Пилецкая: «Мы
искренне верили
в светлое будущее. Когда
умер Сталин, папа ещё
отбывал свой 15-летний
срок, но я помню, как
плакала от горя! Ну что
же, держать в себе зло
и жить этим злом?»

с. 20–23

Серия публикаций о мужском здоровье вызвала неподдельный интерес читателей «Совершенно секретно». И сегодня мы беседуем с Владимиром Викторовичем Борисовым – урологом высшей категории с более чем 40-летним стажем, доктором медицинских наук, профессором.

– **Владимир Викторович, неоспорим факт, что сексуальное здоровье – важная составляющая здоровья человека, способствующая его благополучию в других сферах жизни. Что именно современная медицина вкладывает в этот термин?**

– Ещё в 1977 году Всемирная организация здравоохранения сформулировала понятие сексуального здоровья как комплекс соматических, эмоциональных, интеллектуальных и социальных аспектов сексуального существования человека, позитивно обогащающих его личность, повышающих коммуникабельность человека и его способность к любви.

– **Давайте подробнее остановимся на мужском здоровье, а именно на эректильной дисфункции.**

– Эректильная дисфункция (ЭД, более старый термин – импотенция) – сохраняющаяся неспособность достижения и поддержания эрекции достаточной для удовлетворительной сексуальной активности. Её распространённость составляет от 20 до 25% у мужчин старше 40 лет, увеличиваясь с возрастом. Нарушения эрекции во многом портят жизнь не только мужчине, порой они пагубно сказываются на отношениях с женой или любимой, а также препятствуют наступлению желанной беременности. Доказана взаимосвязь качества интимной жизни с общим здоровьем и продолжительностью жизни – чем выше частота половых актов, тем ниже риск смерти: регулярные 2 половых акта в неделю увеличивают жизнь мужчины на 2 года относительно средней.

МУЖСКИЕ СЕКРЕТЫ

– **Что же является основной причиной возникновения эректильной дисфункции у мужчин?**

– Как таковой, основной причины не существует, сексуальные способности мужчины – это своеобразный барометр общего состояния его здоровья, их ухудшение может быть первым проявлением атеросклероза, сердечно-сосудистых заболеваний, сахарного диабета, обменных расстройств, дефицита мужских половых гормонов. Важное место при этом занимает неправильный образ жизни: хронический стресс, избыточное питание, ограничение подвижности, курение, злоупотребление алкоголем. Вряд ли кто-то из современных мужчин может похвастаться отсутствием этих факторов, поэтому можно утверждать, что к группе риска возникновения эректильной дисфункции относятся всё мужское население. Нередко бытует ошибочная точка зрения: якобы ухудшение сексуальных способностей – естественный результат старения. Если в первой половине жизни преобладают психогенные и эндокринные факторы, то в возрасте 60 лет и старше ведущими

становятся сосудистые и нейрогенные (болезнь Паркинсона и Альцгеймера, сосудистые нарушения головного мозга и пр.) факторы риска по ЭД: атеросклероз с поражением тазовых артерий, и гипертоническая болезнь, ишемическая болезнь сердца, ревматизм и его последствия, системные болезни соединительной ткани, сахарный диабет, болезни печени, метаболический синдром и связанные с ним заболевания, абдоминальное ожирение, сахарный диабет 2-го типа. ЭД возникает и в исходе этих болезней при хронической сердечной, лёгочно-сердечной, почечной и печёночной недостаточности. Имеют значение и «пагубные воздействия» принимаемых лекарств. ЭД страдают 53% урологических больных, 96% из них имеют психологическую отягощённость. Физическая удовлетворённость качеством жизни у них падает в 4, а эмоциональная – в 2 раза.

– **Есть ли возможность улучшить ситуацию, если появляются первые нарушения эректильной функции?**

– Прежде всего, следует обратиться к врачу и провести обследование, поскольку

ку нарушения эрекции – это, как правило, симптом какого-либо заболевания. Наиболее часто назначаемыми средствами для лечения эректильной дисфункции являются препараты – ингибиторы ФДЭ-5.

Помимо них, положительное воздействие оказывают курсы лечения и профилактики витаминно-минеральными комплексами, которые способствуют предотвращению и эффективному лечению эндотелиальной и эректильной дисфункции.

Одним из наиболее сбалансированных витаминно-минеральных комплексов для мужского здоровья является препарат «Селцинк Плюс».

Как отмечает профессор Борисов, «Селцинк Плюс» препятствует развитию оксидативного стресса и дефициту микроэлементов, важных для мужского здоровья. В 1 таблетке «Селцинк Плюс» содержится 180 мг витамина С и 31,5 мг витамина Е, 7,2 мг цинка, 0,05 мг селена и 4,8 мг провитамина А. Вполне оправданно его профилактическое назначение пациентам, принимающим мочегонные средства, избыточно потребляющим алкоголь, имеющим симптомы дефицита микроэлементов и витаминов.

СЕЛЦИНК® ПЛЮС

Витаминно-антиоксидантный препарат
в комплексной терапии хронического простатита,
нарушений эрекции, в лечении бесплодия
у мужчин

PRO.MED.CS
Praha a.s.

www.selzink.ru



RU.77.99.13.003.E.014547.10.12 от 15.10.2012

Представительство в Москве. Тел./факс: +7 (495) 665-61-03. БАД. Не является лекарственным средством.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»



ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 2017 ГОДА
ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ГАЗЕТУ
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ВО ВСЕХ ПОЧТОВЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ УФС и ОНЛАЙН.

КАТАЛОГ «РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ» МАП
ИНДЕКС 99265

www.vipishi.ru

КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»
ИНДЕКС П4147

www.pochta.ru

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ. ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»
И КАТАЛОГ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ» ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ
ИНДЕКС 32209

www.ppressa.rospru

(только для юридических лиц)

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ОБРАЩАЙТЕСЬ В ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»: (495) 544-30-45, 544-30-16, 544-30-17

E-mail: savushkina@sovsekret.ru

ПОЛИТИКА

Сергей СОКОЛОВ, Алексей ЧЕЛНОВ

В тот день, когда был сбит «Боинг»

В спецоперации по уничтожению малайзийского «Боинга-777» были задействованы боевые самолёты Воздушных сил Украины. Расследование газеты «Совершенно секретно»: «Раскрываем тайну гибели «Боинга-777», рейс МН17». Часть 3.

4 стр.

СЕКРЕТЫ ПРОФЕССИИ

А. КИБИРОВ, В. АФАНАСЬЕВ

«Агротип» – это знак качества

Президент ассоциации «Теплицы России» Аркадий Муравьёв: «Мы знаем как сделать так, чтобы наша страна из импортёра превратилась в одного из мировых лидеров по выращиванию овощей, цветов и грибов на защищённом грунте».

12 стр.

ОБЩЕСТВО

Юрий ГОРОШКО

Тавр идёт на войну

Воспоминания добровольца Юрия Горошко – личного телохранителя командира бригады «Призрак» Алексея Мозгового.

14 стр.

КРИМИНАЛ

Игорь КОРОЛЬКОВ

Рядом с Зазеркальем

Евгений Ильченко: «Что же касается дела о ГКЧП и дела, связанного с выводом Западной группы советских войск... Не буду вдаваться в подробности. Повторю лишь слова мудреца: знание умножает печаль».

16 стр.

КРИМИНАЛ

Сергей ИВАНОВ

«Кошелёк» семьи губернатора

Кто персонально расплачивался картой в московском «Национале»? Пока неизвестно. Но говорят, что у следствия есть фото одного персонажа...

18 стр.

ОБЩЕСТВО

Сергей РУСЕВ

Острая гуманитарная недостаточность

Что стало причиной деградации одного из самых известных российских вузов – РГГУ?

19 стр.

ОБЩЕСТВО/КУЛЬТУРА

Андрей КОЛОБАЕВ

Тайны «девички с куклой»

Народная артистка России Татьяна Пилецкая: «В «деле» отца даже его имя было написано с ошибкой – «Леонид» вместо «Людвиг». Человеку дали 15 лет, не удосужившись узнать его имя!»

20 стр.

ИСТОРИЯ РАЗВЕДКИ

Михаил ЛЮБИМОВ

Разведчик в бурных водах культуры

Почему знаменитого актёра Бориса Ливанова не взяли на приём к командору Кортни.

24 стр.



Владислав НИКОЛАЕВ

Боевые будни «камарадас советикус»

Как советские военные советники воевали в Анголе.

27 стр.

ИСТОРИЯ/XX ВЕК

Сергей ГОЛОСОВ

Легенда спецназа

«Даже мне Яков Семёнов не признался в том, кто именно застрелил Амина, но подтвердил тот факт, что он был последним человеком, которого Амин видел в своей жизни»...

30 стр.

ИСТОРИЯ/XX ВЕК

Алексей МОКРОУСОВ

«Прошу прекратить произвол и беззакония»

Как сложилась судьба «примкнувшего» к заговору секретаря ЦК КПСС Дмитрия Шепилова после разоблачения антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича.

33 стр.

ОБЗОР КНИГ

Алексей МОКРОУСОВ

Взлёт и падение «бонапартёнка»

Феномен кратковременного культа Керенского.

Как «закалялся» Лев Эппле

В историю книжной графики художник вошёл как оформитель книг Владимира Маяковского, Герберта Уэллса, Николая Островского, его иллюстрации к «Левше» и «Доктору Айболиту» стали классикой.

«Что у вас с ними общего, с этими посредственностями?»

Было время, когда Зюганов, Лимонов и Дугин выпивали за одним столом.

36 стр.

ИСТОРИЯ ВЕЩЕЙ

Виктор МИЩЕЦКИЙ

Как тартуфель стал «вторым хлебом»

Андрей Болотов научил Россию правильно выращивать и готовить картошку и помидоры.

38 стр.

КАЛЕНДАРЬ

Владимир ВОРОНОВ

Медаль за город Севастополь

Город-герой и его преданная армия. Как эвакуировали 498 «ответственных работников».

Последнее наступление Керенского

После германского контрудара потери русской армии превысили 150 тысяч человек и были утеряны все завоевания 1916 года.

40 стр.

КАЛЕНДАРЬ/100 ЛЕТ НАЗАД

Владимир ВОРОНОВ

Как это было в июле 1917-го

Из дневника корпусного врача Василия Кравкова (VII Сибирский корпус). /Из дневника Николая II/ Из воспоминаний генерала Петра Врангеля/ Из приказа генерала Л.Г. Корнилова, Верховного главнокомандующего Русской армией/ Из записок штабс-капитана Константина Попова.

42 стр.

БИБЛИОТЕКА

Олег БОНДАРЕВ

«Ныряльщик»

Рассказ

25 стр.



КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО

Шанталь МАСС/Перевод Сергея НЕЧАЕВА

Голова Наполеона

46 стр.



Президент группы компаний «Совершенно секретно»: Вероника БОРОВИК-ХИЛЬЧЕВСКАЯ

Главный редактор: Сергей СОКОЛОВ

РЕДАКЦИЯ:
Заместители гл. редактора:
Алексей БОГОМОЛОВ,
Сергей ФРОЛОВ

Обозреватели:
Владимир ВОРОНОВ, Артём ИУТЕНКОВ,
Алексей ЧЕЛНОВ, Андрей КОЛОБАЕВ

Дизайн-бюро: Инна АЗОРКИНА, Ольга АКСЁНОВА, Александр КЛИЩЕНКО
Бильд-редактор: Галина НЕСТЕРОВА
Корректор: Татьяна РЯШЕНЦЕВА
Проверка: Ирина ШМЕЛЁВА
Юрист: Анжелика АРУТЮНОВА
Web-инженер: Дмитрий ГОНЧАР

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Александр БЕНЕНСОН, Михаил КАТЫШЕВ,
Василий ЛИВАНОВ, Михаил ЛЮБИМОВ,
Лариса РЕШЕТНИКОВА, Леонид РОШАЛЬ,
Александр СТРУЕВ

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС»
Генеральный директор: Сергей ПЛОТНИКОВ

Адрес редакции и учредителя:
121099, Москва, Композиторская ул., д. 17

E-mail: sovsek@sovsek.com
Тел/факс редакции: +7 (495) 544 30 37

ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ:
Директор Людмила БИРЮКОВА
+7 495 544 30 36; e-mail: lba@topsecret.cnt.ru

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:
Директор: Ирина САВУШКИНА
+7 495 544 30 45; e-mail: savushkina@sovsekret.ru
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ: +7 495 544 30 18

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-58625 от 11.08.2014 г. Подписные индексы: 32209, 99265

Номер подписан в печать 29.06.2017 г. Время подписания в печать: по графику – 14.00, фактически – 13.59

Общий тираж газеты: 654 080 экз. Читательская аудитория: 2 млн 300 тыс. Цена свободная. Газета печатается в городах: Алматы, Киев, Рига, Тарту, Тбилиси, Хабаровск

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать не заказанные ею рукописи и иллюстрации. Перепечатка материалов, их использование в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ, возможна только с разрешения редакции. Ссылка на «Совершенно секретно» обязательна.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламы. Точки зрения редакции и авторов не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС», 2017

ИМПОРТЕР В БЕЛАРУСЬ: ООО «Росчерк» г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123; тел: +375 17 331 94 27 (41)

ДИСТРИБЬЮТОРОМ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ ЯВЛЯЕТСЯ: ООО «Издательский дом «Гранд Экспресс» Директор: Станислав ГЛУХОВ 680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а; тел: +7 4212 309 980

ДИСТРИБЬЮТОРАМИ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ ЯВЛЯЮТСЯ: ООО «Совершенно секретно-Украина» Директор: Алексей ВЛАДИМИРОВ 04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27 Адрес редакции: 04073, г. Киев, Куреневский пер., 17-г тел: 8 10 380 44 207 97 11

ООО «Планета» Грузия, Армения, Азербайджан Ген. директор: Мераб ЧАНЧАЛАШВИЛИ Адрес редакции: 0105, Грузия, Тбилиси, ул. Манджгаладзе, д.14 тел: 8 10 (9 9532) 293 3873, 8 10 (9 9532) 299 9545 Адрес для корреспонденции: 0105, Грузия, Тбилиси, ул. Пушкина, д. 6

ТОО «Мир пресс» Казахстан, Узбекистан, Киргизия Директор: Оксана САПРИНСКАЯ 050004, г. Алматы, Ауэзовский район, ул. Утеген Батыра, 76а, оф. 406; тел: +7 (727) 276 0558, +7 (727) 277 0236

SIA «ZIME» Член правления: Елена УСТИНОВА Рига, Латвия, ул. Мартыня 9, LV 1048

Отпечатано в АО «Полиграфический комплекс «ЭКСТРА М». 143405, Московская область, г. Красногорск, автодорога «Балтия», 23 км

Тираж 90 400 экз. Заказ 17-06-00449

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА БЫЛ СБИТ «БОИНГ»

В спецоперации по уничтожению малайзийского «Боинга-777» были задействованы боевые самолёты Воздушных сил Украины. Расследование газеты «Совершенно секретно»: «Раскрываем тайну гибели «Боинга-777», рейс МН17». Часть 3.

Сергей СОКОЛОВ
Алексей ЧЕЛНОВ

«Совершенно секретно»

Два месяца назад газета «Совершенно секретно» на основании «вновь открывшихся обстоятельств» начала поиск реальных виновников расстрела малайзийского «Боинга-777». Вновь открывшимися обстоятельствами стали копии документов, полученные от нашего «источника N», который вместе со своими коллегами провёл сложную и опасную работу по «изъятию» секретных материалов СБУ и МО Украины и документированию фактов их преступлений. В статье «Уничтожить факты проведения специальной операции». Операция СБУ «Зачистка». Часть 1», подготовленной совместно с Агентством федеральных расследований FLB.ru, мы опубликовали копии четырёх секретных документов Службы безопасности Украины, которые свидетельствовали о том, что сразу после гибели «Боинга-777» СБУ проводила государственную специальную операцию по уничтожению улик массового убийства в небе над Донбассом 17 июля 2014 года. Затем мы опубликовали справку Главного центра обработки специальной информации Госпогранслужбы Украины о том, что «Перемещение «Бук М-1» через государственную границу Украины со стороны России не зафиксировано». Операция «Легенда о «Буке». Часть 2».

Какие же факты хотели зачистить сотрудники киевской охраны? В одном из совершенно секретных документов, подписанных начальником Главной инспекции СБУ Анатолием Калюжником, говорилось об этом абсолютно определённо: «В рамках проведения специальной операции уничтожить любые материалы, которые указывают на присутствие боевых самолётов и выполнение боевых задач в указанном районе 17.07.2014 года; провести профилактические мероприятия и ротацию военнослужащих авиационной эскадрильи, которые совершали полёты в указанном районе. В частности, военнослужащих авиационной бригады № А4104, г. Чугуев, Харьковской области».



Место крушения «Боинга-777», рейс МН17, у села Грабово Донецкой области. 17 июля 2014

Итак, город Чугуев, в/ч А4104, самолёты, выполнявшие боевые задачи в районе гибели «Боинга-777» 17 июля 2014 года. Следы ведут на аэродром «Чугуев», здесь базируется 203-я учебная авиационная бригада, входящая в состав Харьковского университета Воздушных сил Украины им. Ивана Кожедуба. В 2014 году чугуевская учебка находилась в центральном подчинении «северных» — Командования ВС Украины (Винница).

«Сегодня авиация сил АТО вообще не поднималась в воздух — ни вертолёты, ни самолёты, ни истребители». Помните? Это заявление руководителя группы информирования об АТО Владислава Селезнёва, которое было распространено агентством

«Интерфакс-Украина» в день трагедии 17 июля примерно в восемь вечера. В нашем распоряжении есть несколько документов (полётная карта, два приказа, аудиозаписи с военнослужащими в/ч А4104), которые опровергают эту примитивную ложь, ставшую официальной позицией киевской власти. Мы не считаем эти документы безупречными, но зато знаем со слов нашего «источника N», что эти фотокопии «сто процентов были на время позаимствованы и переняты прямо в штабе в/ч, а беседы с военнослужащими были записаны в результате задерживаемого оперативного подхода к ним». В любом случае, если мир хочет узнать правду о гибели 298 пассажиров и

членов экипажа «Боинга-777» в небе над Донбассом, эти документы и свидетельства должны быть изучены объективным следствием. Или всех устраивает украинско-нидерландская сказка с американскими напевами о «русском «Буке»?

ПЛАН СЕКРЕТНОГО ПОЛЁТА № 734

Перевод документа № 1:

Секретно, Экз. 1.

Утверждаю. 16 июля 2014 г. Командир

в/ч А4104 полковник Дубовик Г.В.

Дата полёта: 17 июля 2014 года.

План полёта. № 734.

Генеральный штаб Харьковская область
13-27-3 М-37-В

«Приказываю закрепить воздушные суда на время осуществления полёта 17.07.2014 года за лётчиками».

«Они улетели выполнять задачу № I по уничтожению воздушных целей где-то в район Торез — Снежное».

«Задача № I выполнена».

Затверджую
командир В/Ч А 4104
полковник Дубовик Г.В.

ТАЄМНО
Прим №1

Дата польоту: 17 липня 2014 року
№ 134

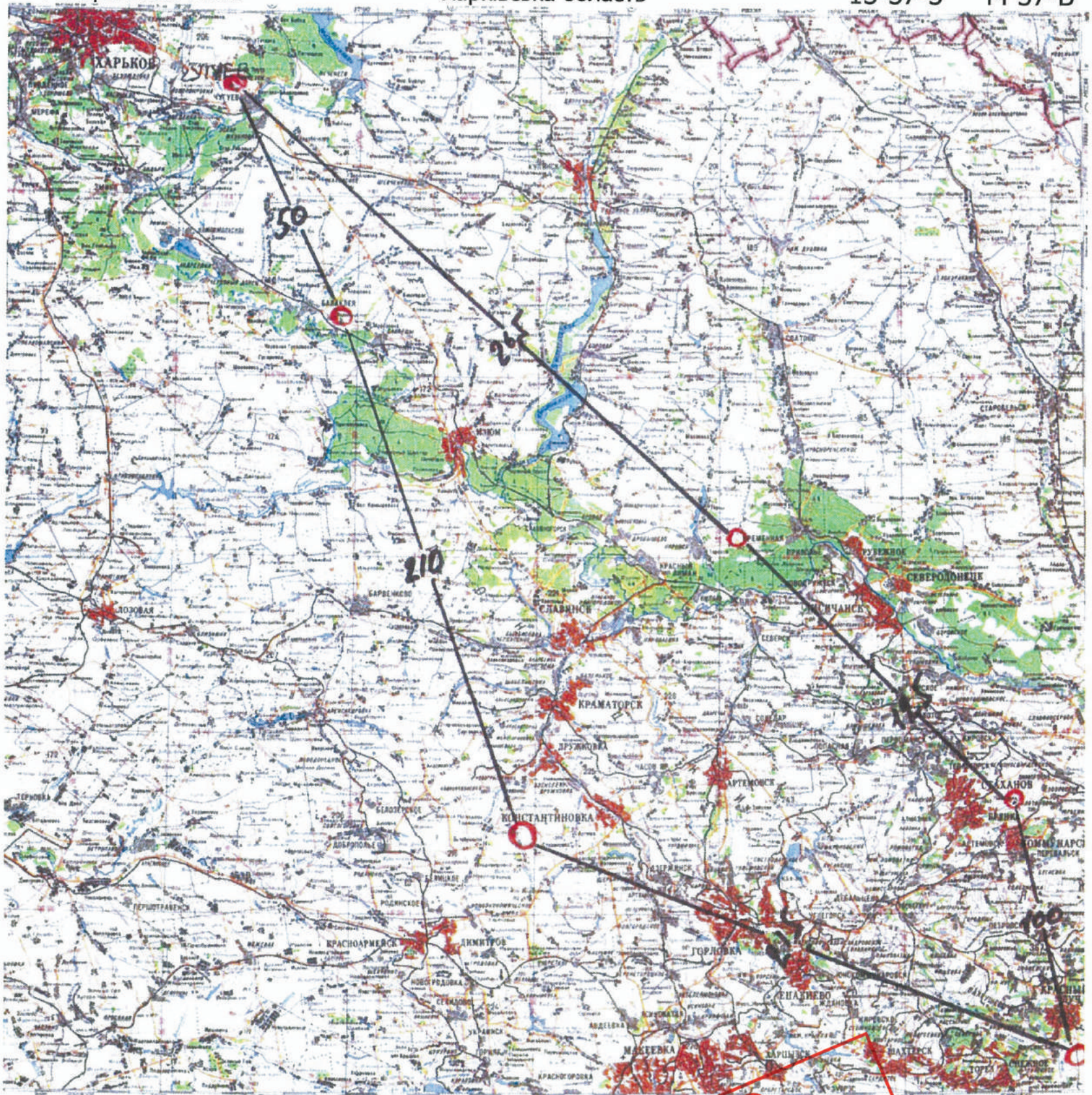


ПЛАН ПОЛЬОТУ

Генеральний штаб

Харківська область

13-37-3 М-37-В



Виконав
льотчик 299 БТА ЗС України
капітан
16.07.2014р.

Волошин В.

До польотів готовий
начальник льотної підготовки ЗС України
майор
16.08.2014р.

Куценко Р.



Выполнил: лётчик 299 БТА ВС Украины
капитан Волошин В. 16.07.2014 г.
(БТА – бригада тактической авиации. –
Ред.)
К полётам готов: начальник лётной под-
готовки ВС Украины майор Куценко Р.
16.07.2014

– Что вы можете сказать об этой полётной карте? – спросили мы у Рубена Есяна, заслуженного лётчика-испытателя, Героя России, начальника Лётно-испытательного центра Государственного НИИ гражданской авиации (ГосНИИ ГА)

– Составлена по стандартам. Маршрут полёта указан, как он должен лететь. Отметки 50, 210 и так далее – это расстояние между поворотными пунктами.

К комментариям лётчика-испытателя Есаяна мы ещё вернёмся. А пока скажем, что перед вами секретный план полёта составленный и лично подписанный за день до вылета, 16 июля 2014 года, лётчиком 299-й бригады тактической авиации капитаном Владиславом Волошиным и утверждённый командиром в/ч А4104 полковником Геннадием Дубовиком. Стоит личная виза Дубовика. Кроме того, есть ещё и подпись начальника лётной подготовки Романа Куценко. (Это мы к тому, что при желании все подписи можно пропустить через графологическую экспертизу.)

Согласно этой секретной флайт-карте 17 июля самолёт Волошина взлетел (или должен был взлететь) с аэродрома в Чугуеве, расположенного недалеко от Харькова, и направился в юго-восточном направлении, последовательно пролетая над следующими населёнными пунктами: Чугуев – Кременная (расстояние 265 км), Кременная – Брянка (125 км), Брянка – Снежное (100 км). Район посёлка Снежное – это крайняя точка маршрута, в которой самолёт делает крутой разворот на 300 граду-

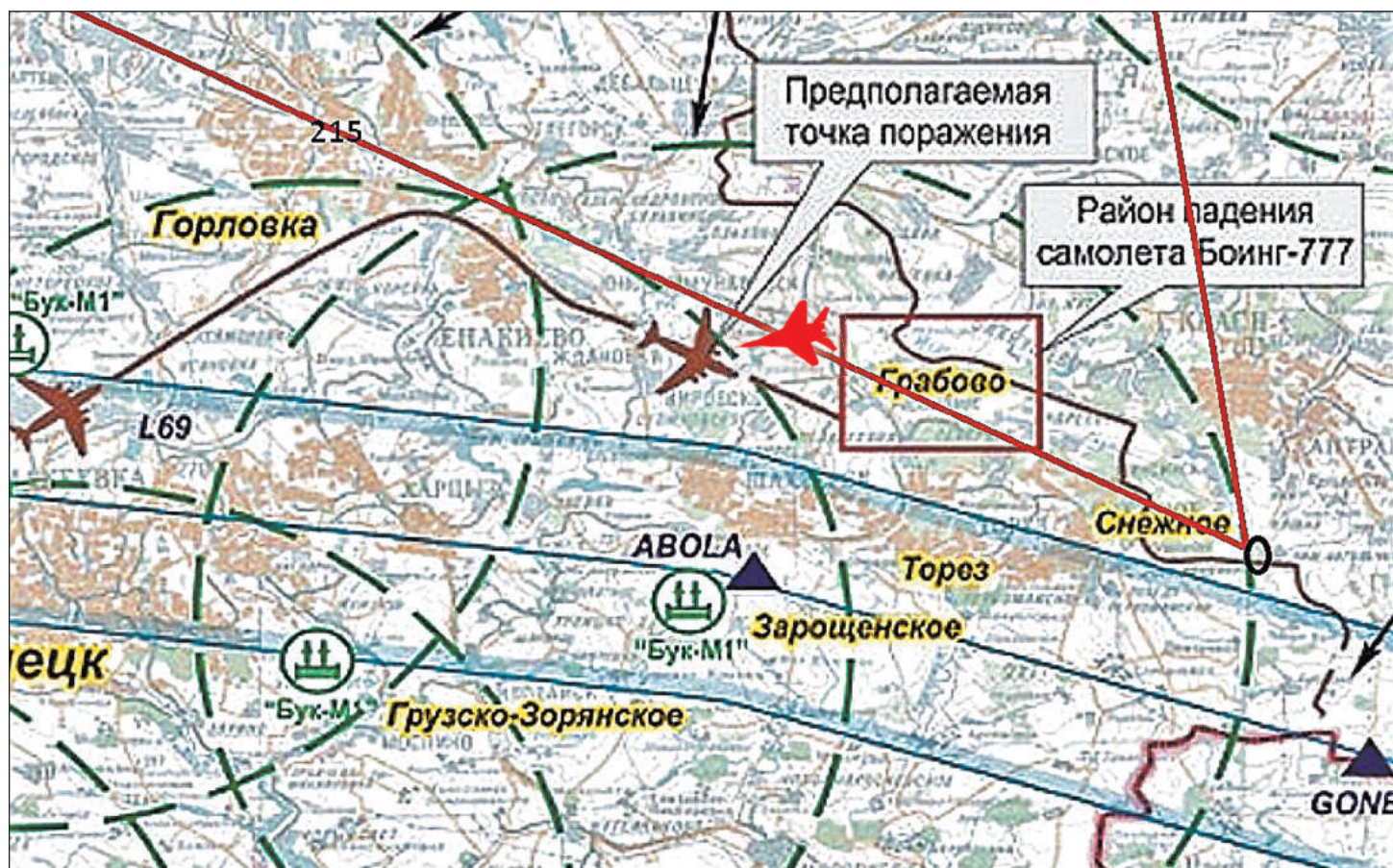


Схема 1.2. На схеме, составленной Главным оперативным управлением Генштаба РФ, коричневой линией обозначена траектория полёта «Боинга-777». А красной линией мы обозначили маршрут полёта капитана Волошина

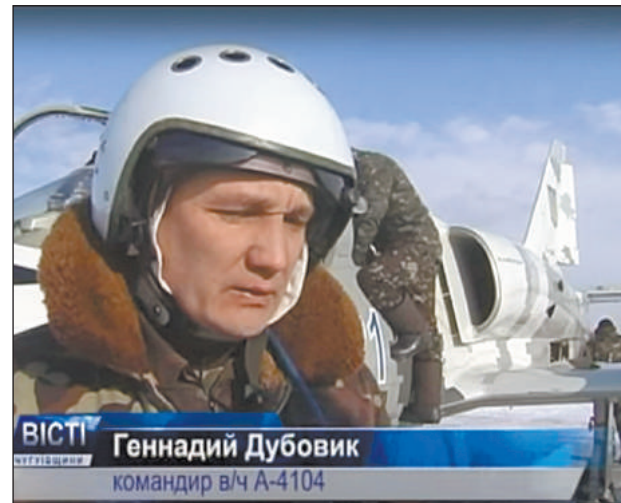
сов и возвращается на авиабазу, оставляя под собой Константиновку (215 км) и Балаклею (210 км). Общая протяжённость маршрута составила 965 км.

Последствия того, что произошло в небе в районе Горловки по маршруту истребителя Волошина (Снежное – Константиновка), мы все знаем. Именно в этом квадрате практически сходятся маршруты «Боинга-777» и боевого самолёта.

Посмотрите на схеме траекторию полёта «Боинга-777», представленную через четыре дня после трагедии, 21 июля, начальником Главного оперативного управления Генштаба РФ Андреем Картаполовым. И сопоставьте с маршрутом самолёта ВСУ. (См. Схему № 1.2.) «На схеме показана международная трасса, по которой должен был лететь «Боинг-777». Обратите внимание, что до Донецка самолёт следовал в установленном коридоре, а далее он отклонился от маршрута на север. При этом максимальное удаление от левой границы коридора составило 14 километров. В дальнейшем наблюдателя манёвр по возврату «Боинга-777» в установленный коридор. Без закончить манёвр малайзийский экипаж не успел», — объяснял тогда генерал Картаполов на брифинге. Теперь, сопоставляя план полёта № 734 с маршрутом гражданского самолёта, отклонившегося на 14 км от международной воздушной трассы, можно представить, что его как будто специально вывели на встречу с боевой машиной.

Заметьте, мы не собираемся утверждать, что «Боинг-777» сбил именно лётчик 299-й БТА ВС Украины капитан Волошин. Мы просто говорим – ребята, вот фотокопия карты (Секретно, экз. 1), пожалуйста, исследуйте её, перепроверяйте. Этот документ вытщен правдами-неправдами из секретной части в/ч А4104. Это вам не циничные утверждения советника главы СБУ Маркияна Лубкивского, который в декабре 2014 года сказал: «Как было установлено, 17 июля 2014 года авиация Украины в соответствии с планом проведения АТО не применялась. Данные относительно отсутствия украинских боевых самолётов в районе катастрофы пассажирского самолёта подтверждаются материалами объективного контроля системы сбора и обработки радиолокационной информации... Капитан Волошин полёты не совершал, а 16 июля его самолёт был посажен на ремонт».

Как, однако, кардинально отличаются данные «объективного контроля и радиолокационной информации» министерств обороны Украины и России. Может быть, извечные мировые рефери – американцы помогут установить истину? В своём



Командир в/ч А4104 полковник Геннадий Дубовик хорошо осведомлён о спецоперации СБУ

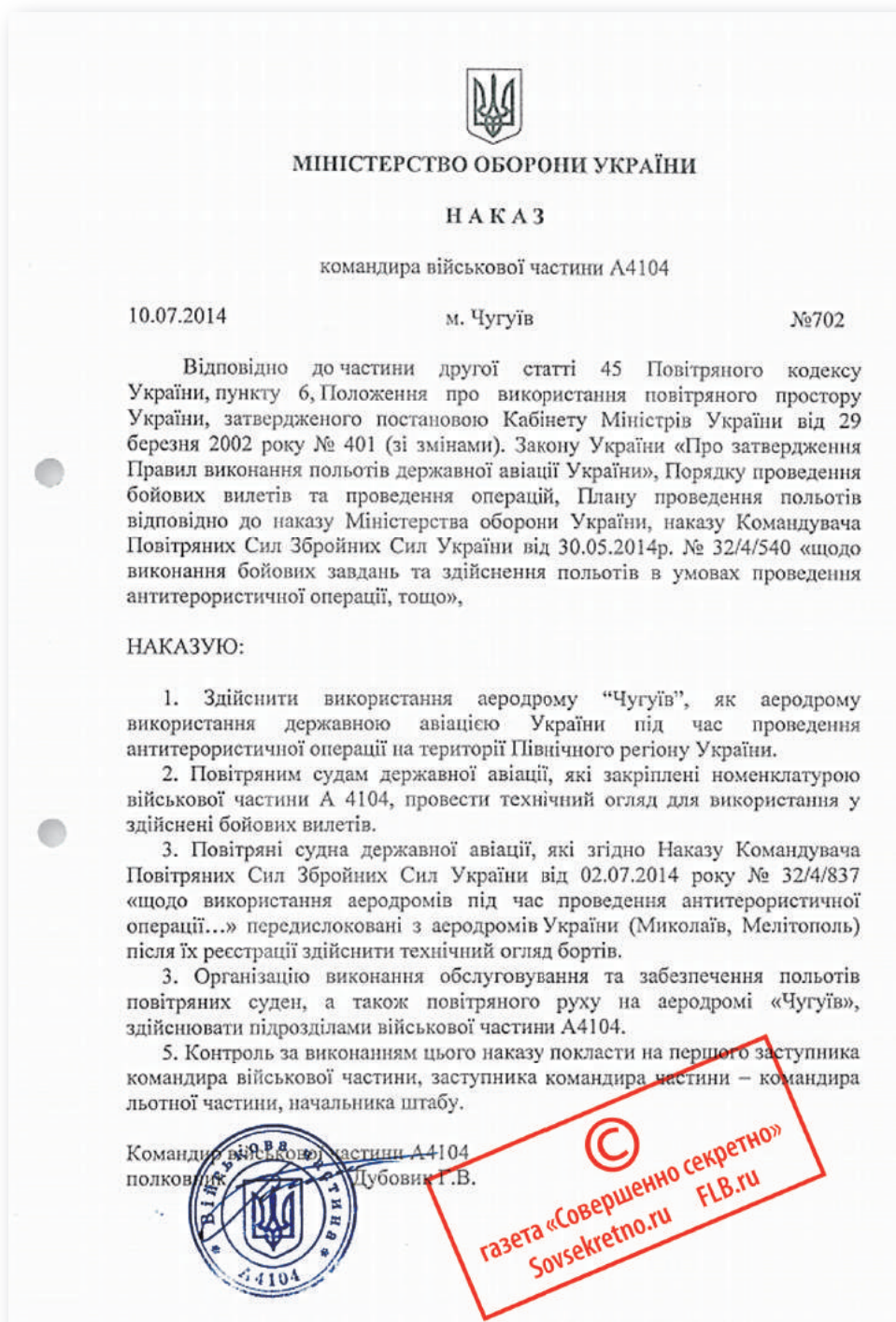
недавнем фильме режиссёр Оливер Стоун задаёт вопрос президенту Путину: считает ли он, что разведслужбы США могут обладать информацией о крушении «Боинга-777»? «Я убеждён, что так оно и есть... Если информация противоречит этому, то тогда они никогда её не раскроют», – ответил Путин. И, как видите, реальная информация противоречит...

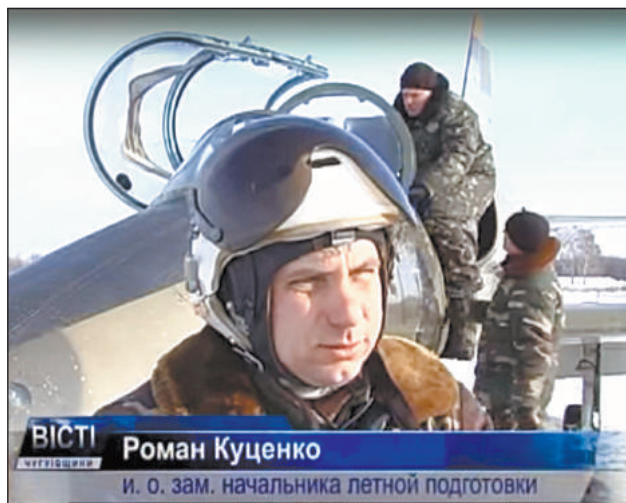
Почему мы полагаем, что пассажирский «Боинг-777» был сбит не обязательно именно лётчиком Волошиным? Потому что в этот страшный день из Чугуева вылетали ещё два боевых борта. Это следует из двух приказов командира воинской части А4104 полковника Дубовика. (Эти приказы из того же «кейса», который мы получили от нашего «источника N».)

**«ЗАКРЕПИТЬ ВОЗДУШНЫЕ СУДА
НА ВРЕМЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛЁТА
17.07.2014 ГОДА ЗА ЛЁТЧИКАМИ»**

Перевод документа № 2
Министерство обороны Украины
ПРИКАЗ
командира воинской части А4104
10.07.2014 г. г. Чугуев № 702

Согласно части второй статьи 45 Воздушного кодекса Украины, пункта 6 Положения об использовании воздушного пространства Украины, утверждённого постановлением Кабинета министров Украины от 29 марта 2002 года № 401 (с изменениями), Закона Украины «Об утверждении Правил выполнения полётов государственной авиации Украины», Порядка проведения боевых вылетов и проведения операций, Пла-





Начальник лётной подготовки в/ч А4104 Роман Куценко. Это он поставил свою подпись под полётной картой капитана Волошина

на проведения полётов в соответствии с приказом Министерства обороны Украины, приказа командующего Воздушных сил Вооружённых сил Украины от 30.05.2014 г. № 32/4/540 «относительно выполнения боевых задач и осуществления полётов в условиях проведения антитеррористической операции и др.».

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Осуществить использование аэродрома Чугуев как аэродрома использования государственной авиацией Украины во время проведения антитеррористической операции на территории Северного региона Украины.

2. Воздушным судам государственной авиации, которые закреплены номенклатурой воинской части А4104, провести технический осмотр для использования в осуществлении боевых вылетов.

3. Воздушные суда государственной авиации, которые согласно Приказу Командующего Воздушных сил Вооружённых сил Украины от 02.07.2014 года № 32/4/837 «относительно использования аэродромов во время проведения антитеррористической операции...» передислоцированы с аэродромов Украины (Николаев, Мелитополь) после их регистрации осуществить технический осмотр бортов.

3. Организацию выполнения обслуживания и обеспечения полётов воздушных судов, а также воздушного движения на аэродроме Чугуев осуществлять подразделениями воинской части А4104.

5. Контроль за выполнением настоящего приказа возложить на первого заместителя командира воинской части, заместителя командира части – командира лётной части, начальника штаба.

Командир воинской части А4104 полковник Дубовик Г.В.

Приказ № 702 свидетельствует о том, что, во-первых, примерно за неделю до катастрофы аэродром Чугуев, где базировалась 203-я учебная авиационная бригада Харьковского университета ВС Украины, было решено использовать для боевых вылетов в рамках «проведения антитеррористической операции...». Во-вторых, в Чугуев были переброшены самолёты с военных аэродромов в Николаеве (аэродром Кульбакино, 299-я БТА) и Мелитополе.

А вот второй письменный приказ командира части полковника Геннадия Дубовика, выпущенный 15 июля 2014-го, за два дня до расстрела «Боинга-777», уже свидетельствует о переходе к конкретным боевым действиям:

Перевод документа №3
Министерство обороны Украины
ПРИКАЗ
командира воинской части А4104
15.07.2014 г. г. Чугуев
№ 734

В соответствии с Законом Украины «Об утверждении

Правил выполнения полётов государственной авиации Украины», Порядка проведения боевых вылетов и проведения специальных операций, Плана проведения полётов в соответствии с приказом Министерства обороны Украины, Приказа командующего Воздушных сил Вооружённых сил Украины от 30.05.2014 г. № 32/4/540 «относительно выполнения боевых задач и осуществления полётов в условиях проведения антитеррористической операции и др.».

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Закрепить воздушные суда государственной авиации на время осуществления полёта 17.07.2014 года за лётчиками:
– капитан Волошин В., Су-25М1 № 08 (25508110284), второй пилот подполковник Помогайбо В.;

– подполковник Плохолько Р., Су-27 № 36 (19614), второй пилот Сосковец И.;

– майор Ручко И., МиГ 29 МУ1 № 29 (2960731217), второй пилот майор Ситник Г.

2. Воздушным судам государственной авиации Су-25М1 № 08 (25508110284), Су-27 № 36 (19614), МиГ 29 МУ1 № 29 (2960731217), которые закреплены номенклатурой воинской части А4104, провести технический осмотр самолётов для использования в совершении боевых вылетов.

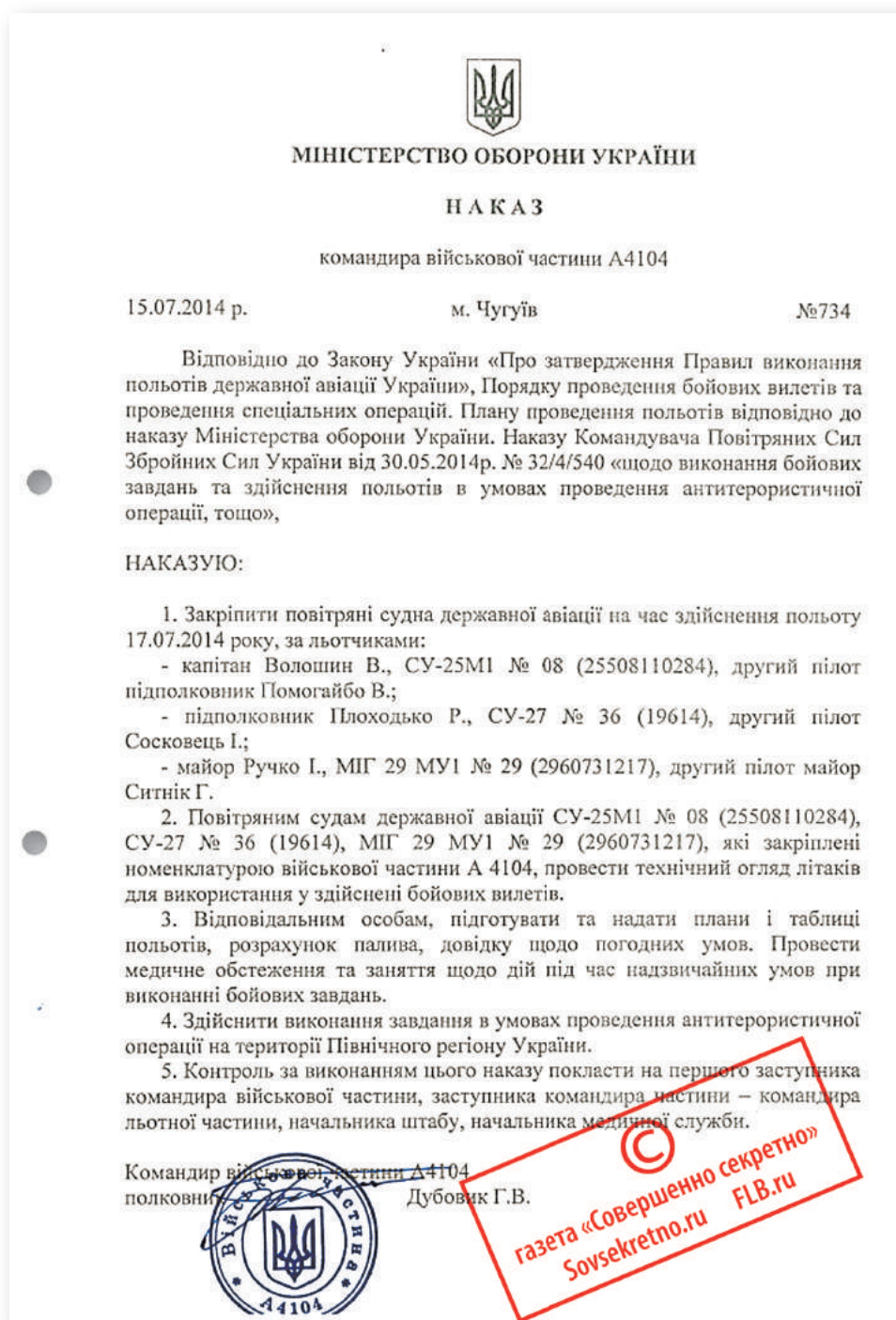
3. Ответственным лицам подготовить и предоставить планы и таблицы полётов, расчёт топлива, справку о погодных условиях. Провести медицинское обследование и занятия по действиям во время чрезвычайных условий при выполнении боевых задач.

4. Осуществить выполнение задачи в условиях проведения антитеррористической операции на территории Северного региона Украины.

5. Контроль за выполнением настоящего приказа возложить на первого заместителя командира воинской части, заместителя командира части – командира лётной части, начальника штаба, начальника медицинской службы.

Командир воинской части А4104 полковник Дубовик Г.В.

Кстати, номер этого приказа совпадает с номером приведённого выше «Плана полёта» капитана Владислава Волошина (Документ № 1), за которым был закреплён штурмовик



Документ № 3

Су-25М1 с бортовым номером 08. Вместе с ним 17 июля с аэродрома Чугуев должны были взлететь истребители-перехватчики МиГ-29 МУ1 с бортовым № 29 и Су-27 № 36. Названы фамилии пилотов основного состава и их дублёров. Сразу отметим, что в приказе полковника Дубовика звучат одни фамилии, но при этом, по сведениям нашего источника, в других штабных документах фамилии лётчиков, вылетающих 17 июля для выполнения задачи № 1, были засекречены и изменены на Евтушенко, Савицкий, Верховецкий, Ветлицкий...

По данным офицера в/ч А4104, к которому был произведён заlegenдированный подход, боевой вылет для проведения спецоперации в район Торез – Снежное осуществлялся на машине Су-27. «Задача прикрытия: воздушное грузовое судно «Боинг», перевозившее гуманитарную и военную помощь для ополчения ЛНР, ДНР. Фактическая задача: уничтожение пассажирского воздушного судна». (К свидетельствам этого офицера, записанным на диктофон, мы вернёмся ниже.)

К сожалению, мы пока не располагаем планами полётов Су-27 и МиГ-29, одна-

ко можем представить боевую операцию в воздухе, в которой одновременно задействованы штурмовик и два истребителя-перехватчика.

Когда мы показали копию полётной карты и двух приказов заслуженному лётчику-испытателю Рубену Есяну, он отметил, что, конечно, эти документы должны пройти сводную экспертизу, но при этом сразу сказал:

– А я так и думал! Для штурмовика Су-25 проблематично догнать «Боинг», его тогда должны были вывести близко к нему. На догон цели ему потребовалось бы больше времени. А вот истребители Су-27 и МиГ-29 – сверхзвуковые самолёты, они могли быстро набрать эту высоту и догнать «Боинг-777». Это самолёты воздушного боя. Думаю, что «Боинг-777», рейс МН17, сбил или МиГ-29, или Су-27. Скорее, фронтовой истребитель МиГ-29, который оснащён и пушками, и ракетами для поражения воздушных целей.

Кстати, я летал на «Боинге-777», проводил испытания этого самолёта в 1998 году в Соединённых Штатах, в Сизтле, для наших авиакомпаний. У него крейсерская скорость 900 км/ч. При такой

Установлен Су-27 №36. Серийный номер: 19614, Су-27 № 75. Год выпуска: 06.07.1987 г. С 17.03.1992 года состоит на вооружении ВС Украины. В 1992 году в 831 ИАП (истребительный авиационный полк) получил бортовой № 36. Весной 1996 году получил новый «ломаный камуфляж» с б/н 36 кантом, позже получил № 36. В 2001 году был передан в 9 ИАБР (Озёрное) и получил бортовой №27. 27.07.2002 года самолёт участвовал в авиашоу во Львове. Позже передан обратно в 831 ИАБР (истребительная авиабригада), где получил снова № 36. С 2009 года находился в отстойнике. Весной 2014 года снят с консервации, введён в эксплуатацию. Су-27 № 36, синий, до 17 июля 2014 года не принимал участия в боевых действиях, а значит и не был «засвечен».

В октябре 2015 года Су-27 № 36 замечен в цеху ЗАРЗа (Запорожского авиаремонтного завода) в ожидании ремонта. 23.08.2016 года впервые замечен в цифровом камуфляже, передан в Озёрное.

Вооружение: автоматическая одноствольная пушка ГШ-301 (30 мм, 150 снарядов); ракетное вооружение – до шести управляемых ракет (УР) класса «воздух-воздух» средней дальности типа Р-27, до четырёх УР малой дальности Р-73 с ТГС. Максимальная скорость – 2 500 км/ч. Практический потолок – 18 500 м. По кодификации НАТО: Flanker – «Удар во фланг». Основное боевое применение – тяжёлый истребитель-перехватчик большого радиуса действия.



ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРОВ

► скорости 60 километров пролетаешь за 4 минуты. Лётчик, который сбивал его, он спешил, он боялся, что 4 минуты – и «Боинг-777» успеет выскочить. Поторопился, он раньше начал стрелять по нему, понимаете как. А у него задача была сбить так, чтобы обломки упали на границу. А получилось то, что получилось.

Я с уверенностью могу сказать, что «Боинг-777» не был сбит «Буком». Когда показали обломки малайзийского авиалайнера, я увидел фрагмент левой стороны пилотской кабины и в районе пилотской кабины, слева по борту, повреждение фюзеляжа, напоминающее след от пушечного снаряда. Четыре или пять пробоин. Пилот истребителя явно метил в кабину. Значит задача была – бить по пилотской кабине. Не по двигателям. Потому что, если бы стрелял по двигателям, двигатель загорелся, экипаж бы доложил, что пожар двигателя. А бить туда, где находится экипаж, чтобы сразу вывести из строя, чтобы не успели ни доложить и ничего сказать. Это и произошло.

Вот такую реконструкцию расстрела воздушного суда провёл заслуженный лётчик-испытатель Рубен Есаян. Вы скептически скажете, что он гражданский пилот? В мире авиации Есаян – авторитетнейший эксперт, участвовавший в разборе десятков лётных происшествий. Кстати, почитайте на досуге о Рубене Татевосовиче (см. «Мы не камикадзе», «Совершенно секретно» № 12/389, декабрь 2016).

И О ПОГОДЕ

Добывать правды от страны, в которой уже более трёх лет воюют с собственным народом, дело малоперспективное. У них боевые самолёты в этот день «не летали». У них лётчик Волошин, попавший в фокус общественного внимания, по совету своих «пиарщиков» из СБУ рассказывал: «Су-25 не предназначен для поражения таких целей, как «Боинг». Мы летаем ниже... Главное – мы не выполняли полёты с 17 июля 2014 года. У нас не было погоды. Элементарно. Но об этом даже никто не задумывается. Ведь самолёты могут выполнять взлёты и посадки при определённом метеоминимуме. Это показатель облачности, видимость горизонтальная... Да, «Боинг-777» летел. Но, извините, у «Боинга» и средства гораздо круче, чем у Су-25. «Боинг» на посадку может зайти без видимости полосы. А мы не можем – только при визуальной видимости, а её тогда не было. Тогда шёл дождь, была сплошная облачность, 10 баллов, небо полностью

было закрыто облачностью. Мы не могли лететь».

Нелётная погода? И мы по совету Волошина задумались и обратились к гендиректору известной компании Gismeteo Юрию Шмелькину с просьбой предоставить нам сводку фактической погоды за 17 июля 2014 года в этом регионе Украины. В результате получили данные метеостанций Днепр-34504 (г. Днепропетровск), Харьков-34300 (г. Чугуев расположен в 36 км от Харькова) и Дебальцево-34524 (район катастрофы).

Если лётчик Волошин 17 июля находился на военном аэродроме в посёлке Авиаторское под Днепропетровском, то, действительно, в этот день наблюдался «ливневый дождь слабый». Причём в 15:00 осадков не было – 0 мм. А в 18:00 было 2 мм осадков. Но при этом высота нижней границы облаков составляла 1000–1500 метров, а метеорологическая дальность видимости была 10 километров. Как там у капитана Волошина – «небо полностью было закрыто облачностью»?

Кстати, если почитать газетные отчёты о лётной подготовке 299-й бригады тактической авиации, то можно найти, например, такие признания «николаевских асов»: «сегодня мы отрабатывали при сложной погоде упражнения на посадку, чтобы можно было летать во всех условиях», «теперь я могу выполнять задачи в любых метеословиях днём и ночью» (это декабрь 2013 года); «лётный состав военных лётчиков восстанавливал навыки пилотирования на штурмовиках Су-25 в различных метеословиях» (это в ноябре 2012-го).

А вот если капитан Волошин вылетал 17 июля с аэродрома Чугуев, как это следует из приказа командира в/ч 4104 Геннадия Дубовика, то погода тут с трёх до шести вечера шептала: осадки – 0 мм, высота нижней границы облаков 1000–1500 метров, метеорологическая дальность видимости – 10 километров... И напоследок о погоде в Дебальцево между 15:00 и 18:00 – 0 мм осадков, погода между сроками наблюдения – пасмурно, метеорологическая дальность видимости – 20 километров.

Стреляй не хочу!

Как сказал по этому поводу лётчик-испытатель Рубен Есаян: «Что значит не имели возможности летать, если такая погода? Все самолёты – и боевые, и пассажирские – имеют минимум погоды. Это нижняя граница облаков и видимость, при которой он может произвести взлёт и произвести посадку. А нижняя граница облаков не настолько низко, чтобы самолёт не мог взлететь».



ЗУРАБ ДЖАВАХИДЗЕ/ТАСС

И о погоде. Корреспондент ТАСС фотографировал место катастрофы в Грабово вечером 17 июля 2014. Посмотрите на небо. Нелётная погода?

ГДЕ БЫЛ ЛЁТЧИК ВОЛОШИН?

Мы понимаем, что наш кейс «чугуевских» документов опровергает официальную насквозь лживую версию Киева, но при этом он расходится и со свидетельством механика авиационного вооружения первой эскадрильи бригады тактической авиации ВВС Украины Евгения Агапова. В декабре 2014 года Агапов дал анонимное интервью «Комсомольской правде», а в июне 2015-го зафиксировал свои официальные показания в Следственном комитете РФ. Напомним, механик Агапов тогда рассказал что «17 июля самолёты летали регулярно, с утра начали летать. После обеда в воздух подняли три самолёта Су-25. Два впоследствии были сбиты. Вернулся один самолёт. Лётчик капитан Волошин вылез из кабины. Находясь рядом с ним... техсостав спрашивал замечания по самолёту. В дальнейшем он шёл с остальными лётчиками, и я услышал фразу от него – «самолёт не тот».

Главное несовпадение с нашими «чугуевскими» документами заключается в том, что, по словам Агапова, в начале июля он вместе со всем лётным составом уже был переброшен из Чугуева на военный аэродром в посёлок Авиаторское под Днепропетровском: «В середине июня 2014 года я был направлен в командировку, авиачасть перебазировалась в Чугуев, осуществляли вылеты, применяли боекомплекты. Две недели находились в Чугуеве, после перебазировались в Днепропетровск. В начале июля получается».

Так что если верить Агапову, то Волошин должен был 17 июля лететь по дру-

гому «Плану полёта», но для нас важнее подтвердить, что самолёты 299-й БТА в этот день вылетали на боевые задачи. Допускаем, что чугуевский секретный «План полёта» № 734 вполне мог быть запасным.

Впрочем, у нас тоже есть показания свидетелей и очевидцев. О вылетах из Чугуева...

«ОНИ УЛЕТЕЛИ ВЫПОЛНЯТЬ ЗАДАЧУ № 1 ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ВОЗДУШНЫХ ЦЕЛЕЙ ГДЕ-ТО В РАЙОН ТОРЕЗ – СНЕЖНОЕ»

Благодаря нашему «источнику N» нам удалось получить аудиозаписи разговоров «по существу» с тремя военнослужащими в/ч А4104, которые 17 июля 2014 года «осуществляли обслуживание и обеспечение полётов на аэродроме Чугуев». Помните приказ № 702 полковника Дубовика? При желании голоса этих свидетелей можно легко идентифицировать. Вёл разговоры и записывал их человек, которого мы условно назовём «источник В». Один из его собеседников – начальник штаба в/ч А4104 подполковник В.С. Батурин. В июле 2014 года он занимал должность командира отдельного батальона аэродрома технического обеспечения авиационного полка. Сразу скажем – Батурин понимает всю опасность разговора, с «источником В» он согласился встретиться только из-за просьбы некоего Толи. По-видимому, бывшего сослуживца, которому подполковник Батурин чем-то крепко обязан. Но это не мешает ему в процессе разговора вешать собеседнику лапшу на уши. А может быть, не лапшу? Батурин даёт информацию, отличающуюся от данных, указанных в приказе командира авиачасти Дубовика. Вме-



ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРОВ

Установлен Су-25М1 № 08. Серийный номер: 10284. (В приказе командира в/ч А4104 полковника Дубовика указан полный серийный номер – 25508110284.)

Этот штурмовик был сбит 29 августа 2014 года предположительно ракетой ЗРК «Оса-АКМ» над населённым пунктом Старобешево, Донецкой области. Лётчик Владислав Волошин катапультировался. До 29 августа 2014 года он регулярно вылетал на выполнение боевых задач. «С 29 августа самолёты Су-25 боевые задачи не выполняют: российская сторона поставила на оккупированную территорию Донецкой и Луганской области слишком много противозвоздушных средств. Поэтому выполнять задачи нашими самолётами лишено смысла. Это всё равно, что билет в один конец. Улетели, задачу выполнили – и там остались», – рассказывал Волошин об этом эпизоде в своём интервью «Украинской правде».

Су-25М1 – одноместный бронированный штурмовик, оснащён двумя реактивными двигателями Р-95Ш разработанными в КБ С.К. Туманского, или ТРД Р-195. Вооружение: управляемые ракеты «воздух-воздух» Р-3 (АА-2) или Р-60 (АА-8), «воздух-поверхность» Х-25МЛ, Х-29Л и С-25Л. Контейнеры СППУ-22 с двухствольной 23-мм пушкой ГШ-23Л с 260 патронами. Одна 30-мм двуствольная пушка ГШ-30-2 в нижней носовой части с 250 патронами.

Максимальная скорость – 850 км/ч (М=0,82). Максимальная скорость у земли – 975 км/ч. Практический потолок – 5000 – 10 000 м.



Командир 299-й БТА Владимир Помогайбо



Командир звена, капитан Владислав Волошин

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРОВ

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРОВ



ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРОВ

Штурмовик Су-25 № 64, 299-я БТА

сто бортов № 08, № 36, № 29 он называет самолёты под номерами № 63, № 64 и № 52. Вместо фамилий пилотов Волошин, Ручко и др. он упоминает псевдонимы – Евтушенко, Савицкий, а также говорит о «неизвестном лётчике «сушки» № 52, который прибыл из Кировограда».

Но это не так важно. Потому что в разговоре начштаба авиачасти А4104 подтверждает главное – 17 июля 2014 года боевые самолёты «улетели выполнять задачу № 1 по уничтожению воздушных целей, где-то в район Торез – Снежное». И задача была выполнена. Мы расшифровали и печатаем этот разговор во всей его первозданной красе:

Документ № 4

Расшифровка беседы с начальником штаба в/ч № А4104 подполковником Батуриным В.С.:

«Источник В»: И что вы говорите, я тут... Станиславович, скажите, что вы можете мне сказать по вопросу 17 июля, когда там произошла трагедия в районе Грабово? 17 июля, какие у вас были на то время... и, что вы можете сказать... полёты – были, не было полётов, что вы можете в двух словах сказать с вашего полка?

Батурин В.С.: Ну, ребят, что я могу пояснить, ребят, вы же понимаете, что это серьёзные вопросы, поэтому так распространяться... это информация очень закрытая, можно поизбавиться и погон, и должностей, и всего остального, но если вы от Толи, я Толю хорошо знаю, вот как бы могу вам в двух словах обрисовать, это моя информация, вот, которая у меня есть, которую я проанализирую, которую я имею. Вот...

И.: Хорошо, скажите пожалуйста... Скажите, именно 17-го числа какие выполнялись полёты вот в том районе и задавались какие лётчики выполняли?

Б.: Ну, вот смотрите, 15-го числа к нам накануне, по-моему, 15-го числа, из Кировограда прислали борт № 52 «сушка», вот якобы для выполнения...

И.: Это на том месте? Это Грабово, да?

Б.: Да, это маленький населённый пункт, находится между этими населёнными пунктами, туда они улетели.

И.: А как, скажите, как эти самолёты выполняют эту боевую задачу, полностью оборудованы боевыми установками или как?

Б.: Ну, вы взрослый человек, самолёты, которые выполняют задачу № 1, боевые задачи № 1, значит – боевое вооружение. Это туда входят ракеты «воздух – земля», пушечные установки. Вот такое.

И.: Это боевые?

Б.: Ну конечно, боевые, он на боевую задачу летит.

И.: И используют это всё?

Б.: Естественно, используют, да.

И.: А как по условным целям или как?

Б.: Ну, там как, если № 1, то цель была, по крайней мере.

И.: Поражены, одним словом...



ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРОВ

Штурмовик Су-25 № 63, 299-я БТА

И.: 15-го?

Б.: 15-го, 15 июля 2014-го года пригнали «сушку» из Кировограда, это точно я знаю, якобы для технического переоборудования, ну чего-то странно загнали её в ангар и всё. Всё. 15-го загнали в ангар, 16-го у нас не было, по-моему, полётов, а 17-го согласно регламента были вылеты. Вот, должны были 17-го числа, 17 июля 2014 года, согласно графика должны вылетать борты № 63 и № 64.

И.: Это вы то, что знаете?

Б.: Да, согласно записям по журналам и всё... Вот. Но вместо № 63 борта, вылетел вот этот № 52, который прибыл из Кировограда. Тоже странно как-то, вот, который не записан, ни по журналам не проходит, нигде не проходит.

И.: Я понял. Скажите, пожалуйста...

Б.: Вот они улетели выполнять задачу № 1, курсовая задача. Это задача № 1 по уничтожению воздушных целей, где-то в район Торезово, где-то туда, Снежное и Торез, тот район выполняли.

Б.: Дело в том, смотрите, ещё один нюанс. В то время, когда происходили эти вылеты, вот, я был на другой должности, поэтому я не могу вам...

И.: А какая у вас должность?

Б.: Ну, я был тогда командиром отдельного батальона аэродрома технического обеспечения авиационного полка, тогда я был на той должности, то есть по-простому – замкомандира полка по тылу.

И.: В то же время это...

Б.: Да, в то же время. Это просто по моей информации, то, что я как бы знаю.

И.: А кто командир тогда был у вас?

Б.: Вот, тогда был у нас командир Дубовик Геннадий Станиславович (ошибка в отчестве, на самом деле он Дубовик Геннадий Валентинович. – Ред.).

И.: Эта же часть, да?

Б.: Да, часть 4104.

И.: А, я понял... Да, а не скажете, хотя бы примерно, если это не секретная информация, хоть фамилии лётчиков есть? Но номера вы сказали...

Б.: Ну, смотрите, согласно выполнению, обратно в журналах это всё есть, тогда вылетали № 63 и № 64 борта, там были лётчики Евтушенко и Савицкий. Но Савицкий на № 63 борту не улетел, вместо него улетел вот этот неизвестный лётчик, который прибыл из Кировограда.

И.: А, понятно.

Б.: И ещё как бы интересная информация, что накануне, где-то числа 15-го, к нам прибыла зенитно-ракетная установка 156-го зенитно-ракетного полка, где-то он находится там под Донецком, вот, прибыло. С ними, с этим экипажем общался наш «особист», и поэтому там, я знаю, что они 17-го числа также выходили где-то в тот район, между Снежным и Торезом, для поддержки выполнения задачи с земли.

И.: Да. Что они проводили тоже стрельбы пусковые или как?

Б.: Нет, по ходу они не проводили, но они как бы выходили для поддержания выполнения боевой задачи.

И.: Ну я понял, мол, вдруг не получится...

Б.: Точно я вам сказать не могу.

И.: А кого-нибудь из этих фамилии не знаете, не записывались они нигде у вас, никто, с этой пусковой установки?

Б.: Нет, но по памяти, это же давненько было, вы же понимаете, вот этого комплекса, зенитного ракетного комплекса, там, по-моему, был водитель старший Сметковский, по-моему, так, остальных я не знаю. С ними общался наш Саша Яковенко, «особист» наш, с ними плотно общался Саня. Вот, что известно.

И.: А, понятно, хорошо. Ну по выполнению задачи, что выполнили они её и всё, да?

Б.: Да по ходу, по моей информации, задача № 1 выполнена, и сразу в тот же день, что странно, подчёркиваю, что странно, сразу лётчиков с бортов № 64, № 63, № 52 сразу расформировали, где-то перевели, непонятно где, как.

И.: А машины эти остались?

Б.: Машины нет, ни машин нет, ни лётчиков – никого нету. Их сразу...

И.: ...Машины тоже все поулетали?

Б.: Да, улетели все машины, неизвестно где.

И.: И никто никакой информации?..

Б.: Пока нет информации где, что... По ходу их перевели где-то в другие части, по другим частям, как обычно это делается, расформировали их, может переименовали даже...

И.: Ну хорошо, что ли... Большое спасибо... Как вы уже сказали нам, что... Ну, я так понял, это было именно 17-го, да?

Б.: Да, это было 17-го числа. Вот когда, в тот день, когда сбит был «Боинг».

И.: Но у вас выполнена была задача ваша? То есть вы свои задачи отдельно выполняли, как положено, в соответствии с графиком выполнения полётов?

Б.: Да, запланировано это было всё.

Установлен МиГ-29 МУ1 N 29. Серийный номер: 2960731217, год выпуска 12.1990 года. С 17.03.1992 года поступил на вооружение в ВС Украины. За это время был приписан: 117 ЛАРЗ г. Львов – 10.09.2007 г.; 40 БрТА г. Васильков под №17, белый – 07.07.2009 г.; 204 БрТА г. Бельбек под № 40 – 24.08.2009 г.; (Май 2014 года, аэродром Кульбакино, г. Николаев, № 29 синий – май 2014 г.; Васильковская БТА ВС Украины, под № 29, синий – с июня 2014 года. Васильковская бригада тактической авиации Воздушных сил Украины является частью Воздушного командования «Центр» и расположена в городе Васильков, примерно в 30 километрах от Киева.

МиГ-29МУ1 (MiG-29MU1) – украинская модернизация МиГ-29 (9-13). На нём установлен приёмник системы спутниковой навигации СН-3307 производства «Оризон-Навигация», интегрированный в БРЭО (за счёт чего увеличена точность навигации и дальность применения автоматизированных средств инструментальной посадки). На 20% увеличена дальность обнаружения воздушных целей (до 100 км в передней полусфере и до 45 км – в задней). Радиолокационная станция способна сопровождать 10 воздушных целей и обстреливать самую опасную. Скорость цели, на которую ведётся атака – 230–2500 км/ч.

Вооружение: авиационная пушка калибра 30 мм, ГШ-301, 150 снарядов. Усовершенствованные ракеты Р-27ЭР1 и Р-27ЭТ1, выпускаемые украинской государственной компанией «Артём», имеют дальность пуска до 95 км.

Максимальная скорость на высоте составляет 2450 км/ч. Практический потолок – 18 000 м. По кодификации НАТО: Fulcrum – «Точка опоры». Многоцелевой истребитель четвёртого поколения.

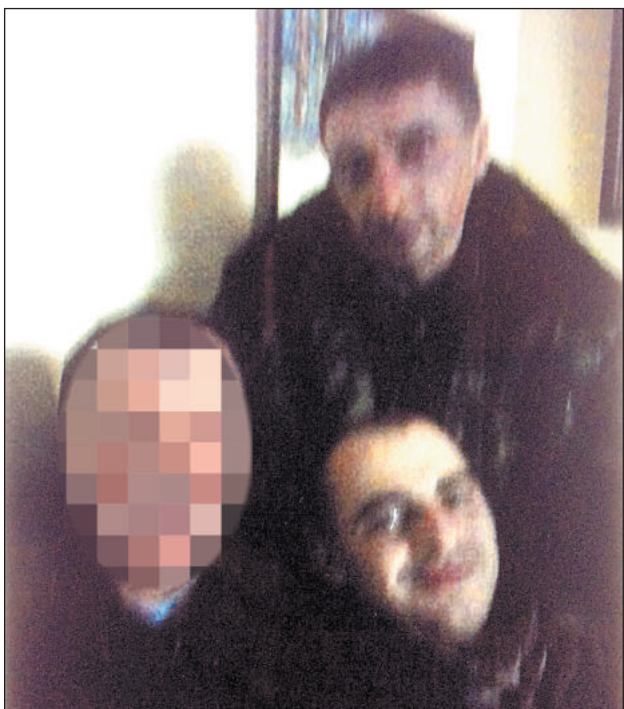


ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРОВ

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРОВ

Командир звена капитан Илья Ручка и его МиГ-29 МУ1 № 29

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРОВ



Свидетель № 2. Офицер в/ч А4104 капитан Дмитрий Самофалов (стоит)

► **И.:** Хорошо, большое спасибо. Если что, мы созвонимся с вами...

Б.: Нет, не надо мне, пожалуйста, звонить, если что там...

И.: Ну я, если не буду по телефону, то я образно что-то спрошу вас...

Б.: Не надо... время такое и информация такая... не для всех информация...

И.: Ну хорошо, если что, я думаю, не первый день... может быть, переключёшься там, хорошо, спасибо...

(Прослушать аудиозапись разговора с начальником штаба в/ч А4104 подполковником В.С. Батуриным [Свидетель № 1] можно на сайте www.sovsekret.ru.)

Ещё раз повторим, на записи слышно как начальник штаба в/ч А4104 Батурин изворачивается, юлит. Он боится. Он чем-то обязан неизвестно нам Толику, старается угодить его товарищу, нашему «источнику В», задающему опасные вопросы. И в то же время Батурин пытается не наговорить лишнего. Но начштаба всё-таки подтверждает главное: 17 июля 2014 года боевые вылеты происходили, боевая задача № 1 в районе Торез – Снежное была выполнена. Как сказал подполковник Батурин: «Задача № 1 выполнена... В тот день, когда был сбит «Боинг».

На наш взгляд, это бесценная информация: неизвестный лётчик «из Кировограда», борт № 52, который нигде не записан и не проходит по журналам. Лётчики, которых сразу расформировали и куда-то перевели. Всё как раз в духе опубликованных нами ранее секретных приказов СБУ: «Провести профилактические мероприятия и ротацию военнослужащих авиационной эскадрильи, которые совершали полёты в указанном районе».

А может быть, как раз начальник штаба в/ч А4104 подполковник В.С. Батурин и рассказал правду? Или полуправду, но с реальными деталями? А приказ командира воинской части А4104 полковника Геннадия Дубовика – это «приказ прикрытия»?

«ХОХЛЫ СБИЛИ... У НАС НА РАБОТЕ ВСЕ ЗНАЮТ, ЧЕЙ ЭТО ПОСТУПОК ПО ПОВОДУ «БОИНГА»...

Документ № 5

Как рассказал нам наш «источник N», его коллега «источник В» сумел установить приятельские отношения с военнослужащим воинской части № А4104 капитаном Дмитрием Самофаловым. На момент беседы офицер проживал в г. Чугуеве, район Авиатор, использовал мобильный телефон +38063-XXX-XX-XX (номер есть в распоряжении редакции газеты «Совершенно секретно»). Именно капитан Самофалов рассказал «источнику В», что, по его информации, 17 июля 2014-го с

аэродрома «Чугуев» совершил боевой вылет в район Торез – Снежное истребитель Су-27. Перед ним была поставлена «задача прикрытия»: уничтожение транспортного «Боинга», перевозившего гуманитарную и военную помощь для ополчения ЛНР и ДНР. На самом деле киевская власть цинично спланировала уничтожение пассажирского авиалайнера.

«Источнику В» не удалось задокументировать всю беседу целиком. Но и та часть, которую он смог записать, на наш взгляд, представляет фактическую ценность для будущего объективного следствия.

Разговор шёл «на троих» в прямом и переносном смысле. На аудиозаписи слышен шум застолья, звон посуды. В общем, ребята в

итоге хорошо провели время, посидели как полагается – по-нашему, по-славянски. Кроме капитана Самофалова, в беседе участвовал его приятель – сотрудник станции слежения «Печенеги» (РЛС «Центра управления воздушным движением», расположена рядом с посёлком Печенеги Печенежского района Харьковской области; в народе она называется «Шар»). Да, в разговоре много ненормативной лексики, поэтому мы «перевели» некоторые слова на приличный русский язык. Например, во фразе «хохлы за...ли «Боинг» мы написали «сбили».

Расшифровка беседы с капитаном Дмитрием Самофаловым из в/ч № А4104 и его приятелем – сотрудником станции слежения «Печенеги»:

Приятель: А им <всё равно> в кого стрелять. Хоть в этих, хоть в тех. Кто бьёт, того и <грохают>.

Самофалов: Нет. Им <не всё равно>. Им сказали стрелять сперва в тех, а потом, может быть, по ситуации, потому что провокация была...

«Источник В»: А кто-то говорит, что не россияне <сбили>? Это ж ты имеешь в виду тот «Боинг»?

П.: Да...



Свидетель № 3. На переднем плане в полевой военной форме – заправщик боевых машин в/ч А4104 прапорщик Дмитрий

С.: Хохлы сбили. Ну у нас тут вот, в Печенегах, стоит этот огромный «Шар», который предназначен для сопровождения самолётов.

П.: Полностью всех (нецензурно), по Украине, ну наши ребята там...

С.: Наши знакомые там работают.

И.: Ну, ну и что?

С.: «Шар» этот, он не работает, потому что перевели всё уже давно на Днепропетровск, там этот «Шар» ведёт эти самолёты.

И.: Но он же далеко, этот Днепропетровск?

С.: Ну, далеко не далеко, тот, который у нас «Шар» стоит, – это самая высокая точка, поэтому он там и стоит и всё это видит. И у них стоит антенна, эта антенна работает только на приём. Экипажи, которые летают через эту станцию, то есть он летит здесь, а ему там надо с Нью-Йорком связаться или ещё где-то с кем-то. Она переводит в теле-

граф от лётчика эти все волны, и по телеграфу передаёт. Она старенькая, релейная, но очень надёжная. ...Говорит, у нас на работе все знают, кто это, чей это поступок по поводу «Боинга» (нецензурно).

И.: Ну над этим, там, над Снежным, там летит...

П.: В районе.

<...>

И.: А как она называется, эта станция?

П.: Станция сопровождения, слежения.

<...>

И.: Так эти, значит, пацаны вычислили?

П.: А что у них положено, они же следят. Это ж станция слежения.

И.: И за этими, за вашими самолётами следят?

П.: За всеми.

С.: Давайте вот по-человечески, говорит, если бы это действительно сбила Россия, вы бы это орали и сейчас, дока-



Станция слежения «Печенеги» (РЛС «Центра управления воздушным движением»), расположена рядом с посёлком Печенеги, Печенежского района Харьковской области. Снимок со спутника

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРОВ

зывали, все доказательства показали бы, но раз это всё так, почему вы не показываете? Это секретные данные, заявляют... <...>

И.: А там военные сидят на этом или гражданские?

С.: Они там просто операторы, она работает в автономном режиме, они максимум, если что-то там случится, какая-то неполадка или автоматика переключит, или он вручную. Просто сидят...

П.: Ну, там просто блок меняется, вручную ремонтируют.

И.: И вот это когда было, я не помню просто, где-то в июле, в середине июля, по-моему, и они в этот день – чик и зафиксировали, да?

П.: Помнишь, когда первый сбили «Боинг» или какой там, я не помню, сразу определили в момент – ракетчики...

С.: Над Чёрным морем которые...

И.: А, это когда евреев сбили?

П.: Ну да.

И.: Ну так... там министром был этот, сидит же сейчас тоже в Верховной раде, Кузьмук. Говорит, ну извините, мы ошиблись... (Александр Кузьмук был министром обороны Украины с 1996 по 2001 г. и с 2004 по 2005 г. – Ред.)

С.: И причём как погибли россияне, так и евреи. Евреям выплатила Украина компенсацию, а россиянам никому. <...> «Америкосы» только улыбаются, ответить им нечего вообще.

И.: Да... (Нецензурно)

(Прослушать аудиозапись разговора с офицером в/ч А 4104 капитаном Дмитрием Самофаловым. Свидетель № 2 можно на сайте www.sovsekretno.ru.)

Станция слежения «Печенеги» («Шар»), о которой рассказали капитан Самофалов и его приятель, до сих пор поддерживается в рабочем состоянии. Однако вся телеметрическая информация от 17 июля 2014 года по приказу Коломойского была изъята, доставлена в Днепропетровск и засекречена. «Чик – и зафиксировали».

«ТАК ЭТО ВСЕ ЗНАЮТ, КТО СБИЛ, – КИЕВ»

Документ № 6

Третья, самая короткая, беседа была записана с техником-заправщиком в/ч А4104 по имени Дмитрий (фамилия не установлена). Запись очень плохого качества.

Дмитрий: ...Я тогда стоял в тот день.

«Посторонний»: Да, извини, но сколько стоит такое дело, хотя бы переписать? Самоходки сами пошли?

Дмитрий: Да, сами пошли.

«Источник В» (шёпотом): Ты помнишь тот день, когда сбили «Боинг»? Кто сбил?

Дмитрий: Так это все знают, кто сбил, это все знают. Киев.

«Источник В»: Кто?

Дмитрий: Киев, Су-25 атаковал, в августе всех отсюда разогнали...

(Прослушать аудиозапись разговора с техником-заправщиком в/ч А4104 Дмитрием [Свидетель № 3] можно на сайте www.sovsekretno.ru.)

Советуем Международной следственной комиссии в Нидерландах взять свидетелей № 1, № 2 и № 3 под свою защиту.

БОЙНЯ № 734 ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Итак, и план полёта № 734, и приказы командира в/ч А4104 №№ 702, 734, и свидетельские показания начальника штаба, офицера и заправщика этой авиачасти, и даже сводка метеоусловий за 17 июля 2014-го приводят нас к выводу, что в этот день самолёт (или несколько самолётов) Воздушных сил Украины сбил (или сбили) пассажирский «Боинг-777», рейс МН17. Это могли быть самолёты Су-25М1 №08, Су-27 №36, МиГ-29МУ1 № 29 (согласно данным из приказа командира авиачасти Дубовика) или «сушки» № 52 (неизвестный лётчик), № 64 и № 63.

На наш взгляд, этот «чугуевский» кейс документов дополнительно подтверждает и уточняет данные Министерства обороны РФ, обнародованные начальником Главного оперативного управления Генштаба Андреем Картаполовым: «Российскими средствами контроля зафиксирован набор высоты самолётом украинских ВВС, предположительно Су-25, в направлении малайзийского «Боинга-777». Удаление самолёта Су-25 от «Боинга-777» составило от 3 до 5 километров».

Когда мы совместно с Агентством федеральных расследований FLB.ru опубликовали две первые части расследования («Уничтожить факты проведения специальной операции» и «Перемещение «Бук М-1» через государственную границу Украины со стороны России не зафиксировано»), последовала предсказуемая реакция руководства Службы безопасности Украины – это фейк, фальсификация российских спецслужб, подделка. «По-украински так не пишут», – высказали своё недовольство «филологи» из СБУ. Так отправьте своих эсбзушников поголовно на курсы украинского языка и литературы! А ещё научите их не торговать секретными документами.

Другое дело, что в случае с приказом № 734 от 15.07.2014 г. командира воинской части А4104 полковника Г. Дубовика



Военный аэродром Чугуев. Приказом министра обороны Украины N160/191 от 07.04.2015 г. военный аэродром был «переформатирован» в аэродром совместного использования государственной и гражданской авиацией. Обеспечением полётов по-прежнему занимается в/ч А4104

мы поначалу сами впали в ступор от ряда нелепостей, обнаруженных нами в этом документе. Самым странным нам показался пофамильный список лётчиков: Су-25М1 № 08 (капитан Волошин В., второй пилот подполковник Помогайбо В.); Су-27 № 36 (подполковник Плохотько Р., второй пилот Сосковец И.); МиГ-29МУ1 № 29 (майор Ручко И., второй пилот майор Ситник Г.)

Во-первых, мы застопорились на звании запасного пилота борта № 08 – «подполковника» Помогайбо. По поиску в Сети легко нашёлся – командир 299-й бригады тактической авиации полковник Владимир Анатольевич Помогайбо, под чьим командованием и служил Волошин. Полковник. Перепутать звание известнейшего на Украине командира «николаевских асов»? Случайная опечатка? Намеренная дезинформация? Проверяем дальше. Су-27 № 36 – подполковник Плохотько Р. Единственный, кого находим по интернет-поиску, – подполковник Руслан Владимирович Плохотько, командир вертолётного звена 16-й отдельной бригады армейской авиации... погибший 2 мая 2014 года, за два с половиной месяца до описываемых событий.

А запасным пилотом МиГ-29МУ1 № 29 в приказе вписан майор Г. Ситник. Мы обнаружили только одного подходящего Ситника – командира вертолётного звена 7-го отдельного полка армейской авиации Григория Алексеевича Ситника. 2 августа 2014 года этот майор-вертолётчик был награждён орденом Богдана Хмельницкого III степени. И при этом основной пилот МиГа в приказе № 734 вполне реальный персонаж – командир звена 299-й БТА капитан Ручка Илья Николаевич.

В этот момент мы живо представили, как многочисленные интернет-тролли вскакивают с диванов и, хлопая ладошками, кричат: «Фейк! Фейк!» Но дело в том, ребята, что мы не занимаемся пропагандой и подгонкой информации под известный результат.

«Значит, приказы фальшивые, грубая подтасовка? Как можно было посадить в кресло Су-27 мёртвого вертолётчика?» – задали мы вопрос своему «источнику N».

– А вы хотите получить на руки железную бумажку за подписью Верховного главнокомандующего Порошенко с признанием, что я, Президент Украины, отдал приказ на сбитие «Боинга»? А не думали, что это «приказы прикрытия»? Эсбзушная оперативная комбинация. Слушайте, я точно знаю, что копии этих приказов пересняты со штабных документов чугуевской авиачасти. Я пофамильно знаю людей, которые это сделали. Я знаю где сейчас лежит подлинник полётной карты Волошина... Они совершали преднамеренное убийство, заваляли пассажирский борт. Вели спецоперацию. Ясно, разыграли оперативную

комбинацию, не конченные же они идиоты. А приказы Дубовика, целеноправленные искажения документов, вполне себе часть этой оперативной игры. Задача – затереть следы. Самолёты-то в итоге 17-го взлетали! Факт.

Это факт. В любом случае, мы считаем, что «чугуевские» документы и откровения свидетелей являются тем необходимым пазлом, который поможет восстановить трагические события 17 июля 2014 года. Тот день, когда был сбит «Боинг». В тот день, когда в 13:20:03 по всемирному координированному времени UTC, или в 16:21:28 по местному времени, оборвалась запись бортовых самописцев пассажирского самолёта с 298 пассажирами и членами экипажа на борту. Три года назад.

...Оказалось, что после 17 июля 2014 года как-то странно начала скакать военная карьера командира в/ч А4104 полковника Геннадия Дубовика, отдававшего приказы на боевые вылеты штурмовиков и истребителей-перехватчиков. Дубовика сняли с должности командира чугуевской авиачасти. Сведения о его дальнейшем перемещении мы нашли на сайте Минобороны Украины. 22 сентября 2014 года командующий Воздушными силами Украины генерал-полковник Юрий Байдак наградил орденом «За мужество» III степени... майора Геннадия Дубовика, командира отряда – старшего инструктора смешанной авиационной эскадрильи учебной авиационной бригады. Из полковников – в майоры, из командира в/ч А4104 – в инструкторы учебной эскадрильи. И при этом награждён орденом... Чем так провинился Геннадий Дубовик? Ужаснулся произошедшему?

В дальнейшем Дубовик служил командиром третьей авиационной эскадрильи в в/ч 2269 Национальной гвардии Украины, а в марте 2017 года занял должность начальника лётного факультета Харьковского университета Воздушных сил Украины им. Ивана Кожедуба. Карьера пошла на лад.

Не нажил бывший командир авиачасти и палат каменных. Мы нашли его декларацию о доходах, поданную 17 февраля 2017 года. За последние два года Дубовик приобрёл 10 соток земли в посёлке Ваховка Вышгородского района Киевской области да подержанный «Запорожец» (ZAZ-Lanos) 2007 года выпуска. Вместе с дочерью Инной, курсанткой того же Харьковского университета Воздушных сил Украины, Дубовик живёт в 30-метровой квартире в Чугуеве.

Резкое понижение в звании и должности Дубовика – это очередной ход СБУ в операции прикрытия? Провели «профилактические мероприятия и ротацию»...



Премьер-министр Украины Арсений Яценюк осматривает тот самый штурмовик Су-25М1 №08 (серийный номер: 25508110284). Странное совпадение: накануне трагедии с «Боингом-777» премьер Яценюк и глава Совета национальной безопасности и обороны Украины Андрей Парубий посещали те самые войсковые части № А4104 (г. Чугуев) и 299-ю бригаду тактической авиации (г. Николаев, аэродром Кульбакино), где проводили осмотр боевой техники, личные беседы с руководством и пилотами. Поднимали боевых дух пилотов? Что-то обещали?

«АГРОТИП» – ЭТО ЗНАК КАЧЕСТВА

Президент ассоциации «Теплицы России»
Аркадий Муравьёв: «Мы знаем как сделать так,
чтобы наша страна из импортёра превратилась в одного
из мировых лидеров по выращиванию овощей,
цветов и грибов на защищённом грунте»

**Алихан КИБИРОВ
Валерий АФАНАСЬЕВ**

«Совершенно секретно»

Самым трудным временем для отечественного сельского хозяйства считается начальный период рыночных преобразований (1991–2005), когда в России стала доминировать рыночно-ориентированная модель управления хозяйственной деятельностью. Она, как известно, минимизировала либо вовсе игнорировала государственное регулирование сельскохозяйственного производства и агропромышленного комплекса в целом. В 2000 году валовая продукция сельского хозяйства России в сопоставимой оценке снизилась на 40% по сравнению с дореформенным периодом – 1990 годом. В результате по ряду важнейших видов сельскохозяйственной продукции и продовольствия на рынках наметился явный дефицит. Для выхода из этой ситуации был взят курс на импорт сельскохозяйственного сырья и продовольствия. Так, по данным Росстата, в продовольственном балансе России импорт основных продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья вырос с 9,6 млрд долларов США в 1992 году до 43,1 млрд долларов в 2013 году. В структуре народнохозяйственного комплекса страны валовая добавленная стоимость сельского хозяйства снизилась с 16,4% (1990) до 4,0% (2014). За этот же период инвестиции в основной капитал сельского хозяйства снизились с 15,9% до 3,6%.

Но важно отметить тот факт, что с середины 2000-х годов руководство страны коренным образом меняет отношение к сельскому хозяйству и АПК в целом. В результате началось формирование новой агропродовольственной политики России. В частности, по производству свинины, мяса птицы, масла растительного, сахара и др. уже достигнуты пороговые значения, предусмотренные Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации. Достигнуты значительные успехи в производстве зерновых культур, благодаря чему в последние годы вырос экспортный потенциал зерна и продуктов его переработки.

Однако по ряду важнейших видов сельскохозяйственной продукции (молоко и молочные продукты, продукция мясного



скотоводства, плоды, овощи, виноград) заявленные в Доктрине пороговые значения ещё не достигнуты. Особо остро стоит проблема производства овощей в Российской Федерации. Так, например, в 2015 году во всех категориях хозяйств нашей страны производство овощей составило 16 100 тыс. тонн, в том числе в зимних теплицах – 724,2 тыс. тонн, или 4,5%. Производство овощей на одного человека в год составило 108,7 кг, в том числе производство овощей в зимних теплицах на 1 чел./год – 4,9 кг (данные ассоциации «Теплицы России»), тогда как норма потребления овощей на человека в год, рекомендуемая Всероссийским НИИ питания РАН, составляет 140 кг.

Аналогичное положение сложилось и в других подотраслях защищённого грун-

та: в грибоводстве и цветоводстве. По данным ассоциации «Теплицы России», в 2015 году на агропродовольственных рынках страны было реализовано 109,0 тыс. тонн грибов, из которых доля импортных составила 98,0 тыс. тонн. Не лучше обстоят дела и в цветоводстве.

ФАКТОР МУРАВЬЁВА

Принято говорить и писать о видных государственных деятелях, полководцах, достойных представителях науки, искусства, культуры литературы и даже большого спорта. Увековечивают (и вполне правомерно) память тех, кто трудился во имя блага, независимости и процветания своей Родины. Сказанное в меньшей мере относится к представителям

сельского хозяйства. А между тем именно они производят главные материальные блага на земле – продукты питания. Неслучайно один из принципов мировой аграрной идеологии гласит: «Занятие сельским хозяйством является главным занятием человека, а все остальные зависят от него». Так повелось в России, что в самые трудные годы в той или иной сфере человеческой деятельности появляются новые личности, новаторы производства. В тепличном овощеводстве одним из таких лидеров стал Аркадий Юрьевич Муравьёв – президент ассоциации «Теплицы России». Формировался и закалялся он в «дебрях» овощеводства закрытого грунта в самые трудные для отечественного сельского хозяйства годы.

Во многом ему помогло полученное академическое образование. После окончания с отличием Московского института инженеров сельскохозяйственного производства им. В.П. Горячкина (МИИСП) в 1977 году он начал свой трудовой путь старшим инженером совхоза «Пламя» Раменского района Московской области. В 1981 году перешёл на работу в совхоз им. Моссовета Люберецкого района, где до 2000 года прошёл путь от старшего инженера до заместителя директора. В то время, когда крупные сельскохозяйственные предприятия по ряду объективных и субъективных причин приходили в упадок, Аркадий Муравьёв, используя накопленный опыт и знания, создал новое сельскохозяйственное рыночно-ориентированное формирование – «Производственно-коммерческая фирма АГРОТИП». Основная деятельность данного предприятия заключалась в разработке и производстве технологического оборудования для теплиц, строительства и реконструкции тепличных комбинатов «под ключ». Есть у него и свои теплицы, в которых выращиваются овощи, обрабатываются новые технологические процессы.

Талант Аркадия Юрьевича заключается в умении создать команду единомышленников. Он давно понял, что в тепличном овощеводстве нужно сплотить специалистов разного профиля: организаторов производства, агрономов-технологов, специалистов по защите растений, инженеров, экономистов, маркетологов, экологов и многих других. Став генератором новых идей и пилотных проектов в тепличном овощеводстве, он один из тех, кто поднимал «из руин» отечествен-

ИЗ ТУРЦИИ НАМ ВЕЗУТ ОПАСНУЮ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ПРОДУКЦИЮ. У НАС В ПРИРОДЕ НАСЕКОМЫЕ ИСЧЕЗАЮТ НА ПОЛГОДА, А В ТУРЦИИ ОНИ АКТИВНЫ ВЕСЬ ГОД. В ПЕРИОД ВЫРАЩИВАНИЯ РАСТЕНИЯ В ТУРЕЦКИХ ТЕПЛИЦАХ ОБРАБОТКА ЯДАМИ ПРОИЗВОДИТСЯ 12–13 РАЗ.

ное тепличное овощеводство на новый технологический уровень. Импонирует и то, что Муравьев всегда поддерживает своих коллег в поисках новых инновационных продуктов. По его мнению, если кто-то останавливается в своём развитии: не изучает передовые технологии, не ездит в заграничные командировки для изучения передового опыта в странах-лидерах тепличного овощеводства, не может трансформировать и использовать на практике полученные знания, то он должен покинуть команду. «Тот опыт, который накоплен мировыми лидерами тепличного овощеводства (Бельгия, Нидерланды, ФРГ, Израиль и др.) в течение более ста лет, мы должны пройти за 25–30 лет», – утверждает Аркадий Юрьевич.

В последние годы в одном из немногих секторов АПК – в тепличном овощеводстве – наблюдается рост объёмов производства овощей. И в этом несомненная заслуга Аркадия Муравьева. В частности, его детище – «ПКФ АГРОТИП» участвует в разработке и внедрении высокотехнологичных проектов производственно-оборудования салатных и рассадных комплексов в различных регионах России и СНГ. К настоящему времени реализовано уже более 80 проектов на общей площади более 36 га. Годовой объём производства продукции на этих комплексах составляет около 2 млрд рублей. Под его руководством построено и реконструировано около 200 га современных зимних теплиц. Он оказывает практическую помощь руководителям тепличных хозяйств страны в модернизации и повышении их конкурентоспособности.

Несомненно, в этом направлении развития тепличных предприятий существенную поддержку оказали органы управления и в первую очередь Минсельхоз России. Так, например, после принятия ведущими странами Европейского союза санкций против нашей страны были приняты адекватные меры. То есть во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 06.08.2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» Минсельхозом России при участии специалистов ассоциации «Теплицы России» были разработаны существующие в настоящее время меры государственной поддержки строительства тепличных комплексов: возмещение прямых понесённых затрат на строительство в размере 20% и возмещение части процентной ставки по инвестиционным кредитам.

НАШЕСТВИЕ ПРОДУКТОВОГО ИМПОРТА

После 2000 года в мире началась экспортная экспансия и активное вторжение на внешние агропродовольственные рынки и в первую очередь в Россию. Во многих странах за короткое время стали восстанавливать мощности и площади защищённого грунта для сбыта овощей в нашу страну. Так, например, по данным ассоциации «Теплицы России», уже к 2000 году внутренний рынок Турции был полностью насыщен своими овощами защищённого грунта (и это несмотря на интенсивный рост собственного населения). Был сделан быстрый рывок, и с государственной поддержкой прирост тепличных комплексов из стекла и полимеров составил: 1980 год – 5000 га, 1990 год – 8600 га, 2000 год – 20 500 га, 2010 год – 33 500 га. В КНР прирост производственных мощностей и площадей в защищённом грунте происходит ещё более быстрыми темпами.

Но при этом многие эксперты-овощеводы высказывают серьёзную озабоченность по поводу качества относительно дешёвых тепличных овощей, поставляемых по импорту на российские рынки, а также выращенных на нашей земле мигрантами из стран СНГ и дальнего зарубе-



жья. Известно, что при их выращивании применяются вредные для здоровья людей и запрещённые в России химические средства защиты растений и биостимуляторы. При этом санитарные и технологические нормы при выращивании овощей не соблюдаются, а следовательно, качество овощной продукции (в особенности зелёных культур) практически не контролируется. Например, из Турции нам везут опасную для здоровья продукцию. Дело в том, что у них лучше обстоят дела с климатом, но зато актуальнее проблема с вредителями. У нас в природе насекомые исчезают на полгода, а в Турции они активны весь год. И если в России используется биологический метод борьбы с вредителями, то турки работают только ядами, маскируя их под разными названиями. Известно, что в период выращивания растения в турецких теплицах обработка этими ядами производится 12–13 раз.

КАК СТАТЬ МИРОВЫМ ЛИДЕРОМ

В последние годы отечественное тепличное овощеводство с государственной поддержкой (финансово-экономической, административной и нормативно-правовой) получило новые возможности для возрождения. Достаточно отметить, что за 2015–2016 годы были введены в эксплуатацию высокотехнологичные тепличные комплексы на площади 366 га, из которых 332 га являются новыми теплицами, а остальные были модернизированы на базе старых тепличных хозяйств. В 2017 году ожидается строительство новых теплиц с площадью 200 га, что позволит добавить к существующим объёмам производства не менее 120 тыс. тонн. Важно отметить, что Минсельхозом России за 2015–2017 годы было отобрано к субсидированию части прямых понесённых затрат на строительство и модернизацию тепличных комплексов 47 инвестиционных проектов (366 га) на сумму инвестиций 59 087,75 млн рублей с расчётным объёмом субсидий на соответствующие цели 11 689,3 млн рублей (данные Минсельхоза России).

Таким образом, с учётом ввода в 2016 году 160 га новых тепличных комплексов общая площадь зимних теплиц, действующих в системе Минсельхоза России, составила 2376 га, а производство отечественных тепличных овощей – более 815,0 тыс. тонн. Следует также отметить, что в последние годы современные тепличные комплексы строятся с использованием отечественных конструкций инновационного типа, что позволяет выращивать овощи круглогодично с необходимой сертификацией качества продукции.

Как утверждает президент ассоциации «Теплицы России» Аркадий Муравьев, для превращения нашей страны из импортера овощей, цветов и грибов в од-

ного из мировых лидеров по продукции защищённого грунта необходимо одновременно решить ряд проблем организационного, нормативно-правового и финансово-экономического характера:

Первое. Чтобы конкурировать с зарубежными поставщиками овощной продукции, цветов, грибов и др. на агропродовольственных рынках, нужно увеличивать размеры поддержки государством отечественных товаропроизводителей.

Второе. Необходимо и дальше повышать инвестиционную привлекательность овощного агробизнеса, чтобы обеспечить значительный приток внебюджетных инвестиционно-финансовых ресурсов в тепличное овощеводство за счёт частного инвестора.

Третье. Необходимо безотлагательно решить вопросы газификации и электрификации тепличных комплексов. Как показывает практика, «Газпром» своевременно выделяет на льготных условиях газ для теплиц, но не в каждом месте и даже субъекте РФ. С электроэнергией дело обстоит ещё сложнее. В необходимом объёме её не получают нигде. Тем более что в настоящее время при освоении инновационной технологии «светокультуры» электроэнергия в нужном объёме и по льготной цене – весьма важный сегмент тепличного овощеводства.

Четвёртое. Земля – главное средство сельскохозяйственного производства, включая и тепличное овощеводство. По земельным участкам, отводимым овощеводам в различных регионах, без реальной помощи местных (муниципальных) региональных властей проблему нельзя решить положительно.

Пятое. Остаётся проблема с водой для тепличных хозяйств. Найти пригодную для тепличных растений воду либо сложно, либо дорого. Вместе с тем вода нужного состава и качества является одним из необходимых компонентов для производства высококачественных тепличных овощей.

Шестое. Повышение качественного состава специалистов различных специальностей тепличных хозяйств является одним из реальных факторов для освоения высокотехнологичных инновационных проектов, тем более что в стране достаточно аграрных вузов и колледжей.

Седьмое. Организационно-экономические условия обеспечения товародвижения от тепличных комбинатов до потребителя остаются сложной проблемой. Имеются различные барьеры, сдерживающие вхождение в крупные торговые сетевые магазины в промышленных центрах России. Необходимо также совершенствовать логистическое звено от производителя до потребителя.

Восьмое. Административная (властная) поддержка тепличных хозяйств. Этот фактор остро стоит на федеральном и региональном уровнях. Тем более что многие вопросы агропродовольственного производства, в том числе тепличного овощеводства, в

условиях глобализации и интеграционных процессов решаются не на местах, а в Москве, Брюсселе, Вашингтоне, Стамбуле...

Девятое. Остро стоит проблема финансирования и льготного кредитования тепличных хозяйств страны. В частности, вопрос о возможности возврата кредитных средств является одним из условий формирования достойной кредитной истории. Как правило, после того как инвестор на кредиты реализовал первый этап строительства теплиц, у хозяйствующего субъекта вполне обоснованно возникает желание двигаться дальше. При этом эксперты банка-кредитора следят, как выполняются условия первого этапа. А между тем рынок овощной продукции не стабилен. Поэтому у овощеводов могут возникнуть временные трудности по погашению задолженности перед кредитором. Здесь важно, чтобы у инвестора были другие источники для погашения кредита.

Десятое. Необходимо навести порядок со строительными и проектными организациями. Крупные строительные компании России строить теплицы не могут, да и не хотят, так как рентабельность строительства весьма незначительна. Кроме того, органы управления АПК нашей страны и в первую очередь Минсельхоз России должны пересмотреть и ввести в практику институт (службу) инвестиционных экспертов для оценки крупных высокотехнологичных инвестиционных проектов в защищённом грунте.

Значимость данного предложения возрастает с принятием Государственной программы расширения доступности долгосрочных и краткосрочных кредитов по ставке, не превышающей 5% годовых, вводимой в практику отечественного агропродовольственного производства с начала 2017 года.

Одиннадцатое. Проблема защиты отечественного продовольственного рынка от экспансии зарубежных поставок. Как правило, овощи, поставляемые из многих стран в нашу страну, некачественного происхождения.

С целью защиты рынка отечественных овощных товаров ассоциация «Теплицы России» начинает развивать собственное торговое дело. Так, тепличный комбинат «Белореченский» Краснодарского края создал свой торговый дом и продвигает два собственных бренда: «Наши овощи» и «Тепличный комбинат «Белореченский». Тепличным овощеводством занимаются предприятия с замкнутым циклом производства. Например, упомянутая ранее «ПКФ АГРОТИП» занимается проектированием и строительством тепличных и грибоводческих комплексов, разработкой технологического оборудования, а также обеспечивает агротехническое сопровождение высокотехнологичных проектов и обучение персонала.

Об авторах:

Кирилов А.А. – доктор экономических наук, заведующий отделом инвестиционно-финансовых и материальных ресурсов в АПК ФГБНУ «Всероссийский НИИ организации производства, труда и управления в сельском хозяйстве». Афанасьев В.И. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБНУ ВНИОПТУСХ, член экспертного совета Комитета Совета Федерации по агропродовольственной политике и природопользованию.



ТАВР ИДЁТ НА ВОЙНУ

Воспоминания добровольца Юрия Горошко — личного телохранителя командира бригады «Призрак» Алексея Мозгового

Юрий ГОРОШКО

Специально для «Совершенно секретно»

В 2014 году москвич Юрий Горошко, узнав из новостей о том, что натворили украинские националисты в Одессе, Донецке, Мариуполе и Луганске, принял для себя непростой выбор: отправиться в Донбасс добровольцем, чтобы присоединиться к ополчению и сражаться с теми, кто объявил войну русской цивилизации на юго-востоке Украины. Он провёл почти полгода в составе ополчения Луганской народной республики, под позывным Тавр входил в группу охраны легендарного командира бригады «Призрак» Алексея Мозгового.

Вернувшись с войны, Горошко понял, что должен рассказать о том, что ему пришлось пережить. Так возникла книга «Исповедь российского добровольца», которая бесхитростно, но скрупулёзно и без прикрас рассказывает о том, как живут и умирают наши современники на этой необъявленной войне. На днях книга Юрия появится на книжных развалах страны, а пока газета «Совершенно секретно» знакомит вас с отрывками из неё.

ДОРОГА ЗА БУГОР

Граница. 5 ноября 2014 года. Поезд Москва – Грозный везёт меня в Донбасс. А если точнее, то еду я до Каменска-Шахтинского. Там мне нужно будет выйти и местным автобусом добраться до Донецка. Нашего, российского Донецка, что расположен близ границы с бывшей Украиной и о существовании которого я даже не подозревал... Пока не началась война.

А сейчас я ехал в поезде, в полупустом плацкартном вагоне и, глядя, как в окне догорает закат и мелькают наши берёзки, ещё раз прокручивал в голове, что мне нужно будет сделать по приезду утром в Каменск-Шахтинский. Проверил ещё раз номер телефона человека, которому надо будет позвонить, когда выйду на перрон. Этот номер мне дал ещё в Москве Хрусталик, он же Миша Полинков.

— Просто так не звони. Говори кратко и по делу. Никаких имён. Спросишь по этому номеру Механика. Вот адрес, по которому он тебя будет ждать в Донецке. Скажешь, что от меня. Он в курсе.

— А что это за адрес?

— Это база «Призрака». Место сбора добровольцев, перед отправкой через границу.

— Понял тебя. Спасибо за инфу и за помощь, Миш.

— Не за что, Юр. Ты, главное, возвращайся оттуда живым.

— Я буду стараться, брат.

Утро 6 ноября 2014 года. Мой поезд прибывает на станцию Каменская. Стоянка — 2 минуты. Теперь мне надо найти тот самый автобус, что отвезёт меня в Донецк, и позвонить человеку, который переправит меня через границу. ...В автобусе ещё несколько человек. По виду явно местные. Через полчаса пути я уже в Донецке. Прощаюсь с водителем. Выхожу. Недалеко от остановки, метрах в двадцати, стоит несколько легковых машин, с курящими мужиками возле них. Явно местные таксисты. Подхожу к ним.

— Мужики, мне надо вот по этому адресу. Показываю адрес.



Доброволец Тавр (Юрий Горошко)

— 150 рублей.

— Не вопрос.

— Тогда поехали.

Кидаю свою армейскую сумку в багажник к одному из них. Сажусь, и едем. По дороге общаемся о том о сём.

— Ты, наверное, за бугор собираешься, на ту сторону? — спрашивает меня таксист, мужчина лет шестидесяти.

— Ну, допустим. А что?

— Да ты не удивляйся. Просто ты уже не первый, кого я везу по этому адресу. Доброволец, что ли?

— Ага. Он самый.

Через 10 минут мы въезжаем на территорию какой-то промзоны. Такси останавливается у одного из зданий. Мы выходим из машины.

— Вон, видишь. Над дверями висит флаг Новороссии. Тебе туда, — говорит таксист.

Таксист садится в машину и даёт по газам. Я кидаю сумку на землю и несколько минут смотрю на флаг. Мой первый флаг Новороссии, который я увидел вживую, а не с экранов страны по телевизору. Впереди у меня будет ещё много таких флагов. В том числе и на рукаве, в виде шеврона...

— Парень, ты к нам? — на крыльце появляется мужчина в камуфляжной форме.

— Да. Мне нужен Механик.

— Я — Механик.

Мы оба заходим внутрь. В небольшой комнате, за компьютером сидит ещё один мужчина. Здравуюсь и с ним.

— Давай документы свои, — говорит Механик.

Протягиваю ему паспорт и свой военник.

— Скажите, а сколько примерно ждать? — обращаюсь к нему.

— Как группа соберётся, сразу стартуем. Скорее всего, ночью. Ты пока в соседней комнате подожди. Там чай, кофе, телевизор есть. Располагайся пока.

Примерно после обеда появляется ещё один парень. Тоже доброволец. Знакомимся с ним.

— Андрей. Позывной — Корж.

— Юрий. Тавр. Сам откуда?

— С Украины. Николаевская область.

— Ни хрена себе. А сюда какими путями?

— Элементарно. Через Крым. А ты откуда?

— А я из Москвы. Похоже, вместе будем границу переходить. Может, ещё кто подтянется?

— Видимо, да, — отвечает Корж. Открывает свою сумку и начинает переодеваться в привезённую с собой «Горку» (горный штурмовой костюм. — Ред.)

— Где брал? — спрашиваю у него.

— В Симферополе.

Примерно часов в десять на территорию базы заезжает пустой армейский «КамАЗ» с группой бойцов в камуфляжах. На шевронах у всех — «Призрак». Загружаем «КамАЗ» вместе с ними продуктами — сахар, макароны, рис, гречка, тушёнка, сгущёнка и т. д. После чего подходит к нам Механик.

— Парни, короче так. Свои сумки кидайте в кузов. Сами — со мной в джип. На той стороне уже сумки заберёте.

С нами садится ещё один человек, как я потом понял, проводник. Едем минут 15–20. Механик останавливает на обочине какой-то дороги. Мы выходим. Проводник (будем называть его так) в двух словах объясняет, что да как:

— Идём тихо, за мной. Между собой не разговариваем. Слышимость здесь хорошая. Не отстаём. Всё понятно?

Мы идём через какое-то поле. Судя по всему, ещё недавно — кукурузное.

Под ногами мешаются срезанные стебли. Идём молча. Ощущение такое, что ты как минимум пересекаешь мексиканскую границу в районе штата Аризона. Ещё немного — и в овраге завоюют койоты. И вот мы наконец-то выходим на бетонную дорогу.

— Всё, парни, тут уже можно разговаривать и даже курить, — говорит проводник. — Мы почти уже на месте. Осталось только ещё чуть в горку подняться.

Минут десять поднимаемся. Проходим мимо знака «Государственная граница

« Вот только какой-то странный и дикий парадокс у этой войны: по обе стороны фронта слышны русская речь и русский мат »

республики Новороссия». Проходим ещё метров триста. Перед нами появляется блокпост. Парни в камуфляже и с автоматами наперевес, улыбаются, здороваются с проводником и с нами.

– Ну, здравствуй, что ли, Новороссия! – говорю я вслух сам себе.

ЗАПАХ ГАРИ, КРОВИ И ПОРОХА

Дебальцево. Когда-нибудь, лет эдак, может, через пятьдесят, нам из архивов ФСБ достанут и покажут истинные масштабы и точную цифру наших потерь при штурме этого города. Но это будет нескоро. Я же, в свою очередь, ограничусь одним словом: потери были значительные! Остальное – военная тайна. Бригада «Призрак» при освобождении Дебальцево тоже ведь, как и все, понесла потери... Но! В отличие от других подразделений, потери эти были небольшие! Небольшие, несмотря на то что наша бригада принимала самое активное участие в этом мероприятии. А дело всё в том, что наш комбриг в первую очередь думал о своих бойцах, а не о том, что «Дебальцево надо взять любой ценой и кровью!»

Да, он мог себе позволить такую «роскошь», как независимость! Мозговой многие свои решения принимал самостоятельно. Дело в том, что у него такие понятия, как честь, достоинство и совесть, были в крови. Так же как и здравый смысл, что в период боевых действий имеет большее значение, чем просто исполнение приказа «Вперёд, за Родину!». У Борисыча как у комбрига была ещё одна важная черта – у него всегда было своё мнение на то или иное действие или противодействие. И это мнение он не боялся высказывать вслух, в противовес директивам и инструкциям из «Луганского обкома». За что, собственно, неоднократно подвергался резкой критике, оскорблениям и даже угрозам. Как покажет время, угрозы эти, к сожалению, были не просто угрозами. Через три месяца после описываемых здесь мной событий они будут приведены в исполнение.

18–20 февраля 2015 года. Дебальцево – Алчевск. После того как был освобождён последний дом в Дебальцево, встал острый вопрос с беженцами: что с ними делать? Напомню, если кто не в курсе, что Дебальцево в те дни наминало Сталинград! Со всеми вытекающими гуманитарными последствиями. Люди неделями сидели в подвалах под бомбёжками. Сидели в своих разбитых домах и квартирах без элементарных бытовых условий: отопления, газа, водопровода, канализации, электричества. Тогда цель была у всех одна – просто выжить! Всё было разбито и разрушено. Помню сияющие дыры в стенах от снарядов и пуль в мёртвых домах, в которых как-то жили люди. Было ощущение, что я нахожусь среди каких-то жутких декораций к фильму о Великой Отечественной войне. Что это всё кино. Что вот сейчас я переключу канал на другой фильм... и всё исчезнет с нажатием кнопки... Но оно не исчезало. Не исчезало, потому что это всё было в реальности. Так же как запах гари, крови и пороха, витавший в воздухе в те дни в Дебальцево. В городе-призраке.

Первая помощь после освобождения многим беженцам была оказана, конечно же, на месте, в самом городе. Людям предоставляли медицину и горячее питание по мере возможности. Но в полном объёме это было делать очень затруднительно. Поэтому Мозговым было принято решение силами бригады «Призрак» часть беженцев перевести на автобусах в Алчевск и там временно расселить их по общежитиям.

Это были обычные, заводские общаги, которых на бескрайних просторах бывшего Союза тысячи – коридор, по сторонам которого расположены комнаты. Общая кухня, общий туалет. Ничего особенного для простого, мирного человека.

Особенность была лишь одна: здесь они были в безопасности.

Я помню этих людей. И буду помнить всегда! Грязные, голодные, вонючие (уж простите за подробности), уставшие, обессиленные, с глазами кротов, которых только что вытащили на свет божий. Они смотрели на нас и не верили своему счастью. Не верили, что уже всё закончилось. Что есть свет, вода... что вокруг никто не стреляет и никто не умирает.

Комбриг тогда лично обходил каждую комнату и у всех спрашивал, кто как устроился, нужно ли ещё что-то. Передвигался он по этим комнатам, как всегда, стремительно. Мы, естественно, с ним. Мы – это я, Албанец и Рок. Метла, Лесник и Макс остались тогда в Ломоватке. С нами ещё Зазик (Серёга Тюрин) со своей камерой, как настоящий военкор. Я потом видел эти кадры. Камера, конечно, не может передать в полной мере то, что было в реальности. Например, запаха.

Помню, заходим в одну комнату. Мозговой впереди, я за ним, Рок и Албанец – в коридоре. Рядом Зазик со своей камерой. Я стою молча, стараюсь не дышать. В этой комнате собрали лежачих больных. Тех, кто почти не передвигался самостоятельно.

Вонь в комнате такая, что глаза режет. Борисыч же, как будто не замечая этого запаха, спрашивает у беженцев:

- Ну, как устроились?
- Да, спасибо. Всё хорошо.
- Вас покормили?
- Да, спасибо.
- Может, есть ещё какие-то просьбы?
- Да, есть, – чуть не плачет одна бабуля. – Собаку я там свою оставила, в Дебальцево. Помрёт она без меня.

– Бабушка, я всё понимаю, животных тоже люблю, но нам сейчас в первую очередь надо о людях позаботиться, вы уж извините. И, главное, сами выздоравливайте, – отвечает ей Мозговой.

В другой комнате картина примерно та же самая. Только воздух уже не так режет глаза. Там уставшие люди просто сидят на кроватях. Мозговой останавливается в середине комнаты. Там две пожилые женщины (одна инвалид, без ноги, рядом с ней стоит инвалидная коляска) и пожилой мужчина.

– Здравствуйте! Ну, расскажите, как вы тут, – обращается он к ним.

– А что вам котыки рассказывать? Спасибо, шо приняли, накормили, – говорит одна из бабушек с украинским говором.

– Вас покормили, всё хорошо? – интересуется Мозговой.

– Всё хорошо, покормили. И даже на руках занесли сюда. Спасибо хлопчикам вашим, – отвечает ему женщина без ноги.

Всё это Зазик снимает на свою камеру. Я стою рядом с ним, тут же, в комнате.

– Скоро всё будет хорошо. Скоро мы вас отправим по домам, – продолжает Борисыч.

– Так, а по каким домам? Дома-то наши все разбиты, – спрашивает мужчина.

– Отстроим, восстановим. Наши ведь отцы и деды после той войны отстроили всё. Вот и мы отстроим.

И тут пожилая женщина встаёт с кровати, берёт Мозгового за руку, потом за лицо и говорит:

– Моя ж ты ридна, моя ж ты дитына. Живий останься! Прошу я тэбэ, – говорит она ему.

Комбриг улыбается ей ещё шире и отвечает:

- Конечно. Непременно останусь. А пока, пожалуйста, я пойду служить дальше.
- Иди, служи.

Женщина крестит его, потом всех нас. После чего мы продолжаем свой обход по общежитию.

Тогда, в феврале 2015 года, эта пожилая женщина, как и мы все, ещё не знала, что комбригу бригады «Призрак» Алексею Мозговому судьба отведёт остаться в живых всего три месяца. Что на него будет покушение 7 марта того же года, ког-



Могила командира бригады «Призрак» Алексея Мозгового

да он чудом останется жив. Что будет парад Победы 9 мая в Алчевске, вопреки всему. Что на его похороны 26 мая в том же Алчевске соберётся полгорода... И что через год, 23 мая 2016 года, ему установят в этом городе памятник. Всего этого тогда мы ещё не знали...

ЧТО РИСУЮТ #ОНИЖЕДЕТИ

Новогригоровка. 20 февраля 2015 года.

Посёлок Новогригоровка расположен в северной части от Дебальцево. Ещё пару дней назад там шли ожесточённые бои. Укры отчаянно сопротивлялись, прикрывая Дебальцево с северной части города. Они не верили, что оказались в «котле». Им просто об этом «забыли» сказать. А когда они это поняли, то было уже поздно. Крышка «котла» захлопнулась.

Захлопнулась она в районе посёлка Логвиново, что находится на трассе между Дебальцево и Светлодарском. И, чтобы спасти свои жизни, у них оставалось два варианта: первый – сдача в плен, второй – выходить из окружения малыми группами, незаметно просачиваясь по тропам и полям. Но для этого нужно было бросить всю свою бронетехнику. Что, собственно, они в итоге и сделали.

...Заезжаем в Новогригоровку. Возле одного из домов Мозговой командует остановиться. Мы синхронно, вместе с ним чуть ли не на ходу выпрыгиваем из джипа. Соблюдая дистанцию примерно в метр от него, берём Борисыча с трёх сторон. Этот манёвр нами – мной, Албанцем и Роком – был тогда уже отработан до автоматизма. Каждый понимал, где и с какой стороны он должен находиться. Тихо, спокойно, без лишней суеты. Потому как главная задача охраны – это сам человек, которого ты охраняешь. Куда ты, туда и он. При этом глаз у тебя, должно быть, как минимум в два раза больше, чем у обычного бойца. То есть одна пара ещё и на затылке.

Подходим к одному из разрушенных одноэтажных зданий. Стёкла выбиты, двери тоже. Стены все изрешечены следами от пуль и осколков. Там уже суетятся бойцы одного из наших «призраковских» подразделений.

– Что тут такое? – спрашивает комбриг у одного из бойцов с позывным Бурят.

– Тут укроповская казарма была, Алексей Борисович, внутри полный бардак. «Растяжек» нет. Мы проверили.

Заходим с Мозговым вовнутрь. Там и правда бардак. На полу мусор, гильзы, вскрытые цинки от патронов, пустые пачки из-под сухпайков... и даже личные вещи бойцов доблестной украинской армии. Видно, что бежали они отсюда в спешке.

– А это что такое? – спрашивает нас Мозговой.

Почти на всех стенах висят детские рисунки, где украинские мальчики и девочки

поздравляют своих защитников с Новым годом. Под каждым рисунком – пожелания на украинском языке и подпись примерно такого содержания (в переводе на русский): «С Новым годом, дорогой воин АТО. Спасибо тебе за моё счастливое детство! Бейте москалей до победного конца и возвращайтесь домой! Слава Украине!» Ниже подпись: такой-то Виталик, Василь, Наталка, Олесь и т. д. Пятый, шестой, седьмой «А», «Б», «В» класс, такой-то Житомирской, Ивано-Франковской, Кировоградской, Полтавской, Черниговской, Николаевской, Херсонской, Тернопольской, Харьковской школы.

Рисунков очень много. И все они от детей примерно со второго по седьмой класс. Мы снимаем их со стен. Читаем. Молча читаем. Передаём друг другу из рук в руки. У меня в голове мелькают мысли, что Россия очень сильно запоздала с освобождением русских на территории бывшей Украины. Запоздала лет эдак на 10 – 15, а то и 20. И что в большинстве своём Россия до сих пор живёт вчерашним днём и мыслями о якобы братском нам украинском народе. Мы всё ещё по инерции думаем, что вот сейчас они там все проснутся, быстро сменят бандеровский режим, переключат свои зомбоящики на правильные каналы, и снова у нас с ними будет всё зашибись – мир, дружба, сало, горилка, балалайка. Ну мы же вроде как славяне. Братья и сёстры. А то, что у этих «братьев» уже выросло два поколения таких вот детишек, которые с молоком матери впитывают в себя, что Россия – это зло, что русский – это оккупант, а никакой им не брат, не кум и не сват, нас это не волнует. Мы же почему-то твёрдо уверены, что они все там спят и видят, как мы их освобождаем от их же хунты. Вот только какой-то странный и дикий парадокс у этой войны: по обе стороны фронта слышны русская речь и русский мат.

Я стоял, смотрел на эти детские, с виду безобидные рисунки и сам себе задавал все эти вопросы:

– Тавр, да не гони... #онижедети, – говорит мне внутренний голос.

– Ну да, пока они дети, а скоро уже будут взрослыми, – отвечаю я мысленно сам себе. – И что тогда? Что дальше?

– Нужно просто ещё подождать. Скоро само все рассосётся, устанутся. Скоро они все прозреют. Там же не все ещё бандеровцы, – отвечает мне мой же голос.

– Тогда чего мы ждём? Может, того, когда бандеровцами там станут все – от мала до велика?

Мои философские мысли прерывает Мозговой:

– Так, ладно, тут мне всё понятно, пошли на выход. Рисунки я возьму с собой, – говорит он нам, забирая листы из наших рук.

РЯДОМ С ЗАЗЕРКАЛЬЕМ

Евгений Ильченко: «Что же касается дела о ГКЧП и дела, связанного с выводом Западной группы советских войск... Не буду вдаваться в подробности. Повторю лишь слова мудреца: знание умножает печаль»



**Игорь
КОРОЛЬКОВ**

Обозреватель
«Совершенно секретно»

Газета «Совершенно секретно» продолжает цикл интервью с бывшими следователями по особо важным делам – «Важняки» СССР и России». (См. ранее интервью: с Валерием Костаревым «Легендарный Евграфыч», №2/391, февраль 2017 г.; с Евгением Бакиным «Как обезвредили «Вирус» и с Амурханом Яндиевым «Охотник за маньяками», №03/392 март 2017 г.; с Тельманом Гдляном «Кремлёвское дело», №4/393, апрель 2017 г., с Сергеем Гребенщиковым «Как развалили «офшорное» дело», №5/394, май 2017; с Владимиром Даниловым «Генерал из деревни Голендухино», №6/395, июнь 2017.

В начале 1980-х годов прошлого века я работал собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в Волгограде. В городе-герое были представлены практически все информационные агентства, телевидение, радио и центральные газеты страны. Периодически представителей СМИ приглашали на заседания обкома партии, которые вёл тогдашний первый секретарь обкома Герой Социалистического Труда Леонид Куличенко. Так сложилось, что я занимал место рядом с начальником УВД Волгоградской области генералом Константином Ивановым. Как правило, на заседания он приходил в кителе мышинного цвета, расшитом золотом, и с наградными орденами. Мы приветливо здоровались, обменивались вежливыми фразами. Мы даже жили рядом – в соседних подъездах. По осанке, с которой держался генерал, было видно: человек знает себе цену, привык повелевать и не терпел ослушания.

В 1985-м по Волгограду разнеслась весть: в город прибыла следственная бригада Прокуратуры РСФСР с целью расследовать дело о взятках и хищениях, совершённых с участием сотрудников УВД области. После этого мне показалось, что осанка генерала стала менее величественной, а взгляд подобрел. В 1986-м начальника УВД арестовали. Возглавлял эту бригаду старший следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР Евгений Петрович Ильченко.

– Давайте начнём наш разговор с того давнего дела. Я не помню, чтобы в СССР в ту пору где-нибудь ещё к уголовной ответственности привлекалась целая группа сотрудников милиции во главе с действующим генералом. Или я что-то упустил?

– Всё правильно. В те годы в Советском Союзе это был первый такой случай. Дело было настолько громкое, что в течение нескольких дней его освещала телевизионная программа «Человек и закон».

– Почему это дело стало возможным?

– Благодаря Андропову. В то время правоохранительные органы работали по разным направлениям и в различных



Евгений Ильченко (слева) с председателем Следственного комитета РФ Александром Бастрыкиным в Национальной Ассоциации организаций ветеранов следственных органов «Союз ветеранов следствия»

регионах: занимались делами о взятках в системе столичной торговли, делами мафии в Узбекистане, поборами в Краснодарском крае, расследовали злоупотребления в МВД. Дело, по которому проходил генерал Иванов со товарищи, – одно из таких.

Справка: В так называемом «волгоградском деле», возбуждённом Генеральной прокуратурой СССР по фактам хищений сырья и готовой продукции на пищевых предприятиях Волгограда, был замешан ряд высших чинов УВД Волгоградского облисполкома: лауреат премии Совета министров СССР, начальник Управления генерал-майор милиции Константин Иванов, его заместитель – начальник ОБХСС полковник милиции Александр Тютюнов, начальник Управления вневедомственной охраны УВД полковник милиции Алексей Шумилин, начальник хозяйственного отдела УВД полковник милиции Александр Кириллов. Следствию удалось установить, что под руководством Иванова и его людей регулярно, на протяжении весьма длительного времени, совершались хищения на мясокомбинате, ликёро-водочном заводе, молокозаводе, хлебозаводе, на кондитерской фабрике. Также было доказано большое количество случаев получения взяток. Так, Кириллов брал взятки с поступавших на учёбу в Волгоградскую высшую следственную школу. При обыске у него в квартире обнаружили денежные средств и ценностей почти на 72 тысячи рублей. (Автомобиль «Волга» стоил тогда 10 тысяч рублей).

Арестованные Шумилин, Кириллов и Тютюнов признали свою вину. Их показания позволили сначала установить наблюдение за Ивановым, а затем и арестовать его. Иванову предъявили обвинение в получении взяток и хищениях в особо крупном размере.

Процесс по делу бывших руководителей УВД Волгоградского облисполкома проводила Судебная коллегия по уголовным делам Волгоградского областного суда. 1 декабря 1987 года она приговорила Иванова К.Д. – к 10, Кириллова А.Г. – к 11, Шумилина А.С. – к 5, Тютюнова А.Г. – к 12 годам лишения свободы.

«Волгоградское дело» стало одним из самых громких по разоблачению коррупции в МВД СССР, возбуждённых в перестроечное время.

– На самом деле, насколько мне известно, к уголовной ответственности было привлечено гораздо больше людей.

– В целом по «волгоградскому делу» к ответственности было привлечено около 700 человек. Из них почти 60 – к уголовной: руководители УВД. Например, была осуждена и заведующая магазином при УВД Чумаченко. Именно через её магазин реализовывали украденную продукцию.

– Это что, банальные кражи?

– По сути – да. Начальники охраны предприятий выносили водку, спирт, конфеты, торты, мясные, молочные продукты – как обычные воры. Но ворами-то они были не совсем обычными. Это всё были люди, поставленные для того, чтобы на предприятиях не было хищений. Внешне банальная кража обнаружила целое явление, характерное для позднего периода брежневской эпохи – разворовывание государственной собственности государственными людьми. Сложилась очень удобная схема хищений под вполне благовидным предлогом. Дело в том, что союзные власти очень любили Волгоград. Здесь было удобно проводить всевозможные семинары, конференции, курсы повышения квалификации... Проводившиеся мероприятия автоматически приобретали патриотическую окраску. Вот и на базе Волгоградского УВД устраивали семинары союзного и республиканского значения. Разумеется, высокопоставленных гостей нужно было достойно принимать. Вообще-то на проведение подобных мероприятий выделяются специальные средства. Но без излишеств. А если без излишеств, то как продемонстрировать своё расположение к высоким гостям? Без щедрого стола не заведёшь ни прочных знакомств, ни влиятельных покровителей. Хуже того: высокие гости могут обидеться, и тогда генеральское кресло может зашататься. Но на какие деньги покупать отборную водку,

коньяк, чёрную икру, мясные деликатесы? Не из своего же кармана платить! Вот и была придумана простая, надёжная, но насквозь криминальная схема. По договорённости с руководством предприятий начальники вневедомственной охраны выносили водку и спирт, конфеты и торты, мясную и молочную продукцию. Определили даже посменный размер похищаемого сырья и готовой продукции, стыдливо поименовав их «заказами». Попробуй не вынести – поставки курировал сам начальник Управления вневедомственной охраны УВД.

– Так ради дела же!

– Как бы не так! На семинары, приёмы делегаций и «дружеские посиделки» шла только часть наворованного. Проведение официальных мероприятий было удобным прикрытием. Оправданием в глазах тех же охранников и сотрудников предприятий, откуда продукты выносились. Дескать, а что делать, обстоятельства заставляют! С одной стороны, приёмы важных гостей поднимали собственный статус начальника милиции, делали его вхожим в высокие московские кабинеты, обеспечивали покровительство. А с другой – под маркой проведения важных мероприятий и приёма высоких гостей львиную долю наворованного милицейские чины присваивали. Это была кормушка, способ личного обогащения. Часть продукции сдавалась в магазин УВД и через него реализовывалась. Деньги делили. К воровству так привыкли, что, когда генерал Иванов играл свадьбу сначала одной дочери, затем другой, в ресторане спиртное не заказывали – было «свое». И когда справляли поминки жене генерала – тоже за счёт краденного. И когда начальник управления ехал в Москву, непременно брал с собой спиртное и деликатесы – для «смазки» дружеских отношений.

– Одним из организаторов схемы был начальник ОБХСС?

– Мы все словно попали в зазеркалье. Когда воруют прохиндеи – это одно, и совсем другое, когда этим занимаются высокопоставленные правоохранители. Используя свои возможности, в стране всеобщего дефицита они обустроили нишу, в которой каждому из них удобно жилось. Это разлагало общество. Ведь воровать абсолютно незаметно невозможно. Всё видели водители, перевозившие спиртное от ликёро-водочного завода до Управления милиции, охранники, работники предприятий, включённые в схему. Каждый дома рассказывал об увиденном. Так город-герой узнал, чем на самом деле занимается руководство волгоградской милиции.

– То, о чём вы рассказываете, – отличная почва для коррупции.

– Так и было! С одной стороны, руководство управления требовало от подчинённых продукты и прекрасно понимало, где и как те их добывали. В то же время они играли роль строгих начальников, блюдущих закон. За то, что руководители областного управления закрывали глаза на хищения, начальники вневедомственной охраны предприятий передавали им

ЗА КОНЬЯЧОК, ВОДОЧКУ И БАНЬКУ, КОТОРЫЕ ОЧЕНЬ УВАЖАЛ ЗАММИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЧУРБАНОВ, КУЦЕНКО НАЗНАЧИЛИ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ МВД СССР.

взятки. А те, в свою очередь, умасливали генерала Иванова. Например, начальник Управления вневедомственной охраны Шумилин, в тот период подполковник милиции, в качестве взяток передал генералу два дефицитных в то время немецких фарфоровых сервиза «Мадонна». А вот как были оценены усилия начальника хозяйственного отдела управления, тогда подполковника милиции, Кириллова и заместителя начальника Управления по кадрам полковника милиции Куценко. За коньячок, водочку и баньку, которые очень уважал заместитель министра внутренних дел СССР Чурбанов, Кириллова вскоре досрочно произвели в полковники, а Куценко назначили заместителем начальника Управления кадров МВД СССР!

– **Руководство УВД Волгоградского облисполкома дискредитировало милицйские органы так, как это не смог бы сделать никто.**

– Не только милицию. Они дискредитировали систему власти!

– **Вам пытались мешать в вашем расследовании?**

– Нет.

– **Большая бригада работала по делу?**

– Более 20 следователей и человек 30 оперативников – из милиции и госбезопасности.

– **Это было сложное дело?**

– Да. Нужно было доказать факты хищений. Ведь дело не только в том, что продукцию тайно выносили с предприятий. Её тайно производили, создавая излишки. Это надо было установить. До Волгограда я понятия не имел, как, скажем, делается торт. Пришлось вникать в производство и выяснять, что туда не докладывают, как одни ингредиенты заменяют другими... Эти вопросы возникали и при выяснении, как изготавливали конфеты с применением возвратных отходов. В результате получалась «экономия», из неё делали дополнительную продукцию, которая и шла налево. То же самое происходило и с ликёро-водочной продукцией. Масса бухгалтерских проверок, экспертиз, следственных экспериментов, очных ставок... Монотонная, рутинная, скрупулёзная работа.

– **Сколько вы его расследовали?**

– Около двух лет.

ЗАПУТАННЫЙ МИР «ДЕБЕТА-КРЕДИТА»

– **Почему вы специализировались именно на экономических преступлениях?**

– Я окончил Свердловский юридический институт. У нас был замечательный преподаватель – Сир Павлович Голубятников. Он читал основы бухгалтерского учёта. Многим этот предмет казался скучным. Мне же было интересно. Возможно, то, как Голубятников вводил нас в запутанный мир «дебета-кредита», сыграло свою роль. Поскольку приходилось расследовать всё более сложные экономические дела, я почувствовал, что не хватает специальных знаний. Пошёл на бухгалтерские курсы, затем, работая в составе следственных бригад, год постигал бухгалтерский учёт и анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятий у преподавателей тогда Московского института народного хозяйства имени Плеханова.

– **Каким было ваше самое первое дело?**

– Экономическим. Дуванский район, Республика Башкортостан. В магазине обнаружилась недостача. Пришлось назначать ревизию, экспертизу... И вспоминать всё, чему учил Голубятников.

– **В конце 1970-х годов прошлого века вы входили в бригаду, которая расследовала дело о теневиках в Чечено-Ингушетии. Вам и 30 не было. Как вы рискнули войти в следственную бригаду?**

– Вопрос о включении в состав следственных бригад решаешь не сам. Это делают другие. Я к тому времени уже имел определённый опыт в расследовании дел экономической направленности. Мне было интересно. То дело сыграло в моей жизни важную роль. Не только тем, что было сложным, а следовательно, и поучительным, но прежде всего тем, что мне пришлось работать рядом с такими корифеями следствия, как Николай Николаевич Сироткин, Владимир Фёдорович Ладейщиков, Исса Магомедович Костоев, Борис Иванович Уваров. Люди с совершенно разными характерами, но с большим опытом – и следственным, и жизненным. У них было чему поучиться. Ладейщиков – это интеллект, высокая культура, интеллигентность. Он умел строить разговор с умными и изворотливыми людьми, принимать единственно верные решения... Костоев – это фонтан идей, быстрота принятия решений, стремительность действий и результативность проделанного – раскрытие преступлений. Уваров – совершенно иного склада: нетороплив, порой даже медлителен, но последователен и методичен. Ничего не упустит, всё разложит по полочкам, исследует и непременно докопается до истины.

Начальник следственной части Прокуратуры РСФСР Сироткин не только требовал, но и показывал сам, путём редактирования, как необходимо излагать собранные доказательства, чтобы они не могли не только трактоваться по-другому, но даже и мысли об этом не могло возникнуть у читающего подготовленный тобой документ.

– **Каким направлением вы занимались в бригаде?**

– Мне поручили изучить систему ценообразования. Разобраться в обоснованности действий начальника отдела цен Совета министров Чечено-Ингушской АССР. Запутанный вопрос! Но я с ним, слава богу, справился. С фигурантом мы говорили, касаясь экономических аспектов, на одном языке. Ему не удалось обвести меня вокруг пальца.

– **Вы расследовали только экономические преступления?**

– Нет, конечно! Были преступления против общественной безопасности – бандитизм, преступления против личности – убийства... Например, пришлось расследовать дело об убийстве в Пятигорске гражданки Судана. Девушка приехала поступать в фармацевтический институт, села в частную автомашину и... пропала. Труп не нашли. Но обнаружили доказательства, которые указывали на убийцу – водителя автомашины. Эти доказательства были столь убедительны, что суд приговорил этого человека к серьёзному сроку.

– **А почему вы пошли в следователи?**

– Так сложилось. Односельчанин, к тому времени окончивший два курса в Свердловском юридическом институте, уж очень интересно рассказывал нам, выпускникам школы, о профессии правоведа. Вот мы два друга, сидевшие за одной партией, и приняли решение идти в юридический. Всё это наложилось на ситуацию, которая когда-то случилась с моей тётей. Она работала заведующей пекарней, выпекавшей хлеб для совхоза. Её пытались обвинить в хищении двух мешков муки. Вызывали в милицию. На всю жизнь запомнил те слёзы... Мне тогда было 12 лет. Хотелось защитить тётю, которая вместе с бабушкой

воспитывала меня. С мытарствами, но настоящего виновника хищения всё-таки установили. Для близкого мне человека всё кончилось благополучно. Возможно, желание отстаивать справедливость тоже сказалось на выборе профессии.

– **Та давняя история, видимо, сильно повлияла на вас.**

– Видимо, да. Я тогда понял одну важную вещь: когда человек попадает под следствие – это драма для человека, для его семьи. Нужно очень осторожно пользоваться той властью, которая дана следователю государством, чтобы не навредить людям. Разоблачить преступившего закон – да. Но без унижений, без высокомерия, без злорадства. А тем более без подтасовок.

– **Когда вы подписывали обвинительное заключение перед передачей дела в суд, вы всегда на 100 процентов были уверены в своей правоте?**

– Следователь не может быть уверен на 100 процентов в своей правоте. Он же не видел, как совершалось преступление, не присутствовал при его планировании, не был свидетелем того, как прятались улики. Он ищет эти улики и из того, что нашёл, составляет своеобразный пазл. Он никогда не найдёт все сегменты, чтобы заполнить абсолютно все пустующие места. Он восстанавливает объективную картину процентов на 95, а то и на 99. А оставшиеся не в полной мере раскрытыми проценты, как правило, относятся к вопросу субъективной стороны совершения преступления, в частности мотива преступления.

– **У вас были дела, когда «пазл», который вы собрали, показался суду неубедительным?**

– Ни одного.

– **Возможно, это везение?**

– Возможно. А возможно, результат усилий моих учителей. Помню, Сир Павлович Голубятников на лекции приводил пример о ревизии в детском доме, а затем – о возбуждении уголовного дела и аресте заведующей этим домом. Тогда он увидел, как дети, жившие впроголодь, впервые попробовали конфеты. Это произвело сильное впечатление не только на него – на многих из нас. Берясь за расследование дела, я старался быть скрупулёзным на всех этапах расследования, во всех мелочах.

БОЛЕЗНЕННЫЙ ВОПРОС

– **Вы производите впечатление весёлого и жизнерадостного человека. Но почему от вас веет печалью?**

– Да? Не замечал. *(Долгая пауза.)* Может быть, потому, что кое-что уже знаю об этой жизни. Причём не с лучшей её стороны. Возможно, потому, что потерял очень близких мне людей...

– **О чём вы сожалеете?**

(Долгая пауза.) – Иногда задаю себе вопрос: ради чего так много положено сил? Каждый раз, заканчивая расследование дела, я надеялся, что его история послужит уроком для общества. Многие из них широко освещались в прессе. Казалось, из случившейся драмы люди непременно извлекут поучительный опыт. Но в итоге это были иллюзии. К сожалению, общество не становилось лучше. Часть населения, оказавшаяся у власти, от местного уровня до самого высокого, брала взятки, мошенничала, разворовывала бюджет... Другая часть возмущалась, но, когда оказывалась у «корыта», старалась делать то же самое.

– **Вы расследовали уголовное дело о ГКЧП, руководили расследованием уголовного дела, связанного с вы-**



ИЗ АРХИВА АВТОРА

«Важняку» Евгению Ильченко 35 лет. Снимок сделан в период расследования «волгоградского дела»

водом Западной группы советских войск. Это как-то повлияло на ваше мироощущение?

– Конечно, повлияло! Каждое дело, за которое следователь берётся, влияет на него. Делает его мудрее, лишает иллюзий... Что же касается этих двух дел... Не буду вдаваться в подробности. Повторю лишь слова мудреца: знание умножает печаль.

– **Кто такой, по-вашему, «важняк»?**

– Следователь по особоважным делам – это человек, обладающий ценнейшим опытом следственной работы. По едва заметному выражению лица, по жестам, по взгляду он может очень многое «прочитать» о человеке. А это весьма существенно при допросе. Во время допроса «важняк» выполняет колоссальную работу: анализирует поведение человека, его ответы, сравнивает их с той информацией, которой обладает, «перелистывает» архив, который держит в памяти, и анализирует, анализирует... Порой по ходу допроса он вынужден менять тактику, формулировать новые, не предусмотренные планом вопросы... Всё это требует большого психологического напряжения. Я всегда себя ставил на место того, с кем работал. Думал за обвиняемого, пытавшегося уйти от ответственности, за его адвоката, изобретающего всевозможные уловки, за прокурора, который контролировал мою работу и придирался к каждой запятой, за судью, которому предстояло оценить собранные мною доказательства...

– **Этот опыт не мешает вам жить?**

– Наоборот, помогает. Я всё так же оцениваю ответы моих собеседников не только по содержанию, но и по голосу, по интонации...

– **Без чего, на ваш взгляд, не может состояться следователь?**

– Он обязан быть порядочным человеком.

– **Самое трудное решение, которое вам приходилось принимать?**

– Решение об уходе с работы.

– **Сколько вам было тогда?**

– Сорок пять.

– **Зрелый, прекрасный возраст! Почему же вы решили уйти?**

– Это сложный и болезненный вопрос. Болезненный не только для меня, но и для тех, из-за кого я ушёл. Я бы предпочёл не отвечать на него.

Генерал Евгений Ильченко ушёл в отставку с должности начальника отдела по расследованию преступлений в сфере экономики, заместителя начальника Следственного управления Генеральной прокуратуры РФ.

«КОШЕЛЁК» СЕМЬИ ГУБЕРНАТОРА?

Кто персонально расплачивался картой в московском «Национале»? Пока неизвестно. Но говорят, что у следствия есть фото одного персонажа...

Сергей ИВАНОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Мы уже писали о том, как формировал свою команду губернатор Орловской области Вадим Потомский. Среди его товарищей и приглашённых им руководителей было достаточно много людей с криминальным прошлым, настоящим и, как выяснилось позже, будущим (см. «Совершенно секретно» № 4/393, апрель 2017).

Сегодня, когда в Орле не за горами череда судебных процессов, так или иначе связанных с чиновниками и коррупционерами, выяснилось, что ещё один фигурант громкого уголовного дела, генеральный директор орловского Агентства ипотечного жилищного кредитования (АИЖК), 97,4% акций которого – собственность области, Сергей Кочергин, тоже был взят на работу с судимостью. В конце апреля на заседании Советского районного суда арестованный Сергей Кочергин признавался: «На должность гендиректора АИЖК я был приглашён губернатором Орловской области».

А вот фрагмент из сообщения Орловского областного суда от 9 ноября 2016 года: «Приговором суда Кочергин С.А. признавался виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 160 УК РФ («Присвоение или растрата, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному, совершённые с использованием своего служебного положения»), с назначением наказания в виде лишения свободы сроком на 3 года условно с испытательным сроком 3 года». Заметим в скобках, что первый раз Кочергина судили тоже в Орле, только не в Советском, а в Заводском районном суде.

Вадим Потомский, как обычно, будет оправдываться: мол, не знал я, что он такой... Но директором гражданина, прежде уже судимого за растрату, кто назначил? Как получилось, что аффилированные с Кочергиным фирмы типа ООО «АСК Инжиниринг» и прочие получали самые «сладкие» подряды? Не потому ли, что, как оказалось впоследствии, ранее судимый за растрату Кочергин приглянулся Потомскому из-за своего умения правильно распределять финансовые потоки? Любопытно отметить, что «криминальные таланты» Кочергина проявляются всё ярче. Если ранее он был осуждён по статье 160 часть 2, а сейчас ему вменяются как минимум части 3 и 4 той же статьи. Получается, что подобранные губернатором кадры не останавливаются на достигнутом.

ПЛАСТИКОВАЯ КАРТА КАК УЛИКА

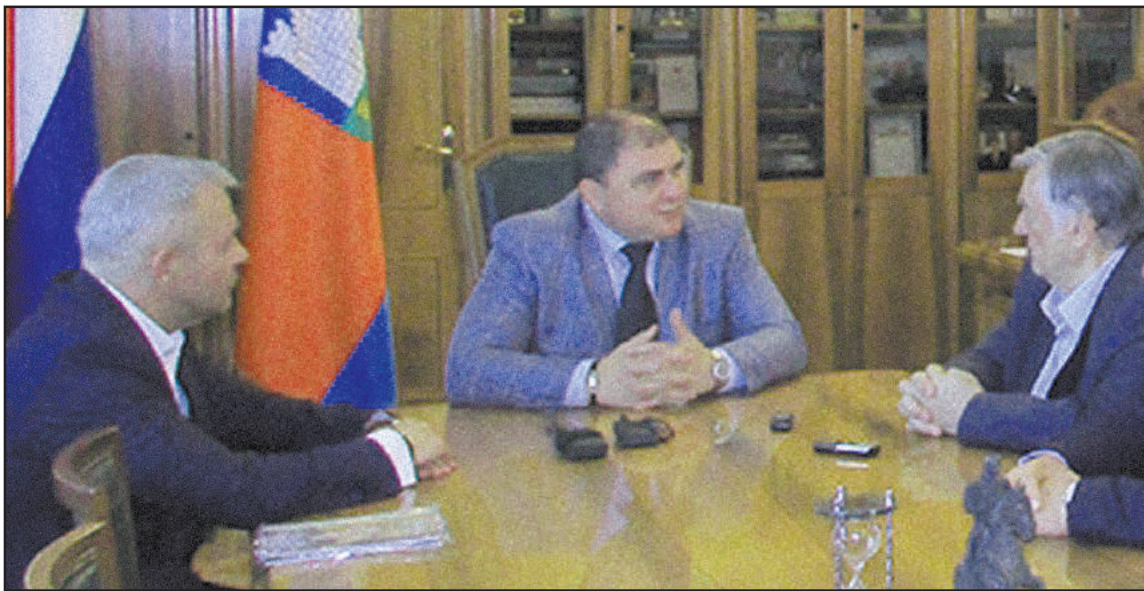
В Орловской области по большей части всё делается патриархально. Деньги областными руководителям передаются, если верить протоколу допроса директора МУП «Ритуально-обрядовые услуги» г. Орла Екатерины Стрелец, в свёртках или пакетах со спиртным. Но с приходом команды, призванной Потомским, стали внедряться и более современные технологии. Та же Стрелец в своих показаниях

отмечала: «Иногда полученные от предпринимателей денежные средства мы перечисляли Муханову О.В. (доверенное лицо губернатора. – Ред.) безналичным способом. Насколько я помню, часть денежных средств перечислялась на карту супруге Муханова О.В. – Светлане».

На апрельском заседании Советского районного суда, отказавшегося изменить меру пресечения Сергею Кочергину на более лёгкую, тот не выдержал и объявил журналистам, что заказчиками уголовного преследования против него были Вадим Потомский и руководитель Департамента государственного имущества и земельных отношений Андрей Синягов. А ещё сообщил, что им были представлены следствию доказательства «преступной деятельности должностных лиц правительства Орловской области», в виде счетов и диктофонных записей.

Казалось бы, подобное заявление должно было подстегнуть губернатора к тому, чтобы повлиять на прокуратуру и следствие таким образом, чтобы те запросили для Кочергина не реальный арест, а домашний. Но Вадим Потомский по какой-то причине этого не сделал. Кочергин остался в СИЗО, а записи и «счета», о которых он говорил на заседании, похоже, стали расползаться по области. Кое-какие распечатки относительно снятия средств с определённой карты Сбербанка Visa Classic долетели и до нашей редакции. Мы обратились за консультацией к главному редактору орловской газеты «Красная строка» Юрию Лебёдкину и попросили его рассказать о том, как воспринимается в области появление этих документов. «Насколько я слышал, – сказал Юрий Викторович, – данные распечатки действительно есть в распоряжении правоохранительных структур. Пластиковая карта была оформлена на партнёра Сергея Кочергина по бизнесу Михаила Тимакова. Когда Кочергин возглавил АИЖК в Орле, Тимаков стал гендиректором известной фирмы – двойника «АСК Инжиниринг». Каким образом карта, оформленная на него, попала (и попала ли?) к доверенным людям губернатора, я сказать не могу: выяснять это – дело следствия. И кто персонально расплачивался картой, например, в «Национале» в Москве, мне тоже неизвестно. Но говорят, что у следствия есть уже фото одного персонажа...»

Добавим только, что первые полтора миллиона рублей на «тимаковский» счёт, копия которого имеется в распоряжении редакции, поступили в августе 2015 года. По случайному совпадению именно в то время Сергей Кочергин начал «обжигаться» в АИЖК. Следующие три миллиона зачислены в октябре и ноябре. Снимали деньги в разные дни и разными суммами от 100 до 147 479 рублей. По моему мнению, так обычно делают те, кто



Сергей Кочергин (слева), Вадим Потомский и Александр Проханов. Июнь 2016 года. В августе будет возбуждено уголовное дело, в октябре Кочергина арестуют

получил денежные суммы «нечестным путём», думая, что они замечают следы...

ЗА ЧЕЙ СЧЁТ БАНКЕТ?

В высших эшелонах региональной власти есть живучая, но дурная традиция: тот или иной чиновник, находящийся под личным протекторатом первого лица региона, получающий контроль над крупными денежными потоками, становится своего рода «кошельком» первого лица области. Это может быть помощник или советник, заместитель или руководитель областной структуры. Время от времени таких людей вылавливают и отправляют в места лишения свободы, иногда вместе с их «патронами». У меня сложилось впечатление, что у Сергея Кочергина имеются все признаки «кошелька».

Деньги в АИЖК вертелись большие, Кочергину дали возможность привлечь «дружественные» ему структуры для выполнения выгодных подрядов. Перспективы купли-продажи объектов, принадлежавших АИЖК, были самыми радужными и сулили немалую прибыль. Понимал это, конечно, и Вадим Потомский. Вполне возможно, что сложились условия для реализации народной пословицы: долг платежом красен...

Например, позвал губернатор в область членов Изборского клуба. Привезти их, возможно, заплатить суточные, разместить, напоить-накормить – это совсем недёшево. 16 января 2016 года Сергей Кочергин в качестве, так сказать, общественной нагрузки внезапно стал председателем Орловского регионального отделения Изборского клуба. И похоже, оплачивал всё, что было связано с его функционированием. Можно предположить, не только из личных средств...

Вот сюжет областного телеканала от 15 июня 2016 года. Кабинет губернатора. Вадим Потомский (похлопывая Кочергина по руке): «Сергей Анатольевич нормально работает?» Александр Проханов: «Блестяще работает!» Вадим Потомский: «Он – деловой человек». Александр Проханов: «Блестяще, просто блестяще работает Сергей Анатольевич!»

«Нормально работает», «встал на путь исправления» человек с судимостью, гендиректор Агентства ипотечного жилищного кредитования и завхоз философских чтений...

Более того, 28 июля 2016 года Кочергин вместе с Потомским встречался с патриархом Кириллом! А через месяц против Кочергина было возбуждено уголовное дело, потом ему предъявили обвинение и взяли под стражу. Так что потраченные на приём общественных деятелей деньги, похоже, вышли Кочергину боком, а орловское отделение клуба с его арестом практически прекратило своё существование.

Ещё у меня закрадывается подозрение относительно того, что Сергей Кочергин оказывал финансовую поддержку «протее» Вадима Потомского – бывшему чемпиону мира по боксу Эдуарду Трояновскому. Как вы думаете, уважаемые читатели, сколько стоит размещение на рекламных плакатах и баннерах, а также официальном сайте фотографий действующего чемпиона мира? Пять миллионов рублей? Семь? В 2015–2016 годах весь Орёл был увешан такими плакатами с рекламой АИЖК. Взамен Вадим Потомский получил возможность «попиариться» рядом с чемпионом на ринге в Лужниках. Его даже показали по федеральному телеканалу. Орловские журналисты в кулуарах вовсю потешались над этим шоу. А потом шоу-проект «Трояновский – Потомский» рухнул. В декабре 2016 года боксёр из Намибии Джулиус Индонго, до этого не выезжавший за пределы родной страны, на 40-й секунде боя нокаутировал Трояновского и отобрал у него чемпионские пояса по двум версиям. Что удивительно, на этот раз Потомский на ринг не выбежал. Ему не до этого. Очень может быть, что растраченные Кочергиным десятки миллионов рублей и найденные счета могут обернуться нокаутом для него самого. На мой взгляд, остаётся только доподлинно выяснить, кто снимал с банковской карточки деньги. А это силовики делать уже научились...

Фото из архива автора

«СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ НОРМАЛЬНО РАБОТАЕТ?» – СПРОСИЛ ГУБЕРНАТОР ПОТОМСКИЙ. «БЛЕСТЯЩЕ РАБОТАЕТ!» – ОТВЕТИЛ ПИСАТЕЛЬ ПРОХАНОВ. «ОН – ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК», – ПОХВАЛИЛ КОЧЕРГИНА ГУБЕРНАТОР.

ОСТРАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

Что стало причиной деградации одного из самых известных российских вузов — РГГУ?

Сергей РУСЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

В последнее время что-то неладное творится с Российским государственным гуманитарным университетом (РГГУ), который долгое время входил в список самых престижных вузов страны. Злые языки утверждают, что во всём виновата «нехорошая генетика», изначально заложенная в организм этого серьёзного учебного заведения. Что же на самом деле происходит с РГГУ, в ходе журналистского расследования разбиралась газета «Совершенно секретно».

Действительно, история происхождения РГГУ довольно занятая — его первый ректор профессор Юрий Афанасьев до распада СССР возглавлял Московский государственный историко-архивный институт и входил в тогдашнюю либерально-демократическую элиту, которая в конце 1980-х активно раскачивала страну и боролась с властью всесильной КПСС. Когда и страна, и власть КПСС рухнули, его институту, согласно законам диалектики, перешло всё имущество Академии общественных наук при ЦК КПСС (АОН), и в результате этого слияния был основан РГГУ.

Вобрав в себя гигантские активы АОН, включая огромное здание в центре Москвы, РГГУ быстро стал набирать обороты, превращаясь в серьёзного монстра на рынке образовательных услуг. В структуре РГГУ были созданы масса институтов и новых кафедр, которые охватывали самый широкий спектр гуманитарных исследований в истории, философии, искусстве, психологии и т. д. Постепенно вуз стал вызывать интерес не только у абитуриентов, но и у ловких людей. В 2003 году, после отхода от дел Юрия Афанасьева, контроль над РГГУ решил взять ближайший соратник Михаила Ходорковского по распилу советской нефтянки Леонид Невзлин, неожиданно ставший ректором вуза.

«АРМЕЙСКИЙ» РЕКТОР

Но 2003 год оказался для империи Ходорковского не слишком удачным: сам он был арестован, а Невзлин, которым также заинтересовались компетентные органы, поспешно сбежал в Израиль. Позже Невзлин был заочно приговорён к пожизненному заключению как один из заказчиков убийства мэра Нефтеюганска Петухова.

С 2006 по 2016 год РГГУ командовал историк, член-корреспондент РАН профессор Ефим Пивовар, который всеми силами старался не снижать планку, взятую ещё во времена первого ректора. Ему даже в сложной обстановке, связанной с двумя экономическими кризисами, удалось сохранить университет на плаву.

В прошлом году вместо достигшего 65-летнего возраста Ефима Пивовара ректором был избран довольно молодой и бодрый доктор философских наук Евгений Ивахненко, который до этого заве-



Похоже, в результате деятельности ректора Ивахненко от РГГУ останется только эта вывеска

довал кафедрой социальной философии философского факультета РГГУ. У преподавателей появилась надежда, что новое руководство сможет каким-то образом улучшить экономическую ситуацию в университете. Некоторых, правда, смущала сама личность нового ректора — он происходил не совсем из академической среды: Ивахненко окончил Камышинское военно-строительное училище и 10 лет отслужил в Советской армии. Каким образом инженер-энергетик, проходивший в 1987–1989 годах службу в Казахстане, ухитрился в 1988 году окончить философский факультет Киевского госуниверситета, до сих пор вызывает удивление. После увольнения из армии майор запаса работал в Кабардино-Балкарском государственном университете. В 2003 году будущий ректор появился в стенах РГГУ, где получил репутацию неплохого преподавателя.

Но хороший преподаватель совсем не означает хороший администратор. По словам многих сотрудников, ничего позитивного в хозяйственной жизни РГГУ с приходом нового ректора не произошло, а скорее наоборот: ситуация только ухудшилась. На собрании трудового коллектива РГГУ была озвучена информация о том, что в бюджете вуза образовалась дыра в 238 миллионов рублей, закрыть которую новый ректор, как предполагают сотрудники РГГУ, решил в том числе и за счёт сокращения расходов на оплату труда сотрудников. Проводимая новой администрацией политика, по мнению преподавателей, привела к «ползучему» уничтожению работавших в стенах института научных школ, пользовавшихся мировой известностью.

В результате резко начатой ректором «оптимизации» сокращался штат и увеличивалась нагрузка на преподавателей. Начались массовые увольнения. Так, лишь в один день осенью 2016 года из известного по всему миру Института психологии имени Выготского, входящего в РГГУ, уволились сразу 12 сотрудников.

Как рассказала нам бывшая директор этого института Елена Кравцова, сегодня практически все, кто создавал этот уникальный институт, уволились. «В октябре 2016-го около 20 человек ушли, — расска-

зала нам Елена Евгеньевна, — среди них замечательные преподаватели, лауреаты престижных премий. Среди более 80 факультетов и институтов психологии России мы занимали второе место. Получается, что студентов, которые шли к нам осознанно, теперь просто некому учить. В нашем институте были разработаны специальные занятия, было много практики, общения со студентами. Всё выкинули. Сегодня преподаватель должен читать 19–20 дисциплин, чтобы заработать свою ставку, а это просто нереально. Были попытки объяснить ректорату, но в ответ: у нас материальные трудности, их надо преодолевать...»

ИГРА НА ВЫБЫВАНИЕ

Фактически на сегодня от знаменитого института осталась только вывеска. По словам Кравцовой, в нём практически исчезли кафедры психологии личности, проектирующей психологии, социальной и юридической психологии, военной психологии. Это как раз те направления, которых сегодня так не хватает стране. А ведь Институт психологии приносил вполне ощутимый доход университету — в него охотно шли люди за вторым (платным) образованием. Елена Кравцова подчеркнула: «если на обычный курс РГГУ ежегодно приходили 10–12 человек за вторым образованием, то в Институте психологии таких набиралось до 80 студентов».

Тем не менее новая администрация как будто сознательно удушила эту «курицу, несущую золотые яйца».

В РГГУ в своё время была создана, а при ректоре Ивахненко закрыта комиссия по антиплагиату. Ведущий научный сотрудник Учебно-научного института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского профессор Нина Брагинская принимала в ней самое деятельное участие: «Система «Антиплагиат», разработанная в Национальной библиотеке, работала эффективно, и кое-кому даже пришлось уйти из РГГУ».

Видимо, администрация не была довольна тем, что на предмет плагиата комиссией рассматривались диссертации бывших и нынешних руководящих сотрудников. Так или иначе, комиссия была

расформирована.

Есть проблемы и в других подразделениях РГГУ. Практически уничтожена кафедра искусствоведческого факультета, которая занималась реставрацией. Как рассказала нам профессор Нина Брагинская, сегодня в университете лихорадит весь преподавательский корпус. «Причина — введение для сотрудников годичных контрактов, что означает полную нестабильность для преподавателей и перевод их на доли ставок. В результате на весь Институт высших гуманитарных исследований, созданный в своё время легендарными российскими учёными, оставили 3,5 ставки вместо прежних 11. Сегодня эта школа международной значимости фактически уничтожается. Учитывая, что у двух сотрудников ещё не истёк прежний контракт, им по закону положены их две ставки. А на остальных девять человек размазываются 1,5 ставки. Как выжить на эти деньги, никто не может объяснить».

При этом, как рассказала Нина Владимировна, происходит полный абсурд: руководство жалуется, что вузу не хватает научных сотрудников, но отказывается их нормально финансировать. «Всё идёт к тому, что мы преподаём всё меньше и хуже, — замечает она. — Чтобы выработать одну ставку, надо в год читать 900 часов и ещё потратить 600 часов на внеклассную работу. То есть один человек должен читать как минимум 15 курсов. Такой нагрузки нет нигде в мире. Администрация, видимо, не очень понимает, что происходит».

Тем не менее руководство РГГУ продолжает внедрять ухудшающие положение преподавателей годовые контракты, которые, как объяснял преподавательскому составу ректор Ивахненко, нужны администрации «для свободы рук». Вот только непонятно, что будет делать ректор с этими «свободными руками», когда все нормальные преподаватели «сделают ноги»? Как говорил один известный литературный персонаж, «с кем вы останетесь, генерал?»

В своё время уничтожить РГГУ как высшую научную школу не удалось олигархам из ЮКОСа. Лично у меня после разговора с преподавателями сложилось впечатление, что у амбициозного руководства РГГУ это получается гораздо лучше. На наших глазах происходит системное разрушение вуза со звонким и известным в мире именем. Однако это славное реноме уже отстаёт от реальной ситуации, превращаясь в красивую вывеску, за которой начинает просматриваться зияющая пустота...

Лишь в один день осенью 2016 года из известного по всему миру Института психологии имени Выготского, входящего в РГГУ, уволились сразу 12 сотрудников

ТАЙНЫ «ДЕВОЧКИ С КУКЛОЙ»

Народная артистка России
Татьяна Пилецкая:
«В «деле» отца даже его имя
было написано с ошибкой —
«Леонид» вместо «Людвиг».
Человеку дали 15 лет,
не удосужившись
узнать его имя!»



**Андрей
КОЛОБАЕВ**

Специально для
«Совершенно секретно»

Она по праву могла бы быть одной из первых королев советского кино. Грაციозная красавица с огромными серыми глазами, копной каштановых волос, с громадной магией притяжения, актриса, не похожая ни на кого. Когда-то, едва дебютировав в «Пирогове» и «Княжне Мэри», она влюбила в себя полстраны. Но в 1956 году на советские экраны вышла мелодрама Леонида Лукова «Разные судьбы» с Татьяной Пилецкой в главной роли. Татьяна Людвиговна потом неоднократно признавалась, что этот фильм одновременно принёс ей невероятную, просто оглушительную славу и... поставил жирный крест на её кинокарьере. Нет, конечно, он не уничтожил её как актрису — она по-прежнему выглядела восхитительно и играла блистательно. По-прежнему её каскадёрский номер с выездом верхом на лошади из фильма «Олеко Дундич» собирал стадионы, а список приписываемых ей народной молвой в возлюбленные красавцев актёров только пополнялся: Олег Стриженов, Георгий Юматов, Марк Бернес... Но карьера вдруг забуксовала, зашла в непонятный, явно нетворческий тупик. И это в 28 лет — в самом расцвете, причём на фоне таких внутрисемейных передраг, что хоть волком вой или в петлю лезь.

Но актриса и не думала сдаваться. Нашла «свой» театр — ленинградский Ленком (ныне «Балтийский дом»). Написала четыре откровенные автобиографические книги, занялась изучением своего генеалогического древа. Между прочим, сделала в своей родословной немало удивительных открытий: оказывается, её прапрабабушка Луиза Графемус героически сражалась в войне с Наполеоном, а Антон Павлович Чехов

носил пенсне работы другого её предка — известного петербургского оптика Ивана Яковлевича Урлауба.

...Мы сидим в её питерской квартире в районе Чёрная речка. Передо мной очаровательная, стройная, статная женщина — никогда не скажешь, что 2 июля Татьяне Пилецкой исполнится 89. Вчера она отыграла свой любимый спектакль «Дерево умирают стоя» по пьесе Алехандро Касона, а всего в её сегодняшнем репертуаре их четыре, не считая антрепризы. Её имя по-прежнему собирает полные залы. Она до сих пор выходит на сцену на высоченных каблуках, поёт, танцует, держит публику в напряжении и срывает аплодисменты.

БРАТ МЕЧТАЛ, ЧТОБЫ Я СТАЛА ПРИМОЙ-БАЛЕРИНОЙ

— Татьяна Людвиговна, в детстве вас рисовал знаменитый Кузьма Петров-Водкин, другой известный художник, Алексей Пахомов с вас ваял фарфоровую статуэтку «Юная балерина», хранящуюся в Русском музее. Почему они в качестве модели выбрали именно вас?

— Мои родители очень дружили с семьёй Кузьмы Сергеевича (он даже был моим крёстным), мы часто у них гостили, а там бывал Алексей Фёдорович Пахомов. Он в тот момент решил себя попробовать в скульптуре. А почему выбрали меня? Мы же общались. Я училась в балетной школе, какое-то изящество, вероятно, привлекло.

— Давно видели этот свой портрет «Девочка с куклой. Портрет Татули» — экспонат Таллинского художественного музея?

— Да как раз совсем недавно! В Таллине у меня был творческий вечер, и заведующая отделом русской живописи привезла на него «Девочку с куклой». Причём под охраной! (Смеется.) Сама его установила, рядом стояла, не разрешала даже фотографировать. Последний раз я видела эту картину, когда

вместе с отцом, уже вернувшимся из лагеря, ходила в Русский музей на выставку Кузьмы Сергеевича. Была растрогана до слёз!

— В Ленинграде вашими соседями по дому №9 на Таврической улице были режиссёр Сергей Васильев и актриса Варвара Мясникова. Вы знали, что он один из «братьев Васильевых» — создателей легендарного «Чапаева», а она — та самая актриса, сыгравшая Анку-пулемётчицу?

— Конечно! Весь дом это знал. Это было до войны — я была совсем маленькая ещё. Они жили этажом выше. Причём до Васильевых эту верхнюю квартиру занимал Сергей Эйзенштейн. Наше угловое окно выходило во двор, и я помню, как вставала у окошечка и наблюдала, как из большой парадной выходят Сергей Дмитриевич Васильев вместе с Варварой Сергеевной. Потом они разошлись, у него появилась другая жена... Я хорошо запомнила другое: у их дочери была няня, Наталья Ильинична. А у нас квартира делённая, ванны не было. И Наталья Ильинична, которая прятельствовала с моей мамой, спускалась к нам: «Мои уехали на съёмки. Идите мыться!» И мы с мамой мылись в ванной Васильевых.

— В каком возрасте у вас проявились творческие порывы?

— Я танцевала всегда, сколько себя помню. Весёлая была, очень активная... На даче в Сиверском, под Ленинградом родители устраивали вечера. Папа пел — у него был чудесный баритон, мама играла на рояле, а я танцевала. Именно после одного из таких концертов мой крёстный посоветовал отдать меня в балетную школу. Что самое удивительное: моя строгая немецкая бабушка, Екатерина Николаевна, из которой обычно слова не вытянешь, вдруг неожиданно поддержала эту затею. И вскоре мама отвела меня в Ленинградское хореографическое училище. Помню, сидел худсовет — Ваганова, Дудинская,

Уланова, — а мы ходили по кругу, нас смотрели, оценивали. Маме сказали: «Всё хорошо, только ручки короткие». Но взяли. У меня были дивные учителя. Мой первый педагог по балету — Евгения Петровна, мама легендарной балерины Татьяны Вечесловой. А выпускала меня Мария Фёдоровна Романова, мама Галины Улановой.

— Мечтали стать примой-балериной, как Уланова и Вечеслова?

— Нет, мой старший брат Володенька этого хотел. В ночь, когда его призвали в армию, он зашёл попрощаться. Положил мне под подушку семь слоников (они до сих пор стоят у меня на пианино!) и книжку «Основы классического танца». И написал: «Тата! Будь хорошей балериной». Поцеловал, и больше я его не видела — он пропал без вести в первые дни войны. Но настоящей балериной я никогда в жизни не стала бы.

— Почему?

— Во-первых, я была лентяйка, а балет — это адский труд. Во-вторых, некую роль сыграла, конечно, война. Наше училище почти на четыре года эвакуировали на Урал, в глухое село Полазна. Вы же понимаете, какие там могут быть занятия?! Ну а главное — меня всё-таки тянуло именно в драматическое искусство. Как только у нас в хореографическом училище открылся драмкружок, я первая прибежала туда и вскоре сыграла Снежную королеву. Будучи второклассницей, представляете?! Папа посмотрел и, я помню, сказал маме: «Молодец Татьяна! И говорит со сцены как хорошо, и муфточку держит, и спинку». Более того, я нашла свой крошечный дневничок 1943 года (то есть я его вела уже в эвакуации), он заканчивался фразой: «Кончится война, брошу я этот балет и пойду в драматическую студию!» Непонятно же в дневнике появилась эта фраза?

— Выдающийся хореограф Большого театра Юрий Григорович был вашим сокурсником по училищу?

НА ДАЧЕ В СИВЕРСКОМ, ПОД ЛЕНИНГРАДОМ РОДИТЕЛИ УСТРАИВАЛИ ВЕЧЕРА.
ПАПА ПЕЛ — У НЕГО БЫЛ ЧУДЕСНЫЙ БАРИТОН, МАМА ИГРАЛА НА РОЯЛЕ, А Я ТАНЦЕВАЛА.



Картина К.С. Петрова-Водкина «Девочка с куклой. Портрет Татули». 1937

– Нет, он учился на два курса старше. Кто бы мог подумать, что вырастет в хореографа, да ещё такого. Несколько лет назад было какое-то торжественное мероприятие в Царском Селе, столы накрыли. Сажусь и вдруг вижу: идёт Юрка. Как закричит: «Татка!»

– Сколько лет вы не виделись?

– Да господи, со школы, с тех самых пор! Как стали вспоминать. «Ты помнишь, как мы брёвна баграми таскали из Камы, из ледяной воды?» Я говорю: «Помню, Юрочка, помню!» В эвакуации нам было не до учёбы – работать надо было. Брёвна таскали – это же дрова! Всё делали: пололи грядки, собирали картошку... Жили 18 человек в одной комнате, спали на матрасах, набитых сеном. Морозы под 40, голод... Несмотря на то что нам давали аж по 800 граммов хлеба (казалось, всё это съесть невозможно!), а всё равно постоянно есть хотелось. Помимо этого, ещё выступали перед ранеными в госпиталях с концертами. Мы не так давно созванивались с моей подружкой Валечкой Петровой и вспоминали, как в одном из госпиталей играли свой номер на двоих – «Бим и Бом». Полный зал раненых, перевязанных... Я вышла, зацепилась за кулису и всю её потащила за собой. Такой хохот стоял в зале! Дети же ещё были, боже ты мой!

МАМА ПИСАЛА СТАЛИНУ

– Что ещё врезалось в память в период эвакуации?

– 7 ноября 1942 года мы ездили на праздничный концерт в город Молотов (так тогда называлась Пермь) – там выступали Уланова и Вечеслова. А назад нас везли на старом пароходике, набитом пассажирами. Вдруг девчонки мне говорят: «Таня, там едут твои знакомые из Ленинграда». Я побежала и обомлела: навстречу мне вышел... мой папа. Он сразу отвёл меня в сторонку и предупредил: «Мама сильно изменилась. Не пугайся и не подавай вида!» Мама сидела на каких-то тюках около каюты. Мы не виделись два года (!), и первое, что она мне сказала, даже не поздоровавшись: «Таточка, у тебя нет хлебушка?» До сих пор мурашки по коже, когда вспоминаю эту нашу встречу.

– Сказались последствия тифа, которым мама переболела в блокадном Ленинграде?

– Блокада, тиф – всё вместе. На почве голода и последствий болезни у мамы случилось помутнение рассудка. В себя она пришла только несколько недель спустя. А вот папка молодцом держался – не терял присутствия духа. Хотя мама была эвакуирована, а он ехал в многолетнюю ссылку.

– Из блокады в ссылку? Куда уж страшнее...

– Такое было принято решение. Отца вызвали и ознакомили с документом, в котором ему предписывалось в трёхдневный срок покинуть Ленинград.

– Что инкриминировали?

– То, что он был немец по национальности. А какой он немец? Мои предки по папиной линии – Урлаубы – приехали в Россию в 1837 году. И папа, и его родители родились здесь, в Петербурге. Его родственники были известными в городе оптиками, архитекторами, музыкантами, живописцами. Мой дед, Егор Фёдорович Урлауб, был академиком живописи, его картины – в Русском музее и Третьяковке. Ничего не помогло!

Вы только представьте: ему в три дня надо было всё имущество продать

ших паспортах ленинградскую прописку и сказали, что в 24 часа мы должны уехать к папе в лагерь – на Урал. Я к тому времени уже начала сниматься в кино, и один из режиссёров мне посоветовал обратиться к драматургу Николаю Эрдману, который в тот момент ставил программу для ансамбля МВД. Я поехала к нему. После этого я единственный раз была в «Большом доме» – здании Ленинградского НКВД. Мрачные холодные коридоры, двери, как шкафы. По виду зеркало – открываешь, а оказывается, это дверь... Кошмар!

– Не было опасений, что сделаете себе только хуже?

– А чего мне было бояться? У меня шляпка, вуалетка... (Смеётся.) Я пришла, рассказала про папу – я же знаю, что он ни в чём не виноват. Генерал НКВД Леонтьев сказал позвонить через неделю. Я позвонила. Он говорит: «Деточка! Вы танцуйте, а ваша мамочка пускай едет к папе». И тогда я пошла к Соловьёву – был такой Иван Васильевич Соловьёв, по тем временам главный в Ленинграде. Очень уважаемый человек, герой войны. Он внимательно выслушал, тут же взял трубку, позвонил, уж не знаю кому. Как начал кричать: «Что это за безобразие?! Вы так всех русских из города выгоните?!» Вско-



Кадр из приключенческой советско-югославской ленты Леонида Лукова «Олеко Дундич». Дундич – Бранко Плеша, Галя – Татьяна Пилецкая. 1958

и уехать. А какая бабушкина квартира была... Из троих своих детей бабушка Екатерина Николаевна больше всего любила моего папу, и самое роскошное из нажитого имущества она отдала ему. У нас была потрясающей работы мебель из карельской берёзы и красного дерева. Инкрустированная, невероятной красоты! А какие картины были, библиотека, посуда! И всё это надо было продать, причём за бесценок, или просто бросить. Мама с папой уехали с одной корзиной и двумя сумками. В одной из них были вот эти старинные антикварные чашечки. (Показывает.) Я всё время смотрю на них и удивляюсь, как они уцелели, проехав столько километров, столько лет находясь вместе с папой в Краснотурьинске. Видно, так ему были дороги – как кусочек из прежней, спокойной счастливой жизни.

Кстати, в 1990-е мне дали почитать «дело» отца. Знаете, что больше всего меня поразило? На титульной странице даже его имя первоначально было написано с ошибкой – «Леонид Урлауб». Потом имя зачеркнули и сверху исправили на «Людвиг». Человеку дали 15 лет, не удосужившись узнать его имя!.. Там аккуратно были подшиты бесчисленные мамины прошения пересмотреть его дело и оправдать – она писала Калинин, Жданову, Ворошилову, Молотову и даже самому Сталину. На всех стояла резолюция «Отказать!».

– Насколько я знаю, дело отца и вам потом аукнулось.

– Это было уже после войны, в 1948 году. Нас с мамой вызвали в отделение милиции, крест-накрест перечеркнули в на-

не было обиды на социалистическую систему, на сталинизм?

– (Длинная пауза.) Да, вот такие мы были – искренне верили в светлое будущее. И я была плотью своего времени. Когда умер Сталин, папа ещё отбывал свой 15-летний срок, но я помню, как я плакала от горя! Ну что же держать в себе зло и жить этим злом? Это не в моём характере абсолютно. У меня характер – папин. Если бы он не был таким лёгким, спокойным, дружелюбным, отходчивым человеком, он бы не пережил всё то, что ему пришлось пережить.

– Папа рассказывал подробности про эти 15 лет?

– Мало что рассказывал. Наверняка было и трудно, и очень плохо. Но он никогда не жаловался. Вначале жил в лагере, за колючей проволокой. Но отец и там смог проявить артистические таланты: он ставил спектакли в местном Доме культуры, сам в них играл и таких же, как он, заключённых привлекал. И это его спасло! Со временем ему разрешили переселиться в город. Я ведь к нему ездила в 1950 году. Мы концертировали в Краснотурьинске, потом поехали в соседнее село – в местном Доме культуры я читала Некрасова и танцевала – папа смотрел на меня...

Его реабилитировали в 1958 году, при Хрущёве. А ещё через много-много лет, когда папы уже не было в живых, я решила сходить в реабилитационный центр за справкой о реабилитации. Мне эту бумагу дали и сказали: «Поскольку в тот момент вы были несовершеннолетней, вам причитается денежная компенсация».

– Большая сумма накапала?

– 9 рублей 58 копеек. Я сказала: «Спасибо большое. Не надо!»

ВЕРТИНСКИЙ И «КНЯЖНА МЭРИ»

– В 1947 году вы снялись в знаменитом фильме «Золушка» – с Яниной Жеймо, Эрастом Гариным, Фаиной Раневской... Как вы туда попали?

– Окончив после эвакуации училище, некоторое время я танцевала в кордебалете Театра музкомедии, но уже тогда стала немножко сниматься в кино. Мы с мамой жили в те годы очень тяжело – картонная система, нужно было зарабатывать. А за съёмочный день платили 4 рубля 50 копеек. Поэтому за счастье было играть даже в массовках. Так вышло и с «Золушкой». Если вы помните, там было много сцен бальных танцев. Меня уже киношники знали, вот и пригласили участвовать в этих балах. Помню, сшили мне очень красивое голубое парчовое платье. Господи, боже мой! Мне было 18 лет – как я была счастлива! Снимали в павильонах «Ленфильма». Я ходила, смотрела на Раневскую, на Гарина. Это всё было для меня так ново, так волнующе. Янине Жеймо перед каждым крупным планом делали свеженький грим, потому что она была уже не девочкой: всё-таки 37 лет, а как юную Золушку сыграла! ▶



Татьяна Пилецкая – в роли дамы на балу. Кадр из фильма-сказки Надежды Кошеверовой и Михаила Шапиро «Золушка». 1947. Современная цветная версия

► **– Трудно в те годы было получить роль?**

– Конечно, непросто. Это сейчас девочка снялась раза два – и она уже героиня и звезда! А во времена моей молодости начинали с массовочки, следующая ступенька – эпизод и упоминание в титрах. Вот так постепенно, ступенечка по ступенечке, нужно было продвигаться вперёд. Но поскольку тогда уже мои фотографии на «Ленфильме» были, режиссёры их смотрели и предлагали мне роли.

– Правда, что вашей киношной карьере весомо поспособствовал Александр Вертинский?

– Это вышло совершенно случайно. Нас познакомила подруга моей мамы, и на первой же встрече (а я уже снялась в «Пирогове» и ещё нескольких фильмах) Александр Николаевич настойчиво, а он слегка картавил, говорил: «Гаубчик, гаубчик... С такой внешностью вам надо, надо сниматься в кино!» С тех пор он, приезжая в Ленинград, всегда приглашал меня на свои концерты, иногда водил в рестораны. Позже он настоял, чтобы я попробовалась в картину «Княжна Мэри». Взял у меня фотографию и сам отвёз на Киностудию имени Горького режиссёру Исидору Анненскому. Меня вызвали, и – можно так считать, конечно – с его лёгкой руки я снялась в этой роли. За что Александру Николаевичу благодарна всю жизнь. А на следующий год я сыграла Таню Огневу в «Разных судьбах».

– Где вас увидел режиссёр Леонид Луков?

– На съёмках «Княжны Мэри». Он приходил на все съёмки. Смотрел, выбирал актёров. Потом никаких проб не делал никому – ни Жорке Юматову, ни Юле Паничу, ни Тане Конюховой. У него глаз был – о-о-о!

Больше никогда не доводилось переживать той сумасшедшей славы, которая на меня обрушилась после премьеры «Разных судеб». Это было что-то невероятное! Но после этой картины за мной закрепился образ отрицательной героини, стервы.

– Наверное, потому, что вы так не красиво обошлись в фильме с мужчинами, любившими вас...

– Значит, сыграла как надо! Зрители порой забывают, что на экране не реальный человек, а артист. Помню, после показа картины в МГУ студенты на меня просто накинулись – выходили девчонки, парни: «Вас любит такой парень, а вы... Как вы могли так подло поступить?!» Объясняла: «Да это моя роль. Я совсем другая». Слушать не хотели. Меня готовы были растерзать. И кто? Студенты самого передового вуза страны... Режиссёры тоже почему-то посчитали, что я могу играть только отрицательных героинь, и перестали брать в свои фильмы.

– У вас же потом вышло немало прекрасных картин – «Дело №306», «Олеко Дундич»...

– При этом в моём архиве лежит большая папка с фотопробами к фильмам, куда я пробовалась, но не сыграла. Иногда пересматриваю эти фотографии... Это и Дездемона в «Отелло» Юткевича, и «Дама с собачкой» Хейфеца, и «Дон Сезар де Базан» Шапиро, и «Первые радости» Басова... Очень много ролей, которые прошли мимо меня и которые я, конечно, хотела сыграть.

– Почему «прошли мимо»?

– А откуда я знаю? *(Смеётся.)* Художественный совет не утвердил – и «спасибо, до свидания». Хотя роскошные пробы были.

– И всё-таки есть своя версия?

– Думаю, одна из причин в том, что моя внешность в то время не вписывалась в художественные рамки, предлагаемые кинематографом. Ведь, как правило, героинями экранов были колхозницы, комсомолки, ударницы. А какая из меня колхозница, доярка, передовик производства?! Я пыталась даже в платках сниматься, чтобы лицо в глаза не бросалось. Помню, на пробах на роль Дарьи в картину «Донская повесть» режиссёр Владимир Фетин почему-то мне нос наклеил здоровенный, курносый. Зачем – непонятно. Жалко, конечно, очень. Самое обидное, что летят годы, а их не вернёшь, к сожалению. В период простоев спасали только концерты, творческие встречи со зрителями, где я выступала вместе с Марком Бернесом, Николаем Черка-

совым, Аллой Ларионовой... У меня была уйма встреч, просто уйма!

– У вас был коронный номер?

– В те годы было принято устраивать праздники на стадионах. Обычно меня объявляли: «Артистка Татьяна Пилецкая, исполнительница роли Гали в приключенческом фильме «Олеко Дундич». Я вылетала верхом на лошади, проскакивала весь стадион. Дальше быстро у эстрады переодевалась в белое платье и пела вальс «Ты надела праздничное платье...» из «Разных судеб». Публика сходила с ума! Стадионы в те годы ломились – народ очень любил эти праздники.

– Популярность у вас была сумасшедшая. Как зрители выражали свою любовь?

– Я получала письма... Мешками! Я их в шкафу храню до сих пор – не поднимается рука выбросить. Потому что люди со всего Союза писали от всего сердца, очень искренне. Среди них были и смешные послания и от девушек, мечтавших стать киноактрисами. Молодые люди объяснялись в любви, просили денег...

– Даже так?

– Ну, конечно! «Пришлите срочно. Я вам потом отдам!» Нет, конечно, на части не рвали, но на улице узнавали на каждом шагу и, кстати, до сих пор узнают. Причём не только в Санкт-Петербурге.



Татьяна Пилецкая в роли Даши Севастопольской. Кадр из фильма Григория Козинцева «Пирогов». 1947

– В период простоев могли сломаться? Ведь не каждый актёр способен выйти из депрессии, и таких трагических примеров – десятки: Екатерина Савинова, Изольда Извицкая, Сергей Гурзо...

– Знаете что... Мне было очень плохо! Ещё год-два, и я могла бы сгинуть в штате Студии киноактёра, играя крохотные неинтересные эпизодики. Но в 1963 году мне предложили попробовать в Ленинградский театр имени Ленинского комсомола. Это был колоссальный риск! Я ведь не играла никогда на сцене, у меня не было драматического образования, а там громадная сцена – 1700 зрительских мест. Но я рискнула, и театр стал моим спасением!

– Непросто было начинать жизнь с чистого листа?

– Очень! Нужно же было завоевать своё место в театре, доказывать, что ты что-то можешь. Расскажу такой эпизод. Я только-только пришла в театр, и на малой сцене отмечали, если не ошибаюсь, мой день



В СССР фарфоровые статуэтки «Юная балерина» работы Алексея Пахомова выпускались огромными тиражами и были необычайно популярны. Мало кто знал, что позировала Пахомову юная Тата Урлауб

рождения. Стоял мой портрет... И актёр, который много лет проработал в Ленкомме, сказав слова поздравления, подошёл к этому портрету и демонстративно «утёр» мне носик! Мол, подумаешь, пришла какая-то из киношки... Сопливенькая ещё, и что покажет, неизвестно. А здесь – театр! Никогда не забуду этот жест. Но я в этом театре уже более 50 лет.

– Родители застали вашу славу, успели порадоваться?

– Конечно. Мама умерла в 1958-м, она видела все мои первые картины. А папа ходил на мои спектакли, когда я уже играла в театре. Знакомая рассказывала, как однажды они сидели рядом на спектакле «Сирано де Бержерак», где я играла Роксану: «Я сижу и смотрю, а рядом сидит твой папа и плачет».

«РОМАН» С МАРКОМ БЕРНЕСОМ

– Вы не раз признавались, что с партнёрами вам везло всю жизнь. А кто для вас настоящая актёрская глыба?

– У нас – Николай Черкасов. Во время съёмок ленты «Пирогов» я ходила специально и смотрела, как он играл, как работал, как думал над ролью. Это было потрясающе! Ещё выделю Веру Марецкую, Льва Наумовича Свердлина – он папу моего играл в «Разных судьбах» и Ольгу Жизневу – она играла мою маму. Мне всегда казалось, что Жизнева очень похожа на мою мамочку. А из зарубежных актёров величина номер один для меня – Жан Габен. Возьмите его любую роль – и увидите, какая глубина, какая искренность, какая боль, если это требуется. Удивительный актёр! Я тоже всегда на него смотрела и училась. Я всю жизнь учусь.

– Встреча с Гэри Купером – яркое для вас событие?

– Это было после съёмок в «Княжне Мэри». Я сшила себе на Киностудии имени Горького новое платье и вернулась в Ленинград. Вдруг звонок из Дома кино: со своим фильмом приезжает всемирно известный американский актёр Гэри Купер. Мне как молодой киноактрисе поручили его поприветствовать от имени советского кинематографа.

– В СССР его имя гремело?

– О, ещё как! Помню, что я жутко волновалась – сердце ходуном, руки ледяные. Вышла на сцену Дома кино на Невском и вижу: идёт по проходу высокий, стройный загорелый красавец, глаза – голубые-голубые. Взял меня за руку. Заулыбался, всем своим видом показывая: мол, надо же какая рука у меня холодная. Что-то сказал по-английски, погреб её в своих руках и поцеловал.

– В начале 70-х вы играли в ленинградском Ленкомме с Олегом Далем. За что его с треском выгнали из труппы?

– Мы были партнёрами в его единственном в нашем театре спектакле «Выбор».



Члены советской делегации актрисы Татьяна Пилецкая, Надежда Чередниченко, Марина Ладынина на церемонии открытия Венецианского кинофестиваля, Италия. 1957

Премьеру отыграли прекрасно и даже вот в этой самой комнате её отметили все вместе. Роза Абрамовна Сирота была, режиссёр, и Олег – опоздал, правда. А на гастрольях в городе Ярославле он вдруг вышел на сцену без обуви, в одних красных носках. Подошёл к зрителю из первого ряда: «Дай закурить!» Закурил и ушёл за кулисы. Третья наша партнёрша – Лариса Малеванная, да и все мы просто обалдели от неожиданности. Зрители – тоже. Быстро закрыли занавес, перед зрителями извинились. Спектакль отменили. Разразился скандал, и Олега уволили из театра.

– Был сильно подшофе?

– Не знаю. До этого мы общались – нормальный был человек. К сожалению, вот так бесславно закончилась его театральная деятельность в нашем театре.

– Вам приписывали романы с самыми известными красавцами страны – Олегом Стриженовым, Георгием Юматовым, Юлианом Паничем...

– Меня всё время с Марком Бернесом молва сводила. Не знаю почему. Господи, никогда в жизни ничего не было! Он милый, славный человек, мы вместе снимались в «Деле №306». И всё! Мне прочили в возлюбленные даже Вертинского. Я же не могу каждый раз эти сплетни опровергать. Зачем? Говорят – и пусть говорят. Кстати, с Юлианом Паничем, который в «Разных судьбах» сыграл моего возлюбленного Федю Морозова, мы дружим и общаемся всю жизнь, несмотря на то что он давно живёт во Франции. 23 мая у него день рождения был – мы по «Скайпу» славно поговорили.

УЛАН ЛУИЗА ГРАФЕМУС

– У вас такая богатая родословная. Что вас из узанного о предках больше всего поразило? Невероятная прапрабабушка Луиза?

– Луиза Графемус, конечно, уникальная личность. Бесстрашная, с авантюрной жилкой! Она родилась в Германии в 1786 году. Во время войны с Наполеоном, скрыв свой пол, воевала против французов в прусском корпусе под началом генерала Гебхарда фон Блюхера. Воевала героически! О её подвигах писали газеты, называли «второй

Надеждой Дуровой». Была трижды ранена, получила крест за доблесть, в битве при Ватерлоо лишилась правой руки, но дослужилась до чина уланского вахмистра. Выйдя на инвалидный пенсион, переехала жить в Петербург. Вышла замуж за печатника Иоганна Кессениха, причём хватило у неё энергии и мужества троих детей родить, открыть знаменитый танцкласс на Фонтанке у Измайловского моста и «Красный кабачок» – трактир на десятой версте Петергофской дороги. Между прочим, воспетый Пушкиным и Лермонтовым...

До сих пор в одном из немецких музеев хранится чашка с её изображением, которую Луиза подарила снаряжавшей её на войну королевской семье. Мне из Германии прислали снимок этой чашки.

– Её героические гены в вас как-нибудь проявились?

– Пожалуй, только в способности к верховой езде, которая мне очень легко давалась. А в остальном... У меня абсолютно нет авантюрной жилки, я не очень сильный человек. Правда, иногда способна на решительные поступки.

– Ваши дочь и внучка актрисами быть не захотели?

– Когда моей дочке Наташе было лет десять, мне предлагали её снимать. Она была прехорошенькая! Но я видела, что у неё нет особого желания, и отказывала. Зачем морочить голову ребёнку лишней раз? Она окончила ленинградский университет, владеет несколькими языками. У неё своя турфирма. А внучка Лизочка окончила Петербургскую художественно-промышленную академию имени А.Л. Штиглица (Мухомовское училище), она – художник, работает в Русском музее. Между прочим, на днях ей предложили написать картину для нашего президента – фрагмент Коневского Рождество-Богородичного мужского монастыря. Там же красота невероятная! Так, через три поколения, в нашем роду вновь появился художник.

– Если оглянуться назад, какие работы в кино для вас особо ценны на сегодняшний день и почему?

– Мне очень дорога одна из последних картин – «Вербное воскресенье». С Катей Гусевой, Катей Вилковой, со Све-



44 года семейной идиллии. С мужем – заслуженным артистом России актёром пантомимы Борисом Агешиним

точкой Ивановой и Юрочкой Батуриным. Замечательные партнёры и изумительный режиссёр Антон Сиверс, у которого я до этого снималась в «Каменской» и который своим стилем работы очень напоминает мне Григория Михайловича Козинцева. И моя роль мне близка, ведь там я сыграла бывшую балерину. Можно сказать, вспомнила свою первую профессию. Чудесная получилась картина!

– В список своих любимых картин включили бы «Сильву», «Прощание с Петербургом», «Невесту», «Зелёную карету»?

– Безусловно. А чем они мне дороги? Любая роль для меня ценна прежде всего интересным характером, неожиданными поворотами в судьбе героини. Бесхарактерного человека играть не соглашаюсь никогда. Тем более сейчас, когда у меня за плечами 45 картин. А то знаете, как иногда предлагают, глядя на год рождения?

– ?!

– «Мы хотим вам предложить роль...» – «Хорошо. Пришлите сценарий». Получаю, читаю: «Из дома вывезли в коляске преклонного возраста неходячую старушку. Она говорит одну-единственную фразу: «Везите меня помедленнее, здесь так много ухабов!» Это роль? Прежде чем приглашать актрису, сначала узнайте, чем она занимается. Ткните на кнопку – в Интернете вся информация есть. «Как? Вы ещё работаете?» Я работаю в двух театрах – «Балтийский дом» и «Приют комедианта», играю в больших, почти трёхчасовых спектаклях. Но кино люблю и могу сыграть даже эпизод. Имя себе уже не надо делать, я не в маразме, слава тебе Господи! И вроде как ещё и вид приличный! (Смеётся.) Но не такую же ерунду!

– В советские годы подобные казусы могли случиться?

– Никогда! Тогда вообще всё было основательным. Сначала разговор с режиссёром, затем – фотопробы. Если фотопроба устроила режиссёра и художественный совет, назначалась кинопроба. Потом худсовет отсматривал её и решал, может этот актёр сыграть эту роль или нет.

– А уровень режиссуры двух эпох сопоставим?

– Слава богу, у меня режиссёры были мощные. Всегда чётко знали, что они хотят снять и как. А не так, как часто я сталкиваюсь в последнее время, когда режиссёр и с оператором обсуждают: «А давайте снимем с того угла... Нет, давайте лучше с этого». Леонид Давыдович Луков приходил на съёмочную площадку с раскладкой каждой сцены – он уже до съёмок не толь-

ко видел, но и слышал всю картину. Обязательно – репетиции. А сейчас... Я снималась в 16-серийной картине: 8 серий снимал один режиссёр, остальные 8 – другой. Как это может быть? Не понимаю совершенно.

Меня вот ещё что сейчас поражает. Почему не показывают старые фильмы? Ну почему не показать «Прощание с Петербургом», «Княжну Мэри». А «Олеко Дундич» какой потрясающий фильм! Но не показывают! Как только поправлюсь, во время отпуска наберусь сил, обязательно поеду на ТВ и спрошу, в чём дело. Я не звезду, лично мне это не надо, но людям-то, молодёжи хотя бы посмотреть хорошее кино. В этом году «Пирогову» – 70 лет. А там играют Черкасов, Скоробогатов, Лебзак... Козинцев ставил, снимал Москвин – выдающийся оператор. Есть множество прекрасных фотографий. Ну сделайте вы на «Ленфильме» выставку. Ни черта никому не нужно!

– Сегодня артисты катаются на коньках, показывают цирковые трюки в телешоу. Но часто смотришь фильмы с их участием – и не цепляет. Как думаете, что не так в «актёрском королевстве»?

– Вы сами, наверное, часто видите: когда актриса или актёр делают вид, что плачут, а из глаз – ни слезинки. Я играю в спектакле «Дерева умирают стоя» финальную сцену. Казалось бы, зритель далеко, можно обойтись без слёз – просто сделать вид, что переживаю. Но я каждый раз после финальной сцены прихожу за кулисы и рыдаю. То есть какое-то время ещё там не могу выскочить из этого состояния. И слышу, как зритель в зале «хлюпает»... А если я сделаю вид, кого это заденет? Нет, надо выкладываться по полной. Играть надо только сердцем, только на разрыв аорты.

– И последний вопрос. 101-летний Владимир Зельдин до последних дней выходил на сцену, не мог без работы. Вы при всей своей немалой занятости тоже говорите, мол, мало, хочу ещё. Что же вы за люди такие?

– (Смеётся.) Актёры нашего поколения, видимо, так устроены, что мы должны быть востребованы. Иначе артист вянет и погибает. Я не могу быть без дела! Не могу сидеть на диване и смотреть телевизор. Мне скучно! Хотя и кашляю, и давление скачет, и супруг мой, Борис, тоже сильно простудился. Вчера отыграла труднейший спектакль, где у меня длинные монологи, переживания. Больная, еле-еле поднялась утром... А вышла на сцену – и всё сыграла: сцена лечит!

Фото из архива Т.Л. Пилецкой



В первом ряду: Надежда Чередниченко, Татьяна Пилецкая, Марина Ладынина и Иван Пырьев. Флоренция. 1957

РАЗВЕДЧИК В БУРНЫХ ВОДАХ КУЛЬТУРЫ

Почему знаменитого актёра Бориса Ливанова не взяли на приём к командору Кортни

Газета «Совершенно секретно» продолжает публиковать главы из книги «Вариант шедевра», которую бывший разведчик Михаил Любимов готовит к печати (см. ранее: «Старлей под прикрытием», № 6/395, июнь 2017 г.).



Михаил ЛЮБИМОВ

Специально для «Совершенно секретно»

А я землю носом рыл в поисках жар-птиц и просто полезных контактов. Правда, даже некоторые опытные посольские мужи полагали, что разведка только и занимается слежкой за ними, драгоценными, и их чистейшими жёнушками, не вылезающими из барахольных магазинов. Ещё одно всеобщее заблуждение – считать, что разведчик опирается на когорту ценных агентов, от которых секретнейшая информация золотой рекой течёт прямо на стол любимому правительству.

Конечно, бывали такие счастливые времена, но в начале 1960-х в Англии бушевали шпионские пожары. В результате предательства схвачены на месте и посажены блестящий советский нелегал Конон Молодой (Лонсдейл), его радисты супруги Козны – потом Герои России (всех обменяли), его ценные агенты на военно-морской базе в Портленде – Гарри Хаутон и Елизабет Джи (фактически мы знали всю подноготную британского флота). Арестован наш блестящий агент Джордж Блейк, служивший в самом сердце английской разведки, тут же погорели несколько коллег, включая резидента. Ударило как гром среди ясного неба «дело Профьюмо», усердно подогреваемое лейбористами в борьбе с правительством консерваторов. Военный министр Профьюмо обвинялся в пикантной связи со смазливой проституткой Кристиной Килер. Не особенно ново, но красotka в свою очередь плотно дружила с помощником нашего военно-морского атташе Евгением Ивановым. Его, к тому же являвшегося мужем дочки номенклатурного Горкина, секретаря у дедушки Калинина, предусмотрительно отправили исправляться домой, но пожар бушевал несколько лет. Хотя шпионажа в деле был мизер, а больше монбланы пьянок и оргий, но какой резонанс! Как изгалялась пресса! И как тяжело приходилось нам, несчастным разведчикам, прикрытым, естественно, должностями в посольстве и других совучреждениях, – ведь нас открыто называли шпионами! Если после хрущёвской оттепели образ русских чуть посветлел, то теперь наши морды частенько попадали в прессу безо всякого повода, но с гнусными комментариями, даже лондонские мальчишки высматривали на окраинах машины с дипломатическими номерами (как правило, наши) и бойко, словно павлики морозовы, стучали в Скотленд-Ярд.



ИЗ АРХИВА АВТОРА

Скажите, Михаил Петрович, вы шпион?

А Москва требовала работать, и работать по-ленински, внедряться в среду чиновников и вербовать, вербовать! Всесильный центр требовал, но в то же время постоянно дёргал указилковками, накладывая в штаны перед ЦК КПСС: «Впереди съезд партии, будьте осторожны! Вероятны провокации! Прекратите работу с агентурой! Законсервируйте агента-«ворчуна»! Скоро всенародный праздник Великой Октябрьской революции, будет выступление генсека, резко сократите работу!» С ума сойти от этого яростного обстрела с двух сторон, и неизвестно, кто больше мешал.

Я любил разведку и всей душой был предан правому делу, но тяготился её пребыванием в КГБ, наследнице ЧК, в народе известной как беспощадная карательная организация. Правда, Никита Хрущёв своим докладом о репрессиях Сталина привёл органы в состояние растерянности – трудно перестраиваться с посадок и расстрелов на мирный политический сыск. По указанию генсека органы изрядно перетрясли и почистили, убрали героев репрессий. Помнится, председатель КГБ Александр Шелепин (в постсоветский пе-

риод храбро названный Железным Шуриком) на одном из совещаний, когда некий генерал вдруг заговорил о заслугах чекистов, грозно его осадил: «О каких заслугах вы говорите?! О разгуле убийств?» Но мы имели дело с англичанами и собирались их вербовать, а не убивать.

Я не пропускал ни одного доступного дипломатического раута, я заговаривал с соседями по креслу на концертах (однажды так заговорился на выступлении Марлен Дитрих, что не заметил, как с вешалки стянули моё ратиновое (!) пальто), я ездил на все конференции Лейбористской и Консервативной партий, в Скарборо и Брайтон, я бывал в салоне певицы Ширли Абикар (там однажды встретил секретаря Черчилля), в сомнительных вечерних клубах (а вдруг?), на суаре у маститых писателей Чарльза Сноу и Джона Брейна. Я даже торчал близ Форин-офиса на Даунинг-стрит, и в ланч, как опытный сыщик, украдкой следовал за сотрудниками, пытаясь познакомиться в каком-нибудь пабе, где они перекусывали; я даже в дансинг однажды забежал, однако партнёрша оказалась прекрасной прачкой, а не шиф-

ровальщицей – носительницей секретов, пусть беззубой и прыщавой!

И тут пришла весть о предстоящем визите Дмитрия Шостаковича с сыном Максимом, а также Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской. Они прибывали на знаменитый Эдинбургский фестиваль, и я тут же примчался к резиденту и слёзно попросил направить меня туда в служебную командировку.

– И что вы там будете делать? Музыкой наслаждаться? А кто будет работать, – нахмурился резидент, – Пушкин?

– Фестиваль спонсирует лорд Харвуд, он пригласил наших музыкантов. Я постараюсь через них прорваться в этот круг, а там наверняка полно меломанов – государственных служащих!

Вообще-то нарваться на жар-птицу можно почти в любом месте, почему бы обожателю Моцарта и Альбинони не насладиться музыкой на фестивале? Не попытаться восторженно пожать руку великим Шостаковичу или Ростроповичу? Не припасть к руке недосыгаемой Вишневской? А я тут как тут – здарсьте! Обожаю, знаете, симфонии Дмитрия Дмитриевича, в посольстве занимаюсь культурой, рад с вами познакомиться!

Кроме того, скажу честно: жаждал увидеть Шотландию, прекрасную Хайленд, воспетую Робертом Бёрнсом, святую землю, откуда ключами бил шотландский виски (по загадочной причине в нашем посольском магазине торговали пойлом «Канадиен Клуб», а покупать скотч в городе было не по карману).

Резидент долго жевал губами, взвешивая на своих мудрых извилинах все плюсы и минусы.

– Возможно, мне удастся подобрать к американской базе на Холи-Лох, – поддал я жару, хотя был уверен, что меня туда и близко не подпустят.

Он всё думал и думал, но наконец благосклонно кивнул, видимо, фактор Харвуда, не простолюдина, а лорда (важный момент для провинциала) сыграл свою положительную роль. Очастливленный, я поездом ринулся в Эдинбург и уже утром предстал перед знаменитостями.

Дмитрий Шостакович казался воплощением человека, который случайно залетел с неба на землю: он жил своей внутренней жизнью, в грохоте симфоний и гуле фуг, окружающие люди и разные предметы его вроде бы не интересовали. У нас в кино частенько изображали таких оторванных от жизни интеллигентов, с непременным «батенька» и привычкой забывать ланцет в животе больного после операции. Сморщенный, неулыбчивый, вежливый, но неприступный, он неохотно вышел в гостиничный ресторан на завтрак. Тут его ждал сюрприз: дирекция решила прислать оркестр, жаждущий порадовать гения своими творениями. Они и грянули во все струны и, по-моему, не шибко слаженно (так услышало моё слоновье ухо). Вилка упала из рук Шостаковича прямо в яичницу с беконом, рука его

Артисты чувствительны, ненадёжны, уёртливы, эгоцентричны. С Ростроповичем мы расстались закадычными друзьями. Правда, с тех пор я его не встречал.

затряслась, лицо исказилось мукой. Некоторое время для приличия он послушал оркестр, но не выдержал и нервно ретировался в номер.

Сына его Максима я не увидел – он с раннего утра шлялся по эдинбургским магазинам, скупал технику и шмотки.

Мстислав Ростропович сразу же расположил к себе, попросил называть его не иначе, как Славой, был чрезвычайно словоохотлив и даже рассказал мне, как напился на подшефном заводе с рабочими, и в порыве чувств какой-то честный пролетарий ему сказал: «Хороший ты мужик, Славка! Бросай сюю гитару, иди к нам на производство!»

Галина Павловна была великолепно, но строга, явно к посольским ребятам относилась без особой нежности, особенно к тем, кто занимается культурой. Видимо, уже натерпелась от них, бедняжка, правда, все прелести были ещё впереди.

Присутствовал, естественно, и представитель славной Лубянки (как без неё обойтись советской культуре?), он же си-

троповича. В оперативно-познавательных целях (всё же я некоторым образом меломан, хотя не мог отличить Баха от завываний своего кота Васьки) я посетил Эдинбургский собор, где Галина Павловна исполняла «Мессу» Бетховена. Это было нечто, это невозможно описать. Я забыл о себе, о разведке, обо всём, я ночью бесхитростно накропал:

*Подожди... это «Месса» Бетховена,
Мы летим на лодочке по волнам,
Купола зелёные заливают солнце,
И под нами мечется океан.*

Такого божественного пения в таком акустически несравненном соборе я больше никогда не слышал. Потрясённый, я вышел из храма, забыв о цели приезда в столицу Шотландии.

Со Славой мы уже стали на ты, как закадычные друзья, радостно пили и водку, и виски, вполне естественно, что я по ходу душевных бесед попросил представить меня лорду Харвуду (мол, мне это нужно, как атташе по культуре), и он без всяких колебаний пообещал это сделать.



Галина Вишневская, в отличие от Мстислава Ростроповича, была строга к посольским

«Контрразведка подставила командору Кортни смазливую девицу, сфотографировала и предъявила компромат. Кортни отверг вербовочное предложение, за что был жестоко наказан»

дел на солидной должности в Министерстве культуры – пожилой хмуроватый блондин крепкого телосложения. В оперативный контакт я с ним не вступал, он мирно пил привезённую из Москвы водку и попутно заметил, что во время войны освобождал Будапешт. Я знал, что это одно из самых кровопролитных сражений войны, помнил строку «И на груди его светилась медаль за город Будапешт» и потому не буду тревожить его память. Переводчица делегации, видимо, принимала участие в других сражениях, языком владела хорошо, но переводила мало, поскольку музыканты говорили с англичанами на своём птичьём языке, использовали жесты и прекрасно друг друга понимали. Вырвавшись на волю, я попытался совместить полезность командировки с приятностью, но врезался в бруствер непонимания.

Прокладывать, как сейчас выражаются, дорожную карту к лорду Харвуду я решил через полюбившегося Славу Рос-

Я вдоволь наслаждался Эдинбургом, тимпанами и тартанами, волынщиками в юбках на каждом углу, грузным замком с земляным рвом, но так и не добрался до речушки Спей, где затаились заводы по производству виски, там этот божественный напиток бил прямо из земли, гленливеты, гленфиддики, гленморанжи и прочие солодовые, они сливались в водопады смешанного («блендед») вроде «Чивас ригал» или «Джонни Уокер» и мысленно низвергались в мою жаждущую глотку.

О лорде Харвуде и меломанах – потенциальных агентах нашей разведки я не забывал ни на миг. Друг Слава был нарасхват, он много выступал с виолончелью, но, когда мне удавалось его увидеть, сам напоминал мне о лорде Харвуде.

Фестиваль закончился, состоялись приёмы, устроенные Харвудом, на них, естественно, веселились все наши музыканты, а я всё ждал, когда же Ростропович

потянет меня в круги меломанов. Ох, тяжела жизнь в искусстве! Артисты чувствительны, ненадёжны, увёртливы, эгоцентричны и не готовы делиться с ближним, к тому же хитры как черти! С Ростроповичем мы расстались закадычными друзьями. Правда, с тех пор я его не встречал.

ОПАСНЫЕ ОБЪЯТИЯ РОСТРОПОВИЧА

В середине 1970-х, когда я резидентствовал в Копенгагене, где нашим послом был Николай Егорычев, бывший секретарь МГК КПСС, изгнанный Брежневым в Данию за несогласие с его линией, туда прибыл Сергей Образцов, а также и Ростропович, уже бывший в немилости, но ещё не лишённый советского гражданства. Николай Егорычев – колоритнейшая фигура, фронтовик, эффективный организатор и приятный человек, с ним у меня были очень тёплые отношения. Так вот, посол пришёл на концерт, взойшёл на сцену поздравить Образцова, и почти сразу там появился Ростропович, который смачно расцеловался с великим кукольным. Затем он обнял посла, с которым был соседом по даче в Жуковке, и они с чувством поцеловались.

На концерт я не пошёл, поскольку был занят важными шпионскими делами, но уже через час мне доложили об этом драматическом событии. Подумать только: фактически невозвращенец Ростропович лобызается с представителем Страны Советов! И главное, посол не уклонился от иудино поцелуя! Не оттолкнул его, не пресёк деяние резким отпором! Как это понимать? Утром я поведал Николаю Григорьевичу эту историю и предупредил, что в обход меня в Москву могут попытаться грязные писульки. Мудрый посол направил депешу, сообщил о своей встрече с Ростроповичем и посоветовал не отторгать его от себя, а, наоборот, приблизить и постараться перетянуть в свой лагерь. Но совета его не послушались и вскоре и Ростроповича, и Галину Вишневскую лишили советского гражданства.

«ПРОФИЛАКТИКА» БОРИСА ЛИВАНОВА

Довольно интересно развивались мои отношения с народным артистом СССР знаменитым Борисом Ливановым. В Англии ещё царило эхо оттепели Хрущёва, ослабление изоляции страны от западного мира имело потрясающий эффект,

англичане вдруг узрели, что русские – не грубые варвары, а вполне приличные люди, русская культура становилась заразной, в моду вошёл Чехов, и даже поставили советского драматурга Арбузова. Лондон визитировали Юрий Гагарин и Валентина Терешкова, растопившие сердца леди и джентльменов, размораживались и культурные отношения между нашими странами.

И вот в столицу Англии прибыл на гастроли Московский Художественный академический театр имени Горького (МХАТ) со «стариками»-звёздами, гордостью нашей сцены. За билетами выстроились очереди, и всё было раскуплено заранее. Незадолго до прибытия театра подруга жены (а жена была до отъезда актрисой Театра им. Гоголя) уведомила её о посылочке, которую захватил ей режиссёр МХАТа Иосиф Раевский, преподававший ей в театральном вузе (посылочки обычно брали с опаской – ведь советскими правилами эти крамольные деяния в то время были запрещены, хотя это правило всеми нарушалось).

Вырвавшись на время из-под груза своих героических шпионских забот, я на своей зеленоватой «Форд-Газели» двинулся к довольно скромной гостинице на Расселл-сквер, где остановилась труппа (жена в это время руководила самодеятельностью в клубе посольства, при ней был и наш недавно рождённый сын в коляске). Уже у сквера, рядом с гостиницей, я увидел величественную фигуру Бориса Ливанова, тогда звезды первой величины, народного артиста, которого боготворила вся страна. Я сам подражал ему, бурно играя на школьной сцене Ноздрёва, и на пике роли сломал стол и повредил себе нос. Ливанов мрачно, как подобало гению, шествовал по аллее в сопровождении Анастасии Зуевой, тоже великой и народной, к тому времени благополучно исполнявшей роли комических старух.

Стараясь держаться непринуждённо, как на сцене МХАТа, я подошёл к гуляющей паре и представился как второй секретарь посольства, что соответствовало моему официальному положению (на самом деле всего лишь «старлей», жадно ожидавший «капитана»).

– Простите, а как мне найти Иосифа Моисеевича? У меня к нему дело.

– Так они все уехали, а придут наверняка поздно. И жена моя с ними... – как-то многозначительно молвил Ливанов.

Моя нежная душа сразу же прониклась жалостью к брошенным артистам.

– Может, вы хотите покатайтесь? У меня машина, я вам покажу Лондон... тут много интереснейших мест.

Ливанов особой радости не проявил, однако был благосклонен.

– Если вы столь любезны...



Борис Ливанов во всей красе

Я бережно усадил звёздную пару в автомобиль и покатил по центру Лондона. К тому времени, ободрав машину о посольские ворота и потерпев пару серьёзных аварий, я уже освоил левостороннее движение. Оксфорд-стрит с завлекательными магазинами «Селфриджиз» и «Маркс и Спенсер» (там отоваривалась почти вся советская колония), Мраморная арка, недалеко – самое свободное место в мире, уголок спикеров в Гайд-парке, поворот на Парк-лейн, дорожные небоскрёбные гостиницы, вдоль парка к Найтсбриджу шикарному универмагу «Харродс», мимо знаменитой композиции сэра Джейкоба Эпштейна со зловецким мефистофельподобным Паном впереди...

Но Борис Николаевич оставался сумрачным и погружённым в себя, магазины его совершенно не интересовали (обычно советские граждане, изголодавшиеся в дефиците, бросались в них, как во дворцы счастья) да и достопримечательности вроде Бромтонской оратории или Ройал Альберт Холла не притягивали – он еле поворачивал свою породистую голову. Всё это выглядело необычно, как правило, приезжие артисты очень ценили помощь дипломатов и при закупке шмоток, и при осмотре города. Так мы и колесили меж огней Пикадилли-сёркус, по величественной Риджент-стрит – ни Ливанов, ни Зуева не проронили ни слова. Я уже собрался поворачивать к гостинице, когда он вдруг спросил:

– Миша, а у вас дома водка есть?

Сей роковой вопрос из уст прославленного интеллектуала застал меня врасплох, и от неожиданности я чуть не выпустил руль.

– Какая водка?

– Обыкновенная, – популярно объяснил он и впервые улыбнулся.

Откровенно говоря, была ли в доме водка, я не знал, дома старался воздерживаться (достаточно было приёмов и угощений во время дневных трудов), но решил соврать.

– Конечно, Борис Николаевич! Как же без водки!

– Настя, так давай поедим в гости к Мише... – предложил он нежно.

– Стоит ли, Боренька? – пробормотала Зуева, – как-то неудобно...



ВИКТОР БУДАН/ТАСС

Пара Ростропович – Вишневецкая с английским композитором Бенджамин Бриттеном и певцом Питером Пирсом

И я услышал в её голосе панические нотки.

Совсем недавно из полуподвальной коммунальной комнаты с выходом на помойку (тогда даже дипломаты жили скученно) нас переселили в respectable особняк на Почестер-террас, близ Гайд-парка, гостиная была приспособлена для частных приёмов (потому и переселили, чтобы помочь заводить связи), трёхкомнатный второй этаж мы делили с другой семьёй.

Я знал, что Катя придет с репетиции поздно, но не отказываться же от приёма дорогих гостей? Устроив артистов в удобных креслах, я пошёл на кухню и провёл рекогносцировку. Итоги оказались неутешительными: пара бутылок джина, какие-то замшелые щи, но зато целый склад яиц. Зарплата моя намного уступала жалованью английского дворника (об американских дипломатах и говорить стыдно), мы старались разумно экономить, а тут ещё появился на свет сын (жуткие расходы, мы в Москве и не подозревали, как дорого стоят детские вещи и питание!).

Но мужество меня не покинуло, и я торжественно вынес бутылку джина, пообещав сварганить лучшую в мире яичницу.

Ливанов весьма оживился, чего нельзя сказать о посмурневшей Зуевой.

Впереди съезд партии, будьте осторожны!

Вероятны провокации! Прекратите работу с агентурой! Законсервируйте агента-«ворчуна»!

Когда я вернулся с омлетом, половина бутылки уже опустела, и тут пошёл разговор по душам. Оказалось, что Борис Николаевич смертельно обижен, пережить этого позора никогда не сможет и будет жаловаться на несправедливость в Москве. Почему все артисты и дирекция уехали в гости, а его с собой не взяли? Почему? Уехали к какому-то командору Кортни – таких командоров пруд пруди! Кстати, Кортни, бывший офицер военно-морской разведки и член парламента, тогда активничал в Обществе англо-советской дружбы и обхаживал деятелей культуры. Впоследствии он рьяно выступал за сокращение советского посольства (в 1971 году не без его подстрекательств англичане, не дав никаких объяснений, выслали 105 дипломатов!). Бывал он и в Москве, где наша хитроумная контрразведка подставила ему смазливую девицу, сфотографировала и предъявила компромат. Кортни отверг вербовочное предложение, за что был жестоко покаран: живописные фото разослали его избирателям, и на очередных парламентских выборах он провалился, да и жена с ним развелась.

– Какие сволочи! – бушевал Ливанов. – Не брать меня, народного артиста! – бутылка джина быстро шла к финалу.

– Успокойся, Боренька, не волнуйся, у тебя же завтра ответственный спектакль, успокойся ради бога! – шуршала Зуева, поглаживая его по холёной руке.

– Нет, Настя, это настоящее хамство, я этого никогда не прощу! Кто это решил? Известно, кто... Тарасова, старая бл...! (Алла Тарасова была тогда не только актрисой, но и директором театра. – Авт.) Сукина дочь!

Борис Николаевич ударил мне прямо в сердце – ведь я много раз видел Тарасову в роли Анны Карениной и в фильме «Пётр Первый», я преклонялся перед ней, и вдруг... Пришлось сбегать за второй бутылкой джина.

– Подумать только, народного артиста Ливанова бросили как щенка, и он сидит у дипломата Мишки в халупе и яичницу жрёт! – гремел Борис Николаевич своим неповторимым, сочным басом. – О, эта Аллка! Она ещё об этом пожалеет! Я её пристыжу перед всей труппой.

Я с болью проглотил и внезапного «Мишку», и «халупу», которой гордился, и всей душой старался угодить гостям. Зуева к джину не притронулась, зато жизнерадостно поела яичницу. Ливанов был возбуждён, словоохотлив, но внешне трезв как стёклышко, взгляд его неожиданно упал на картину, недавно купленную мною на рынке у Ковент-Гарден.

– О, так это портрет великого актёра Кина! Какая прелесть! Миша, продайте мне его или лучше подарите...

Я ухитрился вывернуться из сложной ситуации и быстренько отвлёк внимание артиста. Предполагая, что гости не слишком долго задержатся у командора Кортни, я позвонил в отель, попросил передать, что Ливанов и Зуева пребывают у меня в гостях, и дал свой телефон.

Под конец второй бутылки раздался звонок, и властный женский голос потребовал к телефону Бориса Николаевича.

По сниженному тону его неповторимого баса я понял, что звонит любимая жена, предложившая ему немедленно взять такси. Однако он исходил обидой и категорически отказывался. Но вскоре за артистами приехали сами мхатовцы. Мы счастливо допили вторую бутылку и дружески обнялись.

На следующее утро меня вызвал на ковёр резидент КГБ, солидный мужчина с римским профилем и интеллигентными манерами. В разведку его призвали из провинциальной внутренней службы, и он любил вспоминать, как «обставлял» Александра Вертинского на гастролях («к нему бегали балерины, хо-хо!»). При воспоминании об этом подвиге его чеканный профиль озаряла счастливая улыбка – выдающийся чекист явно прожил жизнь не зря!

– Что же вы наделали, Михаил Петрович! Как вы могли?! Вы же сорвали целую операцию! Важнейшую операцию! Да за такие дела вас надо гнать поганой метлой! Как вы могли?

Я на миг почувствовал себя военным преступником и врагом народа, хотя и не понимал сути обвинений. Резидент нервно ходил по кабинету и даже выпил стакан воды.

Оказалось, что мудрой дирекцией вместе с представителем КГБ (таковые обычно вливались в театральный коллектив во время загранпоездки) было принято решение «профилактировать» Бориса Ливанова перед визитом к командору Кортни, где несомненно подадут выпивку, поскольку на следующий день он играл Астрова в «Дяде Ване». Так была разработана и претворена в жизнь хитроумная комбинация с участием Анастасии Зуевой. Какой же я раздолбай! Сорвать такую тщательно разработанную операцию! Нанести ущерб престижу великой державы, ведь он несомненно завалит роль! Нет мне никаких оправданий. Правда, я, дурак, не знал, какие чрезвычайные меры принимало руководство МХАТа с парторганизацией и КГБ, дабы спасти великого артиста, предотвратить его падение в глубокую пропасть и обеспечить триумф советского театра. Но всё равно – раздолбай!

Заметим, что в этот вечер Борис Ливанов сыграл доктора Астрова блестяще, его много раз вызывали на бис, забросали цветами, и даже обычно сдержанная английская пресса захлебывалась от восторга.

Так что за срыв спектакля меня не покарала.

Об авторе:

Любимов Михаил Петрович – советский разведчик, писатель. В 1961–1974 годах – сотрудник резидентуры ПГУ КГБ в Лондоне, заместитель начальника третьего (англо-скандинавского) отдела ПГУ КГБ, резидент в Дании. Автор книг «И ад следовал за ним», «Шпионы, которых я люблю и ненавижу», «Путеводитель КГБ по городам мира», «Декамерон шпионов».



МИХАИЛ ОЗЕРСКИЙ/РИА НОВОСТИ

Дмитрий Шостакович и его сын Максим

БОЕВЫЕ БУДНИ «КАМАРАДАС СОВЕТИКУС»

Как советские военные советники воевали в Анголе

По стране гремела перестройка, но в советской прессе продолжали появляться сообщения о боестолкновениях ангольской армии с вооружёнными – гражданская война! – формированиями оппозиционной правительству Республики Ангола партии УНИТА, о враждебных действиях режима апартеида Южно-Африканской Республики (ЮАР) в отношении дружественного СССР африканского государства. Дружба та была не на словах, подкреплена она была основательно оружием и советскими военспецами.

Я тогда учился в школе и хорошо помню, как обращали на себя внимание на довольно однообразном общем фоне отпечатанные на пахнущих типографской краской газетных страницах слова (Ангола, Намибия), аббревиатуры (ЮАР, УНИТА). Упоминались иной раз в заметках и «солдаты удачи» – наёмники, воюющие на стороне врага представители государств Запада. (Как тут было не вспомнить Георгия Жжёнова в последнем фильме популярной кинотрилогии «Возвращение резидента», где разведчик Тульев вербует в Африку в качестве «дикого гуся»!) Хотя в целом информации о ситуации в Анголе у обычных граждан Советского Союза было очень мало. В советской газете в середине 1980-х могли сообщить: в провинции Квандо-Кубанго сбит военно-транспортный самолёт ВВС Анголы. Получалась как бы чисто ангольская история. На деле это был, по сути, советский самолёт с «камарадас советикус» (порт. *camarada soviético* – советский товарищ) на борту.

На фоне перестройки всё громче раздавались голоса, призывавшие прекратить тратить средства и силы, оказывая помощь странам третьего мира. В декабре 1988 года СССР объявил об односторонних мерах по сокращению вооружённых сил. Тем не менее наша страна и в тот период оказывала масштабную поддержку разным дружественным государствам, в том числе и Анголе. И даже после распада Союза в последней присутствовал Главный военный советник (ГВС) с группой, состоящей из нескольких десятков человек. И довольно много советских военных после 1992-го в эту африканскую страну поехало служить по контракту.

Ветераны не считают, что их деятельность в Анголе была напрасной. Благодаря большой помощи СССР и Кубы это государство сохранило суверенитет и территориальную целостность, а Россия получила в этом регионе, как считают многие ветераны, надёжного союзника. Участие наших граждан в ангольском военном конфликте Советский Союз не признавал. Официальная позиция: советники, специалисты, переводчики направляются для оказания помощи. Прямое участие «камарадас советикус» в боевых действиях на просторах злаковых саванн и вельвичиевых пустынь отрицалось.

Теперь часть информации об этой «помощи» перестала быть секретной. Поэтому сегодня мы публикуем отрывки из книги «Мы свой долг выполнили! Ангола: 1975–1991» (издана Студией «Этника», тираж 1000 экз.). Это воспоминания воинов-интернационалистов – председателя Союза ветеранов Анголы (СВА) полковника в отставке Вадима Сагачко и члена Союза ветеранов Анголы подполковника в отставке Вячеслава Самойлова – интереснейшие свидетельства о той неизвестной войне, которую СССР вёл в южном полушарии. То, что это было прямое участие в военных действиях, в частности, подтверждают воспоминания военного лётчика-инструктора 1-го класса Вячеслава Самойлова.

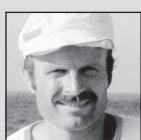
Владислав НИКОЛАЕВ

«МЫ НИКОГДА НЕ ПОСЫЛАЛИ В БОЙ НЕОПЫТНЫХ АНГОЛЬСКИХ ЛЁТЧИКОВ...»

Из воспоминаний военного лётчика-инструктора
Вячеслава Самойлова



Советский советник Самойлов в кабине «спарки» МиГ-21. Намиб. 1986



Самойлов Вячеслав Николаевич, подполковник в отставке. Выполнил интернациональный долг в Анголе в качестве специалиста при командире авиационной эскадрильи самолётов МиГ-21 с апреля 1985-го по март 1988 года.

«С начала спецкомандировки и до декабря 1985 года я находился на основном аэродроме базирования в Лубанго и летал на двух типах самолётов: МиГ-21 и МиГ-23. В Лубанго размещались два авиаполка: ангольский и кубинский. Стало тесно. В конце 1985 года остро стал вопрос скорейшего ввода в строй прибывших ангольских выпускников Краснодарского высшего военного авиационного училища им. Серова и отправки их на прифронтовые аэродромы для выполнения боевых задач. Бывший тогда командующим округом майор Элдер Виейра Копелипа поставил нам с моим подсоветным Шавешем задачу с двумя эскадрильями МиГ-21 в кратчайшие сроки перебазироваться на аэродром Намиб (Мосамедиш) и приступить к полётам с молодыми лётчиками. В декабре 1985 года мы перелетели на этот аэродром, который в дальнейшем стал для нас базовым. Нам отводилось всего несколько месяцев на подготовку молодёжи в Намибе: выпустить самостоятельно по кругу и в зону на простой пилотажа оди-

ночно, парой и на боевое применение по наземным целям. Затем перелёт на прифронтовые аэродромы и доподготовка одновременно с выполнением боевых задач. С поставленными задачами мы справились, хотя это стоило нам невероятных усилий и нервов, потери двух новеньких самолётов МиГ-21бис. К счастью, тогда лётчики остались живы. Одному, Думингушу, я дал команду на катапультирование в критический момент. А второго, Марселино, я, будучи его ведущим, со второго раза завёл на посадку при ухудшившейся видимости. Он сел с перелётом на большой скорости, выкатился, самолёт перевернулся и переломился пополам. Лётчик тогда чудом остался жив. Я наблюдал за всем этим, находясь в воздухе. А погиб Марселино позже, при выполнении боевого вылета.

В какой-то момент пошли разговоры о назначении майора Э.В. Копелипа главкомом ВВС и ПВО Анголы. Он попросил меня полетать с ним на спарке МиГ-21УМ в качестве инструктора, то есть дать ему вывозную программу (по его словам, он ранее летал на Ан-2). Мы с ним сделали несколько вылетов. Я тогда объяснил ему: чтобы освоить взлёт и посадку на самолёте МиГ-21, нужно бросить все дела и ежедневно заниматься только подготовкой к полётам. И не факт, что финал будет успешным. Он очень умный человек и всё понял правильно. Я с большим уважением отно-

сился к нему и его подчинённому и другу капитану Сантушу. Меня очень трогало, когда Сантуш к праздникам вручал мне по целой коробке красного вина – огромного дефицита в тех условиях.

Недостатка в боевых самолётах у нас не было. В Луанду сухогрузом из СССР в контейнерах прибыло порядка 40 самолётов МиГ-21бис. Заводская бригада из Львова их собирала, я делал облёт и перегонял самолёты в Намиб, это около 900 км. Спустя несколько месяцев после начала полётов в Намибе мы уже продолжали вводить молодых лётчиков в строй на аэродромах Менонге и Луэна.

«У МЕНЯ ОСТАЛСЯ ОДИН СНАРЯД»

Меня иногда спрашивают, а совершали ли вы сами боевые вылеты в Анголе? На штурмовку, на перехват целей? Ведь нас в Анголу посылали не воевать, а обучать лётчиков. И приказов на боевые вылеты никто нам не отдавал. Я не покривлю душой, если скажу, что мы никогда не посылали неопытных ангольских пилотов выполнять боевые задачи, к которым они не были готовы. Такие вылеты производили сами или летали с ангольцами в паре в качестве ведущих. Помогая ангольцам, такие вылеты совершали опытные советские лётчики, я и мои друзья: Виктор Могилин, Виктор Тарасов, Михаил Матюш, Василий Денисов. Мы часто парой летали с моим близким другом

БОЕВЫЕ ВЫЛЕТЫ В АНГОЛЕ СОВЕРШАЛИ ОПЫТНЫЕ СОВЕТСКИЕ ЛЁТЧИКИ:
ВИКТОР МОГИЛИН, ВИКТОР ТАРАСОВ, МИХАИЛ МАТЮШ, ВАСИЛИЙ ДЕНИСОВ...



Перед очередным вылетом на самолете МиГ-21. Вячеслав Самойлов справа. Намиб. 1985

Виктором Могилиным. Подполковник Могилин был старше меня на пять лет. До Анголы он два года провёл в Афганистане и в течение трёх лет с приграничного аэродрома выполнял боевые вылеты над этой воюющей страной.

Мы всегда делали не более двух заходов на цель, причём с разных направлений, чтобы уменьшить вероятность быть сбитыми. Однажды, когда Виктор был ведущим, при нижнем крае облачности в 400 м, мы проводили стрельбу НУРСами с малыми углами. Атаки были скоротечные, и я в азарте предложил сделать третий заход, чувствуя, что остались в блоках снаряды. Виктор принял решение уходить домой. После посадки я проверил блоки – у меня остался всего лишь один снаряд. Сохранился в памяти и эпизод, когда он сопровождал меня: я перегонял боевой самолёт с неисправным неубирающимся шасси, на малой высоте из Сауримо в Луэну. Опасались, что может не хватить топлива, и он очень переживал за меня. А когда прилетели и к вечеру добрались до города – голодные в полуобморочном состоянии, как дети радовались какой-то похлёбке, предложенной нам ангольцами.

Однако боевые вылеты в Анголе не были самоцелью. Вспоминается такой случай. Однажды мне пришлось вылететь на перехват воздушной цели: со сто-

роны ЮАР периодически залетали разведчики. На командно-диспетчерском пункте в Намибе находился ангольский капитан Андраде, замглавкома по истребительной авиации. Летал он на самолётах-штурмовиках Су-22. Советский офицер боевого управления навёл меня на цель. Меня смутило то, что цель была какая-то необычная, нескоростная. Но вот цель обнаружена на экране прицела, происходит сближение, захват цели, созданы все условия для пуска ракеты. Только нажать на боевую кнопку. Если бы это было в районе прифронтовых аэродромов, я без колебаний так и поступил бы. Но в этих условиях принял другое решение: вначале визуально обнаружить цель, идентифицировать её, а затем сбивать. Я выскочил за облака, но цель резким разворотом со снижением ушла в сторону океана и исчезла с экранов радиолокаторов.

После посадки Андраде мне сказал в запале: «Ну почему ты не пустил ракеты?!» А я ему в ответ: «А если это был не разведчик, а заблудившийся без связи ошалевший борт?!» Капитан Андраде всё правильно понял: тогда в нём говорил азарт боевого лётчика.

Молодые ангольские лётчики понимали наше честное и бережное отношение к ним и полностью доверяли нам, выполняя все наши наставления. Быва-

ло, я срывался при разборе полётов, но они не обижались на меня, понимая, что мною движет только одно желание – сохранить им жизнь. Очень горько вспоминать о потерях, неизбежных в нашей профессии. Погибли молодые ангольские лейтенанты: Лоренс, Марселину, Лейтау. Ранее не вернулся с боевого вылета достаточно опытный капитан Антонио, мы были с ним друзьями. Чудом остался жив замполит эскадрильи Орассио. После госпиталя он уже больше не летал.

Тот случай с Орассио до сих пор у меня перед глазами: очень хорошо запоминающаяся дата – 22 июня 1985 года. Группа из восьми боевых самолётов МиГ-21бис с полным боекомплектом и я, старший и ведущий группы, на самолёте МИГ-21УМ осуществляли перелёт с аэродрома Лубанго на аэродром Менонге для выполнения боевых задач. Я, с наименьшим остатком топлива, сел первым. Когда заруливал на стоянку, на посадку заходил последний самолёт – МиГ Орассио. После остановки я покинул кабину, повернул голову в сторону начала ВПП и увидел клубы чёрного дыма. Через несколько минут я был на месте аварии: самолёт перевернулся, фонарь кабины зарылся в песок, всё начинало гореть. Счёт шёл на секунды. Мы попытались тросом ГАЗ-66 повернуть самолёт, чтобы открыть фонарь кабины, но не получилось. Недалеко находились кубинцы на бронетранспортёре, из охраны аэродрома. Один из них, рискуя жизнью, кувалдой пробил небольшую дыру в фонаре и вытащил Орассио из кабины! Его бросили в кузов ГАЗ-66, который тут же сорвался с места. Все успели отбежать метров на сто, как раздался первый взрыв, а потом стали рваться снаряды из боекомплекта. Для меня до сих пор остаётся загадкой: как удалось вытащить ангольца через ту маленькую дыру в фонаре, как он пролез?! На следующее утро мы с Шавешем навестили

Орассио в госпитале. Заходим в убогую мрачную палату, видим на кровати грязную подстилку – у меня неприятно заняло внутри: неужели умер?! И вдруг замечаем, что по коридору идёт, шатаясь, с наброшенным на себя одеялом, наш Орассио. Как же мы тогда обрадовались!

В ПОИСКАХ ШАВЕША

Летом 1988 года у меня в СССР была трогательная встреча в Краснодаре с Шавешем и ещё одним моим другом Франсишку Афонсу Анга. Шавеш был уже командиром полка, а Анга – заместителем главкома ВВС и ПВО Анголы по авиации. Они переучивались в Краснодаре на самолёты Су-22. Анга пользовался у нас уважением: умный, последовательный, добрый и порядочный человек. Сейчас он возглавляет ВВС Анголы в звании генерал-полковника авиации. Один штрих к портрету: во время боевых вылетов он просил нас без острой необходимости не использовать зажигательные бомбы – они губят лес и всё живое на больших площадях. Он всегда помнил, что это его родная земля и её надо беречь.

У меня с Шавешем были, без преувеличения, братские взаимоотношения. Мы были очень привязаны и бесконечно доверяли друг другу. Проводили много времени вместе: и в воздухе, и на земле. Позже, в середине 1990-х годов, я узнал о его трагической судьбе. В одном из боевых вылетов Шавеш был сбит, катапультировался, но попал в плен. После издевательств унитовцы отрубили ему руки, и он умер от потери крови. Вечная ему память!

После увольнения из армии мне приходилось часто и подолгу работать в странах Южной и Центральной Африки. И каждый раз я ловил и продолжал ловить себя на мысли: вдруг увижу Шавеша. Может, он не погиб и ему удалось спастись?! Может, он изувеченный побоялся вернуться домой, ведь мои первые подсоветные, которых сбивали раньше, Матамба и Кабрал, остались живы. Унитовцы их переправили в ЮАР и вынудили вести агитацию по радио, направленную на молодых лётчиков. Однажды в Виндхуке я увидел человека, издали удивительно похожего на Шавеша. Я пошёл за ним, но, когда он обернулся и мы встретились глазами, я понял: чуда в этот раз не случилось. Но я не теряю надежды».

«Я В АНГОЛЕ ПОПАДАЛ В СЕРЬЁЗНЫЕ ПЕРЕДЕЛКИ...»

Из воспоминаний военного советника Вадима Сагачко



Сагачко Вадим Андреевич, полковник в отставке. В 1988–1990 годах выполнял интернациональный долг в Народной Республике Ангола.

Был военным советником командира пехотной бригады ФАПЛА (Народные вооружённые силы освобождения Анголы, порт. – FAPLA), старшим военным специалистом по боевому применению пехотных и танковых подразделений управления боевой подготовки штаба Южного фронта.

«В Союзе, в Управлении кадров штаба округа в командировку в Анголу меня оформляли на три года с семьёй на должность советника начальника учебного центра, находящегося где-то возле Луанды. В «десятке» уже перед отправкой мне сказали, что я еду советником командира боевой 3-й пехотной бригады на восток страны, то же самое мне объявили и кадровики в

Луанде. Но вернувшийся из Луэны ГВС генерал Гусев меня переназначил на Южный фронт, в район Куито-Куанавале, в 10-ю пехотную бригаду. Бригада была переброшена из анклава Кабинда на юг, в провинцию Квандо-Кубанго, для охраны дороги, ведущей из центра провинции города Менонге в населённый пункт Куито-Куанавале.

По прибытии в расположение штаба меня представили офицерскому составу управления бригады. Вскоре моему подсоветному, командиру бригады капитану Инсендиариу в обстановке строгой секретности вручили вводную на проведение операции по уничтожению двух унитовских баз, обнаруженных в зоне ответственности бригады. Теперь ему надлежит к обеду принять решение и доложить. По легенде в бригаде проводятся тактические учения. Это для всего личного состава. Об истинной цели знает только узкий круг лиц. Вот она, моя первая работа. Мои советы комбриг выслушал, но решение принял своё, занос-

чиво заявив, что он лучше знает, как бороться с унитовцами, так как он сам вчерашний партизан. (УНИТА – Национальный союз за полную независимость Анголы. – Ред.) Пришлось дипломатично согласиться с ним. Но он всё-таки попросил помощи в оформлении карты-решения. После обеда командующий округом и моё начальство, заслушав решение комбрига, порекомендовали некоторые моменты переделать и уехали в Куито-Куанавале, пообещав забрать меня на обратном пути.

В двух километрах от деревни занимает оборону кубинская тактическая группа из 70-й танковой бригады РВС Кубы. Это танковый батальон, усиленный мотострелковой ротой, противотанковой батареей, артиллерийской батареей, зенитной батареей, сапёрными подразделениями. Вечером приехали два кубинских офицера. Старший лейтенант – особист и капитан-тыловик. Особист говорит по-русски, а тыловик – нет. Поинтересова-

лись, в чём я нуждаюсь и какие мне нужны продукты. Забрали меня к себе в гости, пообещав комбригу вернуть меня в целостности и сохранности. Оказывается, до меня в бригаде был кубинский советник. Хорошие, весёлые ребята. Некоторые здесь, в Анголе, по третьему и даже четвёртому разу, но основная часть – второй раз. Много запасников (резервистов). Соответственно на столе были кубинский ром и португальское «тинто» (красное сухое). Вот так я наладил первый контакт с кубинскими интернационалистами.

«ЭТО БЫЛА НЕПОНЯТНАЯ ВОЙНА»

Моей бригаде была поручена охрана участка дороги протяжённостью 53 километра, от реки Куатир до района Масека. Эту дорогу называли и Дорогой смерти, и Дорогой жизни. По ней шло всё снабжение войсковой группировки в Куито-Куанавале. Раньше по этой дороге почти невозможно было проехать – постоянные засады, fuga-

сы и мины. Обыкновенно транспортная колонна ФАПЛА выходила из Менонге и двигалась до Куито-Куанавале (всего 180 километров) почти две недели. Впереди медленно шли сапёры, проверяя миноискателями и щупами дорогу, а сзади ползли гружёные продовольствием, боеприпасами и имуществом машины. На удобном участке унитовцы устраивали засаду. Головную машину подрывали фугасом, а остальные расстреливали в упор из пулемётов, гранатомётов и миномётным огнём. Я насчитал на этой дороге около 360 единиц подбитой и сожжённой техники – машин, бронетранспортеров, танков. До этого подобное я видел только на фотографиях и в кинохронике из Афганистана.

Выглядело это так: вдоль дороги через каждые три – пять километров были оборудованы взводные опорные пункты. В центральном опорном пункте находилось командование роты, тыловые подразделения, зенитчики и один пехотный взвод. Во взводном опорном пункте днём находилось человек десять, а остальные 15–20 человек находились на блокпостах – по два-три человека. Блокпост в тех условиях представлял собой обычные окопы с обеих сторон дороги, устроенные для ведения круговой обороны, с дополнительной защитой из брёвен и мешков с песком. Над окопами для защиты от солнца и для маскировки сооружались навесы из тростника или листвы деревьев. Возле взводных опорных пунктов дорога перегораживалась шлагбаумами. Блокпосты выставлялись на расстоянии зрительной и огневой связи – где-то в 200–300 метрах один от другого. В ночное время личный состав с блокпостов снимался и сосредоточивался во взводном опорном пункте. Взводам были приданы сапёры и инженерная разведка. Во взводном опорном пункте обязательно была 14,5-мм зенитная пулемётная установка ЗГУ-1 – крупнокалиберный пулемёт Владимирова.

В шесть часов утра, с наступлением рассвета, сапёры выходили из опорных пунктов и шли навстречу друг другу, проверяя дорогу и обочины. Вместе с группой сапёров шла очередная смена солдат на блокпосты. Они тщательно проверяли свои окопы и занимали их. Кроме того, по обе стороны от дороги на расстоянии до километра у опушки леса, на тропах выставлялось боевое охранение в количестве трёх – пяти человек. Каждую ночь они меняли месторасположение, передвигая свои позиции по фронту. Дальше, на глубину до пяти километров от дороги высылались парные дозоры из разведроты. Разведчики патрулировали территорию вдоль дороги и, если обнаруживали следы унитовцев, сообщали об этом в бригаду.

Такой способ охраны давал хорошие результаты. Ночью унитовские группы в первую очередь наталкивались на боевое охранение и после короткого боя отходили. Когда унитовцы пытались выйти к дороге днём, они встречались огнём с блокпостов. Тут же с ближайшего взводного опорного пункта на помощь выдвигалось усиление, и открывался огонь из крупнокалиберного пулемёта.

На практике бригада держала оборону на фронте протяжённостью 53 километра, что никакими уставами не предусмотрено. Позже, когда начался отвод кубинских войск, добавили ещё 24 километра. Кроме того, в задачу бригады входило проведение частных операций в зоне своей ответственности. Зона ответственности бригады – это по 50 километров в каждую сторону от дороги,



В. Сагачко после ранения. Ангола. 1988

на север и на юг. На этой территории бригада проводила операции и рейды по обнаружению и уничтожению баз и отрядов противника – подразделений УНИТА.

Это была непонятная война, какая-то смесь войны и мира. В тогдaшнем моём ощущении это была не война, а просто военная работа. Работа в другой стране с приключениями, риском и опасностями. Ведь не было такого, как во время Великой Отечественной войны – непрерывные бои, постоянные артобстрелы и бомбёжки. Конечно, это у нас тоже было, но какими-то отдельными эпизодами. Хотя для отдельных бригад эти эпизоды длились по три-четыре месяца, а то и больше. Поэтому я считаю, что для нас всё это наиболее точно отображает понятие «участие в боевых действиях», а не «война», так как война у нас перемежалась с безмятежной мирной жизнью. Иногда были и пальмы, и песок пляжа, и океан, и признаки комфорта. Были и весёлые застолья с братьями кубинцами, и болгарами, и местными ангольцами. Мы отмечали ангольские, кубинские и советские праздники вместе с командованием, ангольской бригадой и кубинским командованием. Чей государственный праздник был, та сторона и накрывала стол, приглашала к себе в гости. Спиртное доставали по возможности: испанское вино у ангольских тыловиков,

ром у кубинцев, виски, бренди и джин на рынке в Луанде; баночное пиво в магазине советской военной миссии в Луанде. Так было и когда я работал в 10-й пехотной бригаде, и при подготовке частей других фронтов к войсковым операциям. Праздники нас сближали. Порой посредством «народной дипломатии» мы добивались нужного взаимопонимания с подсоветной стороной, когда оно отсутствовало.

В Лубанго же таких тесных контактов с подсоветной стороной и кубинцами не было. Там отмечали наши праздники только в своём коллективе. Там обстановка была мирная, войной не пахло. Город большой – это центр провинции Уила. Советская военная миссия располагалась в большом шестиэтажном здании какого-то бывшего пансиона. Здесь были и служебные помещения, и квартиры гостиничного типа. Почти все офицеры и прапорщики были с жёнами. За исключением нескольких человек, таких как я, которые прибыли сюда из окопов боевых бригад. И, как в любом военном гарнизоне в Союзе, здесь был создан и работал женсовет. Коллектив собирался в офицерской столовой (кафе). Праздники начинались с традиционного официального выступления руководителя, затем шло театрализованное представление или концерт художественной самодеятельности.

Также была традиция устраивать праздник для друзей вернувшимися из

отпуска коллегами. Они привозили с Родины то, чего не было в Анголе, – водку, чёрный хлеб и селёдку.

134 ДНЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

А участие в боевых действиях – так у нас это было совсем не так, как в Афганистане. Во-первых, другие особенности персонального учёта боевых действий. В Афганистане, как только пересёк границу, так сразу начинал работать «счётчик» участия в боевых действиях. У нас же, хотя Ангола жила в условиях гражданской войны и интервенции ЮАР, выход каждой бригады в рейд отдавался приказом Главного военного советника. Но участие в боевых действиях засчитывалось лишь тогда, когда рейд был результативным. Рейд длился 7–10 дней. По окончании рейда я должен был представить полный письменный отчёт о результатах его проведения с приложением отчётной карты операции. Об этом сообщалось в Москву. Параллельно шёл доклад по линии местной стороны в Генеральный штаб ФАПЛА. «Десятка» в конце командировки отдавала приказом и записывала в личное дело эти дни участия в боевых действиях. Вот таким образом у меня набралось 134 дня непосредственно боевых действий.

Во-вторых, дипломатическая Москва почему-то считала, что наши военные в Анголе в боевых действиях не участвуют. Об этом неоднократно заявлялось на международных переговорах и на заседаниях ООН. Артиллерийские и миномётные обстрелы, возможность ежедневно в любом месте попасть в засаду и подорваться на фугасе, задеть растяжку Клеймора или наступить на противопехотную мину – всё это боевыми действиями для нас не считалось. В-третьих, до августа 1988 года, кроме партизан, нашими противниками были регулярные части армии ЮАР, которые вели бои с применением танков, артиллерии и авиации.

Я участвовал в нескольких боевых рейдах, во время которых находился рядом с командиром бригады. В атаку в цепи вместе с солдатами не ходил, так как моё место было на КП бригады. Но несколько раз попадал в серьёзные переделки, когда приходилось браться за автомат и отстреливаться. Пару раз попадал под миномётный огонь.

Трудно передать всю ту гамму чувств, которую я испытывал в конце командировки. Это были одновременно и тоска по родителям, и радость от близкой встречи с ними. Была тоска по Родине. Бывая в Луанде, мы старались съездить на аэродром, чтобы притронуться к нашему самолёту, который только что прилетел из Союза. Вечерами пытался восстановить в памяти все дни и ночи, проведённые в Анголе. А вернувшись на Родину, вспоминал те моменты, когда мог погибнуть и меня могли отправить на Родину «грузом 200». Как-то не думалось, что ты в воюющей стране и где-то идут бои и гибнут люди. Ведь мы в письмах писали, что «у нас всё в порядке», что живём мы в «бананово-апельсиновом раю», что это экзотическая, сугубо мирная, чуть ли не туристическая прогулка. И что война, о которой пишут в газетах, «далеко от нас».

Фото предоставлены Студией «Этника»

« Бригада проводила операции и рейды по обнаружению и уничтожению баз и отрядов УНИТА »

ЛЕГЕНДА СПЕЦНАЗА

Даже мне Яков Семёнов не признался в том, кто именно застрелил Амина, но подтвердил тот факт, что он был последним человеком, которого Амин видел в своей жизни...



**Сергей
ГОЛОСОВ**

Специально для
«Совершенно секретно»

Двадцать четвёртого января 2017 года, в 17.00 на железнодорожном вокзале в городе Хельсинки (Финляндия) мы с Яковом Фёдоровичем Семёновым ещё раз пожали на прощание друг другу руки и крепко обнялись. Десять дней мы провели в этом гостеприимном городе. Возвращались в одном поезде, но в разных вагонах. Мы с женой Лидией Михайловной ехали в головном вагоне, а Яков Фёдорович со Светланой Владимировной — почти в хвосте поезда. Но поскольку по прибытии в Москву мне необходимо было спешить на срочную встречу, то на Ленинградском вокзале мы с супругой быстро пересели в ожидавшую нас машину и уехали. И, конечно же, никто из нас не думал о том, что прощание на вокзале в Хельсинки станет для нас последним. Через две недели моего друга Якова Фёдоровича Семёнова, полковника КГБ СССР, легендарного командира спецназа, чьи действия в экстремальной ситуации до сих пор изучаются молодыми сотрудниками спецслужб, не стало...

Я вспоминаю, как 30 с лишним лет назад мы с Яковом возвращались из командировки в Афганистане на Ту-134 компании «Аэрофлот». Это был самый напряжённый период в афганском конфликте (1984 – 1985 годы), когда хорошо вооружённая западными странами оппозиция опробовала наиболее современные виды вооружения для совершения диверсионных и террористических акций против Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Переносной зенитно-ракетный комплекс «Стингер» тогда представлял большую опасность для пассажирских авиарейсов, особенно при взлёте и посадке самолёта. В 1986 году, например, «Стингерами» было сбито 23 советских воздушных судна. Самолёты, взлетавшие из аэропорта в Кабуле, были удобной мишенью для афганских боевиков, поэтому мы с Яковом как советники по борьбе с диверсионно-террористической деятельностью прекрасно понимали, насколько серьёзна опасность при взлёте самолёта и наборе высоты. Знали, видимо, об этом и другие пассажиры авиалайнера. Во всяком случае все тщательно пристегнули ремни, сидели молча, затаив дыхание, как будто это могло чем-то помочь в случае попадания снаряда ПЗРК.

Самолёт, набирая высоту, выбрасывал отвлекающие тепловые шашки и потихоньку удалялся в сторону границы Афганистана с Советским Союзом. Как только объявили по громкой связи о нахождении самолёта в безопасном пространстве, пассажиры оживились, и на раскладных столиках появились припасённые для этого случая ёмкости с горячительными напитками. Собст-



Боевые товарищи Сергей Голосов и Яков Семёнов. Последнее фото вместе, Хельсинки. Январь 2017

венно, в этой командировке наши с Яковом жизненные пути сошлись наиболее близко. Раньше мы с ним встречались только в коридоре нашего центра и только здоровались, поскольку работали по разным направлениям. Но даже со стороны было видно, что он человек необычный. От него исходило не только ощущение внутренней силы, но чувствовалась какая-то позитивная энергия. Уже потом, когда нас сблизил совместная работа и боевая обстановка, я ощутил его исключительную внимательность к своим друзьям, тот внутренний потенциал, который полковник Семёнов мог раскрыть перед близкими ему людьми.

В Афганистане мы оказались в одном звене по выполнению поставленных нам руководством спецслужб задач и скоро уже представляли единую силу. Но прежде чем рассказывать об этом и рисовать «штрихи к портрету» этого замечательного человека, я хотел бы вернуться в историю афганских событий, поскольку именно они вывели Якова Семёнова на ту вершину, где в самых острых ситуациях проявились в полной мере его уникальные способности как бойца отряда особого назначения, талантливого организатора и командира.

ЖЕЛАНИЕ ПОВОЕВАТЬ

Об афганских событиях написано немало книг и брошюр, освещающих политические, военные, контрразведывательные и разведывательные мероприятия. Мне как участнику того сложного политического процесса хотелось бы обновить в памяти и дове-

сти до читателя отдельные эпизоды, побудившие руководство СССР втянуть себя в этот локальный кровавый конфликт. Замечу, что все события в Афганистане разворачивались вокруг лидеров этой страны. Так было заведено на Востоке в целом и в Афганистане в частности. Естественной смертью никто из лидеров этой страны из жизни не уходил. Исключение составил лишь Бабрак Кармаль, да и то лишь потому, что был вовремя вывезен в СССР и доживал свои годы на даче в Серебряном Бору.

Между тем отношения между первыми лидерами страны стали обостряться. Бабрак Кармаль был поначалу отправлен послом в Чехословакию, и хотя это сделал Нур Мохаммад Тараки, инициатором был Хафизулла Амин. Последнему для удовлетворения своих амбициозных планов осталось только избавиться от самого Тараки. Советское политическое руководство располагало информацией о готовящемся перевороте в Афганистане и предупреждало афганских лидеров о недопущении физического насилия. Брежнев обращался с личным письмом к Амину с просьбой не прибегать к кровавым мерам. Однако 9 октября 1979 года Нур Мохаммад Тараки был задушен в своей спальне.

Произошедшие события были расценены советскими руководителями как неуважение со стороны группировки Хафизуллы Амина к стране, за счёт которой она во многом существовала. Подобные варварские методы в политической борьбе среди руководства Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), прене-

брежительное отношение к рекомендациям «старшего брата» дискредитировали СССР в глазах его сторонников за рубежом, выставляли посмешищем перед мировым сообществом. Были также слухи и домыслы относительно того, что Амин сотрудничает с ЦРУ, что он может сблизиться с западными странами и разместить военные базы НАТО на территории Афганистана. Этот довод стал официальной версией, объяснявшей причины ввода советских войск в Афганистан и устранение Амина от власти. Сам же Амин настаивал на вводе в его страну лишь нашего ограниченного воинского контингента. Поэтому достоверность версии о «предательстве Амина» можно рассматривать в одной плоскости с утверждениями советской пропаганды «холодным летом 1953 года» о том, что Лаврентий Берия был английским шпионом.

Сторонниками активного вмешательства во внутренние афганские дела на самом деле были руководители силовых структур СССР. Во-первых, в армии накопилось большое количество вооружения, в том числе стареющего, а его необходимо было как-то использовать. Во-вторых, боевые подразделения вне зависимости от ведомственной принадлежности должны были знать уровень своей готовности и проверить его в боевой обстановке. Но предпочтительно было сделать это не в прямом конфликте со странами НАТО. Можно назвать, в-третьих, в-четвёртых и т. д. Но суть такова: силовые структуры страны «задаром хлеб есть не должны» — его надо отрабатывать. Одновременно

было желание в очередной раз показать сомневающимся странам силу и военную мощь СССР. Кстати, хочу заметить, что сирийские события, участие в которых приняли наши военнокосмические силы, и не только они, наглядно показали всему мировому общественному мнению военную мощь России, к тому же был получен огромный опыт использования и координации различных видов Вооружённых сил России. Так что история повторяется.

ЯД ДЛЯ АМИНА

Но вернёмся к афганским событиям. В первую очередь должен отметить слабый уровень действий разведки и контрразведки при подготовке и проведении устранения Хафизуллы Амина. Очень слабо сработали «рыцари плаща и кинжала», поэтому надежда оставалась только на штурмовую операцию, проводившуюся силами спецподразделений «Вымпел» и «Альфа». Надеюсь, что коллеги из разведывательных подразделений простят мне столь нелестную оценку их действий по ликвидации Амина, тем более что это в большей степени недоработка руководителей этих структур, а не рядовых исполнителей. Вспомним нашу историю – проведение операций «Трест» и «Синдикат» в двадцатых годах прошлого века, на которых мы все учились в Высшей школе КГБ СССР, и их результат. А здесь, в Афганистане, в дворце президента, где добрая половина охраны и obsługi были гражданами СССР, задача была менее сложной.

Участники тех событий рассказывали мне, что активные оперативные мероприятия по физическому устранению Амина велись по различным направлениям. Было проведено агентурное проникновение в его ближайшее окружение, в частности на должности повара в президентском дворце работал гражданин СССР, агент КГБ. Однако даже добавить яд в пищу Хафизулле Амину было непросто: во время застолий он не ел приготовленные блюда, которые ставили ему на стол, а, разговаривая, прохаживался среди гостей или своих подчинённых и брал пищу с их тарелок. На Востоке так заведено.

Другие дилетантские замыслы наших руководителей спецслужб так

же не увенчались успехом. Они даже хотели склонить к нарушению профессионального долга советника по охране президента Афганистана и поручить ему физически устранить Амина. Но на это не могло пойти руководство 9-го управления КГБ СССР (охрана руководителей КПСС и советского правительства), поскольку это дискредитировало бы саму сущность этого подразделения. Его сотрудники работали советниками во многих странах мира и оказывали помощь в организации охраны первых лиц и антитеррористической борьбе. Здесь же речь практически шла об организации теракта, причём с помощью сотрудника «девятки».

Пока руководство наших спецслужб разрабатывало различные планы устранения Амина, решение Политбюро ЦК КПСС по вводу войск в эту страну постепенно реализовывалось. В Афганистане уже полным ходом стали размещаться наши войска, что происходило, напомним, с согласия Хафизуллы Амина. Не знал Амин только того, что среди советских военнослужащих находился наш спецназ из числа групп «Альфа» и «Вымпел». Его использование предполагалось только в исключительных случаях, когда другие планируемые мероприятия окажутся неэффективными. Так и получилось. Яд, подсыпанный Амину, мог привести к задуманному результату, однако советские врачи спасли его путём интенсивного промывания желудка и очищения крови. Провалился также план стрелка-одиночки. А наверху ждали результата...

БЕЗДАРНАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ ОПЕРАЦИЯ

В результате был задействован последний резерв – спецназ, который провёл штурм дворца Амина. Наши руководители спецслужб были настолько бездарны, что, имея такую благоприятную оперативную обстановку вокруг намеченной жертвы, чуть не провалили операцию. А самое главное, при штурме с обеих сторон погибли около 300 человек.

Яков Семёнов готовился штурмовать резиденцию Амина с группой из 30 офицеров под наименованием «Зенит» (так тогда нарекли «вымпеловцев»). У нас с ним были долгие обсуждения вопросов подготовки к



Дворец Амина до штурма

штурму, он рассказывал о внутреннем состоянии бойцов перед началом операции, непосредственно в ходе её и по окончании. Другой группой, из 26 человек, командовал Михаил Романов. По какой-то неведомой причине «альфовцев» и «вымпеловцев» на подходе к дворцу смешали, хотя подготовка у групп была разной и работали они каждая по-своему. Но и такими силами дворец Тадж-Бек был взят штурмом в течение 45 минут. Против 56 офицеров ожесточённо оборонялись более 2000 бойцов личной гвардии Хафизуллы Амина.

Бой был скоротечным, но тяжёлым. Михаил Романов был контужен, и командование взял на себя Яков Семёнов. С группой офицеров из шести человек Яков прорвался на второй этаж и, подавляя очаги сопротивления гранатами и автоматными очередями, выполнил поставленную задачу по ликвидации Амина, о чём напрямую доложил по рации руководителю операции. Мой друг даже мне не признался в том, кто именно застрелил Амина, но подтвердил тот факт, что был последним человеком, которого Амин видел в своей жизни...

По большому счёту штурм резиденции Амина был чистой авантюрой. Яков Семёнов говорил, что помогло «дикое везение». Группа численностью чуть более полста человек атаковала охраняемый объект, организацией обороны которого вплоть до дислокации постов занимались советские советники – профессионалы высокого уровня. Свою роль сыграли, конечно, фактор внезапности, высокая профессиональная подготовка спецназа и, несомненно, резерв

«мусульманского батальона» и роты десантников Витебской дивизии, которые шли во втором эшелоне. Объявление по громкой связи о гибели президента Амина также сломило дух обороняющей стороны, но это было уже потом. Задание было выполнено. При этом, конечно, погибли ни в чем не повинные люди – как афганцы, так и советские граждане, работавшие в охране и обслуге резиденции.

Майор Яков Семёнов был одним из главных действующих лиц операции, правильно организовал бой и выполнил поставленную задачу с минимальными для группы потерями, при этом проявил личное мужество и героизм.

НАГРАДА НЕ НАШЛА ГЕРОЯ

С конца 1990-х журналисты, знакомые с боевыми операциями, в которых принимал участие Яков Семёнов, карел по национальности, называли его «карельским Рэмбо». Кому-то такое сравнение могло и польстить, но только не Якову Фёдоровичу. Да, у него тоже была серьёзная физическая подготовка, был опыт выживания в тяжелейших условиях, но главным всё-таки было умение организовать боевую операцию, взять на себя ответственность за жизни бойцов, за успех боя. Но, приняв на себя командование операцией по взятию дворца Амина и объективно совершив настоящий подвиг, он приобрёл ряд завистников и недоброжелателей. По окончании этой сложной боевой операции руководство КГБ СССР не скупилось на награды и всем наиболее активным участникам операции, в том числе, конечно, и Якову Семёнову, пообещали присвоение звания Героя Советского Союза. Затем, «одумавшись», руководство там, наверху решило сузить круг героев. Это, наверное, правильно. Но вот спекулировать этим не стоило бы. Ведь всё равно информация об истинных героях этого штурма просочилась в средства массовой информации.

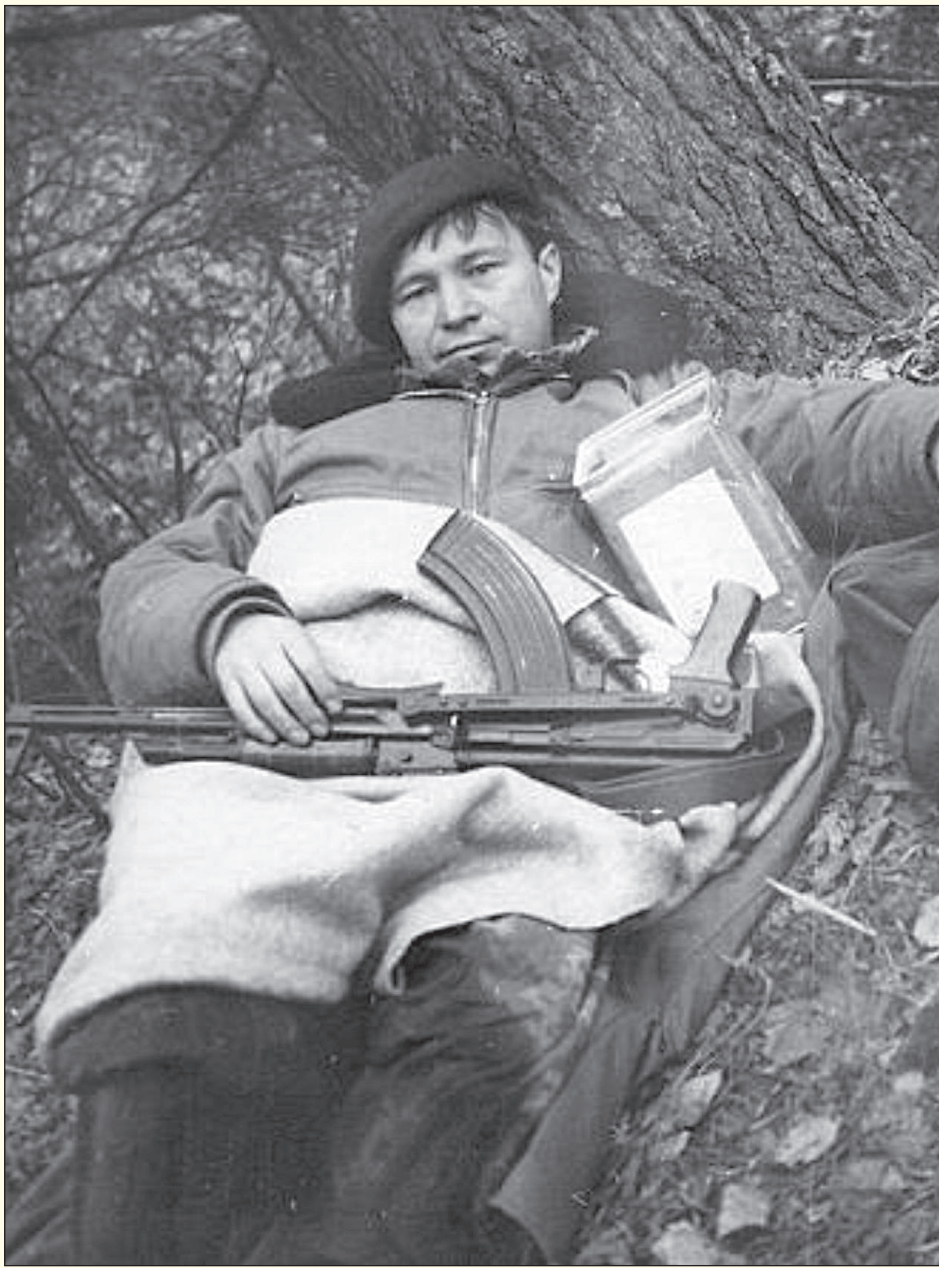
Закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа сотрудников КГБ СССР (около 400 человек) была награждена орденами и медалями. Полковнику Г.И. Бояринову за мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи братскому афганскому народу, посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Такого же звания были удостоены полковник В.В. Колесник, Э.Г. Козлов и В.Ф. Карпукхин. Генерал-майора Ю.И. Дроздова наградили орденом Октябрьской Революции. Командир группы «Гром» майор М.М. Романов был награждён орденом Ленина. Подполковника О.У. Швеца и майора Я.Ф. Семёнова наградили орденами Боевого Красного Знамени. Заслуженные награды получили и двое моих товарищей по занятиям самбо, два мастера спорта СССР. Орденом Ленина был награждён Сергей Голов, а орденом Боевого Красного Знамени – Александр Плюснин.

Полковник Бояринов, участник Великой Отечественной войны, орденон-



ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА

И после... Фото участников операции «Штурм 333»



TJULPANOV.VIPERSON.RU

Яков Семёнов – легенда спецназа

сец, командир группы «Вымпел», участвовавший в боевой операции в возрасте 57 лет, звезду Героя получил совершенно оправданно. Козлов и Карпукхин сражались при штурме крепости храбро, не жалея себя. Но так действовали все. По-другому было нельзя. Но Героями Советского Союза стали именно они. Чем был обусловлен выбор? Со временем достоянием гласности стала информация, что отец Козлова являлся действующим сотрудником КГБ в звании адмирала, а отец Карпухина был близок к одному из заместителей председателя КГБ СССР. У Якова Фёдоровича таких высокопоставленных родственников не было, его отец погиб на полях Великой Отечественной войны, так что лоббировать интересы карельского паренька было некому. Именно поэтому Яков Семёнов, этот поистине легендарный человек, оказался «недостойн» звания Героя тогда, по «горячим следам событий», а был награждён лишь орденом Боевого Красного Знамени. Звезда Героя Якова Фёдоровича так и не нашла. Его награжденное дело погрязло в болоте чиновничьей волокиты сегодня. Почему? Ответ достаточно банален. Основным препятствием на пути восстановления справедливости оказались лица, наиболее отличившиеся в своей бездарности при разработке деталей операции по устранению Амина.

Читателю, наверное, бросаются в глаза мои откровенные высказывания в адрес руководителей той афганской операции. Но для этого у меня есть веские причины. Организация и проведение мероприятий по устранению Амина – это одна из многочисленных задач, решавшихся спецслужбами СССР. Даже на этом примере видно, насколько обмелывали руководители среднего и высшего звена этого ведомства к последнему десятилетию прошлого века. И, как итог, была разрушена такая сверхдержава, как СССР, почти вдвое сократилось население нашей страны.

На встрече ветеранов КГБ мы задавали нашим генералам прямой вопрос об их бездействии в период смуты и краха СССР в 1991 году. Ответ до смешного прост: «Да мы мелкие винтики». Генералы – «мелкие винтики»? Со временем стало известно, что многие руководители главков спецслужб были с, скажем так, либеральными взглядами. Вот и пошли эти «демократы» после известных событий стеречь хозяйское добро Гусинского, Ходорковского, Березовского и других олигархов. Да, СССР нуждался в реорганизации, но не ценой развала, как того хотели на Западе. У руля спецслужб могут находиться хоть либералы, хоть консерваторы, но присягать они должны единожды в своей жизни и защищать своё отечество и его власть до последнего вздоха.

За пару недель до кончины Якова Семёнова, гуляя по набережной в Хельсинки, мы с ним завели разговор о чиновничьей непробиваемости. «Легче было подвиг совершить, чем доказывать, что он был совершён, – так резюмировал беседу мой друг. – Радует меня, что я в такой ситуации был не одинок. Во время штурма Рейхстага в мае 1945 года было водружено более 10 знамён. И всем было обещано звание Героя. Не стыдись, командиры разного уровня обещали от имени Сталина года через два-три вернуться к этому вопросу. Однако все законные претенденты, добиваясь своего, постепенно исчезали»...

МИССИЯ В КАБУЛЕ

Сегодня не хочется даже вспоминать о неприятных и трагических моментах в нашей жизни. Перед моими глазами Яков 30-летней давности, когда в Кабуле, получив табельное оружие ПМ с одним запасным магазином, он его разобрал, проверил спусковой крючок и произнёс: «Жаль, что тира рядом нет, проверить бы оружие». Сделав не-

сколько холостых спусков самовзводом и убирав пистолет в кобуру, добавил: «Ну а если придётся, не дай бог, то постреляем».

Группа советских советников в составе пяти человек размещалась на последнем, пятом этаже блочного дома, построенного СССР в новом микрорайоне Кабула. Город обстреливался регулярно. Иногда ночью, а иногда и днём, а гул ракет или снарядов слышался постоянно. Поэтому если случайно попадание пришлось бы на нашу постройку, то верхние этажи были бы самыми уязвимыми. Дверь в нашу квартиру на замок не закрывалась, а подпиралась на ночь камнем. Виктор Петрович Н., наш коллега по работе, эту заботу взял на себя. Его комната была крайней при входе в квартиру, и поэтому в случае какой-либо провокации он был бы первым попадавшим под удар. Я не знаю, как он провёл эту командировку, спал ли ночью или прислушивался. Но мне было его жаль. Вся его оперативная работа ранее в основном была связана с писаниной. У него не было той психологической закалки, как у Якова или у меня, поскольку все свои предыдущие годы мы не расставались с оружием.

Мы сами себе готовили пищу. Для начала расписали дни, но потом выяснилось, что приготовленные блюда, пригодные для еды, получаются только у Якова и у меня. Остальные дружно сидели за стол, громко и ясно выражали удовольствие уровнем приготовления пищи, но это не избавляло их от черновой работы: чистки картошки и мытья посуды. Бытовые условия были нормальными, если не учитывать того, что возможность пользоваться электричеством и водой зависела исключительно от удачи. Довольно часто нам приходилось читать со свечкой, а иногда уже намыленные мы выскакивали из ванной и вынуждены были вытираться полотенцем из-за вдруг исчезнувшей воды. Досуг мы проводили главным образом за чтением книг или игрой в шахматы. Яков был очень серьёзным соперником. Наши поединки иногда затягивались до глубокой ночи: никто не хотел сдаваться, а уровень нашего мастерства был где-то на уровне первого спортивного разряда.

Поездки по городу, посещение рынков и магазинов, где мы приобретали продукты питания по сносным ценам, и, конечно, русская баня с посиделками. Афганистан – страна не совсем благополучная не только с точки зрения безопасности, но и с точки зрения санитарии, поэтому мы пропускали перед обедом соточку, считая это профилактикой. Но тут возникал один нюанс: командированному провозить в любую страну, в том числе и в Афганистан, разрешалось не более двух бутылок спиртного. Покупать этот напиток на рынке было и опасно, и очень накладно, тем более что мы хотели что-то привезти своим близким. Нам удавалось иногда выбрать на рынке весьма хорошие вещи западного производства, хотя все они были с небольшим дефектом. Но у нас в стране и того не было...

Мы сильно сдружились с Яковым в Кабуле. Если попробовать охарактеризовать его как человека, то наиболее отличительной чертой его являлась верность мужской дружбе. Недаром его жена, Светлана Владимировна, жаловалась мне: «У него на первом месте друзья, и на втором тоже они, а мы, семья, уже потом». Дружить Яков действительно любил и умел, а потому их, друзей, у него было много, и самое главное, они были надёжные. Так вот, во время командировок в Афганистан наша жизнь немного скрашивалась именно благодаря общению с друзьями Якова...

«ЧИСТЫХ РУК» НЕ ХВАТАЛО

Человек познаётся в процессе многих лет общения. Разбежавшись в разные стороны после событий 1990-х годов, каждый из нас, офицеров КГБ, почувствовал в реальных условиях, чего мы стоим на самом деле. Часто способность выживать в сложной ситуации, а такими были лихие приватизационные времена, становилась мерилем для каждого из нас. А ещё характеристику советскому человеку можно было дать, оценивая его поведение в условиях, когда появилась возможность заработать нечестным путём.

За последнюю четверть века я среди бывших чекистов встречал немало персонажей, пытавшихся ухватить кусок пирога, не принадлежавшего им ни по праву, ни по законам человеческой морали. При этом они были готовы ради своей выгоды пойти на крайние поступки, вплоть до криминала. Что касается «холодной головы и горячего сердца», то этого хватало с достатком. А вот относительно «чистых рук» мне пришлось усомниться. Как говорят, грязные дела чистыми руками не делаются.

В эти тревожные времена рыночных отношений Яков Семёнов остался верен себе. Он знал, что его родные и близкие в Карелии переживают далеко не самые лёгкие времена. И он уехал туда, в дикие карельские леса. Начиная с нуля, он создал коллектив, взявший на себя задачу организации национального парка в красивейших местах на севере нашей страны, и у него стало получаться. Лишь после того, как его идеи были воплощены в жизнь и парк заработал, он со спокойной душой вернулся в Москву. Вернулся с новыми друзьями и связями. Парадокс, но не в Петербурге и не в Москве, а на карельской земле он познакомился со своими коллегами по работе в спецслужбах, которые в более поздние, 2000-е годы заняли ключевые посты в руководстве нашей страны.

Появившись в столице, Яков сразу дал знать о себе. Мы стали регулярно созваниваться и встречаться. 1990-е годы лёгкими не назовёшь, но они были интересными в том плане, что каждый из нас попробовал в той жизни свои способности. Каждый что-то предпринимал. Почти все наши сослуживцы оказались в круговороте событий и начали было заниматься своим делом. Но рыночный капитализм тем и отличался от застойного социализма, где за нас всё решали наверху, что, когда ты стоишь с разинутым ртом, тебе удача не улыбнётся. О порядочности и справедливости речь вообще не шла. Забвению предавали все нормы морали и божьи заповеди. Я ощутил это и на себе. Некоторые бывшие «друзья» и сослуживцы решили расправиться и со мной и «обнулить» созданный мной бизнес.

Оценив создавшуюся обстановку, Яков Фёдорович не постеснялся ради друга напомнить о своих заслугах перед Родиной, попросился на встречу к руководству ФСБ и был принят. Мой друг Яков хотел защитить меня и сделал это так же решительно, как в декабре 1979 года повёл сводную группу «Альфа – Вымпел» на штурм дворца Амина. Такая решительная готовность Якова помочь друзьям, находящимся в сложной ситуации, достойна самой высокой оценки. Даже тот факт, что в жизни ещё есть порядочные люди, дорогого стоит.

Об авторе:

Голосов Сергей Яковлевич – ветеран 9-го управления КГБ СССР. Занимался обеспечением безопасности Фиделя и Рауля Кастро во время их визитов в СССР. В 1976 – 1979-х годах работал персонально с лидером компартии Чили Луисом Корваланом. В 1980-е годы выезжал в командировки в Афганистан и Ливию в качестве советника по борьбе с диверсионно-террористической деятельностью.

«ПРОШУ ПРЕКРАТИТЬ ПРОИЗВОЛ И БЕЗЗАКОНИЯ»

Как сложилась судьба «примкнувшего» к заговору секретаря ЦК КПСС Дмитрия Шепилова после разоблачения антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича

СТАРШИЙ АРХЕОГРАФ ШЕПИЛОВ

Ничто не предвещало в судьбе Дмитрия Шепилова (1905–1995) тех бурных перемен, которые в итоге сделали его имя нарицательным. Впрочем, что именно оно нарицает, не очень понятно и до сих пор.

Учёный-экономист, он рано начал двигаться по партийной линии, но на войну ушёл ополченцем. В итоге стал генерал-майором, затем попал в аппарат ЦК, был заместителем Суслова и посмел на одном совещании не просто возразить Сталину, но и настаивать на своей точке зрения. За это его сняли с должности завотделом пропаганды и агитации и на семь месяцев оставили без работы – верный признак хорошего отношения вождя. Шепилов писал биографии Сталина, выпустил брошюры о десятом томе его собрания сочинений (был и такой жанр), а также тексты о советском патриотизме, величии советского народа и о том, что «сталинский устав сельскохозяйственной артели – основной закон колхозного строя». В итоге его взял к себе помощником Маленков, после чего началась стремительная карьера – в 1952–1956 годах Дмитрий Шепилов успел поработать главным редактором «Правды», министром иностранных дел СССР, в качестве секретаря ЦК помогал Хрущёву готовить доклад для XX съезда партии. Быстрый карьерный рост породил и быструю эволюцию взглядов. В итоге Шепилов позволил себе критические высказывания в адрес генсека на знаменитом заседании Президиума ЦК в июне 1957-го, после чего превратился в «и примкнувшего к ним». Его сняли со всех московских постов, отправив директором Института экономики АН Киргизии.

После опалы в очередной раз отвратительно повела себя Академия наук СССР, членом-корреспондентом которой Шепилова избрали ещё в 1953-м: его лишили звания 26 марта 1959 года, а вернули его 32 года спустя. Станным выглядит и исключение из партии, оно последовало лишь 21 февраля 1962 года, зато восстановили через 14 лет, ещё при Брежневле. Долгое время Шепилов считался его главным конкурентом за главный партийный пост, но после опалы шансов не было никаких. С 1960 года вернувшийся в Москву экономист и дипломат работал археографом, затем старшим археографом в Главном архивном управлении при Совмине СССР – странная, надо сказать, должность для человека в расцвете сил, возглавлявшего за три года до этого МИД могущественной империи.

Газета «Совершенно секретно» публикует фрагмент биографии Дмитрия Шепилова, написанной его внуком Дмитрием Косыревым и вышедшей под названием «Советский Кеннеди. Загадка по имени Дмитрий Шепилов» в издательстве «Бослен».

Алексей МОКРОУСОВ



Опальный Шепилов – на новой работе в Главном архивном управлении. 1960-е



Дмитрий
КОСЫРЕВ

Специально для
«Совершенно секретно»

Если одним словом описать то, что произошло с Шепиловым сразу после пленума, где он довольно неплохо держался, то это слово – свалился. Причём в двух смыслах. Во-первых, в моральном. Дело не в том, что он не сразу понял, что с ним произошло (замедленная реакция в таких случаях неизбежна). А в том, что в какой-то момент после пленума он поверил. Поверил в то, что совершил преступление. Здесь мы не в первый и не в последний раз вторгаемся в образ мысли людей эпохи, до которой вроде бы и рукой подать, но на самом деле для нас, сегодняшних, это такой привет с Марса. Да-да, я опять про ту самую жуткую штуку – фракционность. На пленуме-то Шепилов искренне недоумевал – какая к чёрту фракционность, когда фактически всё высшее руководство в открытую говорило о том, что Хрущёв не годится для высших постов в государстве, потому что несёт дичь (в словах и делах)? Но после пленума, когда за человеком закрываются одна за другой двери... Он поверил!

Вот покаянное письмо, точнее, черновик такового, помеченный 27 августа 1957 года и ещё словами – «Боткинская больница»: «Никита Сергеевич!..»

Разве так обращается рядовой гражданин и член партии к лидеру страны и той же партии? Что это за «Никита Сергеевич» такой, где здесь «уважаемый» и всё прочее? Но это, повторим в очередной раз, Шепилов ещё не успел понять, что произошло.

Он всё ещё разговаривает с равным себе. С товарищем по партии и руководству. И пишет ему: «Уже 58 дней как я прикован к палате Боткинской больницы. Я очень сожалею, что в день собрания в коллегии ЦК об итогах июньского Пленума я был увезён скорой помощью в больницу и не мог, как подобает коммунисту, выступить на этом собрании, а также что в силу очередного и тяжёлого обострения... я был лишён возможности сразу приступить к работе. Что пережил и переживаю я за эти часы, дни и недели – можно понять без слов. Не приведи бог кому-либо испытать такое!»

К какой работе он должен приступить? Какое собрание коммунистов? О работе мы ещё скажем. Насчёт собрания же – это были такие люди, члены КПСС. Им полагалось в подобных ситуациях прийти на собрание своей парторганизации и покаяться. Не мог член КПСС, после того как съезд или там пленум принимает какое-то решение, с ним не соглашаться и не «разделять». Тогда следовало сначала положить на стол партбилет. А это хуже, чем умереть (умереть, по крайней мере, можно было коммунистом). Член КПСС обязан признавать на этом и каждом последующем собрании, что был осуждён правильно. Вот мы и читаем в письме Хрущёву:

«Несмотря на всю тяжесть понесённого наказания, я глубоко осознал и безоговорочно принимаю и существую, и организационные меры, принятые Пленумом. И нет в моей душе на этот счёт обид, так как только партия, наша великая ленинская партия, может воплощать высшую мудрость и высшую справедливость...»

Здесь – и далее – у нас будет часто возникать вопрос об искренности. Может, Шепилов боится, что с ним что-то сделают, и

поэтому... Но чего же ему бояться – решения пленумом уже приняты, дальше его направят на какую-то работу, и там он загладит вину. Уже всё с ним сделали, хуже не будет. Ну, это он в тот момент так думал – что впереди только тяжёлый искупающий труд и больше никаких неприятностей. Но не будем забежать вперёд. Мы – о том, что он мог бы и не писать, но писал, потому что искренне в тот момент так думал: «Перебирая весь свой жизненный путь, я не могу не высказать следующего: ...я не должен был быть в какой бы то ни было мере причастным к любой фракционности. Я не продумал и не оценил всех возможных последствий и всей опасности групповщины и логики фракционной борьбы. В этом моя тяжёлая ошибка и в этом моя вина. У меня, как и у всякого большевика, есть единственный путь жизни – вместе с партией, в её рядах, пусть на рядовой работе, но только вместе с партией... И никакого другого пути нет и быть не может. Я сделаю всё, что должен сделать (и главное – доказать это трудом своим) коммунист, готовый честно и безоговорочно выполнять решения Пленума, решения XX съезда партии.

Д. Шепилов».

Далее же следует какой-то попросту кафкианский изгиб стиля, который свидетельствует, в каком состоянии Шепилов в тот момент находился:

«P.S. Я созвонился с Вашим Секретариатом об отсылке письма 24.8. Но очередной приступ болезни снова приковал меня к койке. Конечно, меня не может не тяготить мысль, что в такое нужное для работы время у меня с особой остротой проявились мои трудные и практически неизлечимые недуги. Но я постараюсь

В ЯНВАРЕ 1959 ГОДА ПОЯВИЛСЯ ПРИКАЗ ОБ ИЗЪЯТИИ ИЗ БИБЛИОТЕК СТРАНЫ ВСЕХ НАУЧНЫХ РАБОТ ШЕПИЛОВА, НАПИСАННЫХ ИМ ЗА 32 ГОДА.



Никита Хрущёв и Дмитрий Шепилов

► это преодолеть. Сегодня передали по радио об успешном испытании нашей межконтинентальной баллистической ракеты. Какое великое дело сделано нашими учёными и военными для нашей Родины, для дела безопасности!

Д.Ш.»

История такая: как формулировала лечащий врач Шепилова в те дни (и его друг после этого на всю жизнь) Эмма Рыжова, в Боткинскую больницу он попал в «состоянии крайне подавленном», с обострившейся язвой — и вот тут ему поставили новый диагноз. Вроде бы сам по себе не такой и страшный: камни в желчном пузыре.

В свои 52 года (речь о 1957-м) Дмитрий Шепилов выглядел и казался человеком непобедимого здоровья, способным работать без сна и выходных, так и работал. Однако язва у него была с 1928 года, со времени его работы в Якутии или, скорее, в Смоленске. Но — это тогда было то ли нормой, то ли модой — отмахивался от болезней. И в целом, с учётом того, что всю войну провёл на фронте (в том числе в качестве рядового ополченца), перед нами человек редкой силы и живучести.

Но любые силы когда-то кончаются. Вот справка из Клинической больницы им. С.П. Боткина насчёт того, что с 4 июля до 9 ноября 1957 года он находился там по поводу язвенной болезни 12-перстной кишки, перидуаденита, сопутствующего гастрита и — как уже сказано — желчнокаменной болезни. По заключению профессоров-специалистов (следует длинный список таковых), «б-ной» в настоящее время нуждается в продолжении лечения в санаторных условиях в Железноводске, после чего может быть решён

вопрос об оперативном вмешательстве по поводу желчнокаменной болезни.

После двух месяцев лечения Эмма с трудом отравила его в подмосковный санаторий, язва там всё-таки зарубцевалась. А назначение, пока он болел, состоялось. В Киргизию, Фрунзе (ныне Бишкек).

ССЫЛКА В КИРГИЗИЮ

Формально в ссылку Шепилова, как члена-корреспондента Академии наук, эта самая академия и отправила, согласно документу № 552427 от 2 ноября: «в распоряжение Президиума АН Киргизской ССР для использования на работе в качестве директора Института экономики». Подпись: вице-президент АН академик К.В. Островитянов (кстати, соавтор Шепилова по учебнику политэкономии, за который мой дед собственно и был избран членкором).

В Киргизии язва открылась заново и никаким образом не закрывалась. Что Шепилов делал и что смог сделать в Киргизии? Прежде всего, создать себе массу новых неприятностей. В том числе потому, что слишком старался в очередной раз быть образцом во всём, работать не жалея сил. Начнём вот с чего: этот самый Институт экономики он, по сути, создал. Потому что до того он существовал только на бумаге.

Как положено в бюрократической системе, Шепилов отчитывался. Вот один из таких отчётов за 1958 год (в качестве членкора академии он шлёт его в бюро отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР). Получается такая картина: для начала «отредактированы и сданы в печать 6 работ института». За год. Работы — это книги. Тут добавим информацию из другого документа — письма в ЦК КПСС, — что за все прежние времена своего полусуществования институт сдал 2 брошюры. Далее: принимал участие в 4 районных экономических конференциях, выступал там, готовил доклады. Участвовал во 2-й Среднеазиатской конференции энергетиков и экономистов в Ташкенте, собраниях Академии наук СССР. Работал с 4 аспирантами в Киргизии. (Тут надо снова пояснить — это только он сам с ними работал, а институт всего набрал 20 аспирантов, впервые в своей истории.)

Ещё участвовал в заседаниях Госплана республики по рассмотрению перспективного плана на 7 лет. Далее, с начала 1958 года сам Шепилов приступил к разработке собственной монографии — «Общая тео-

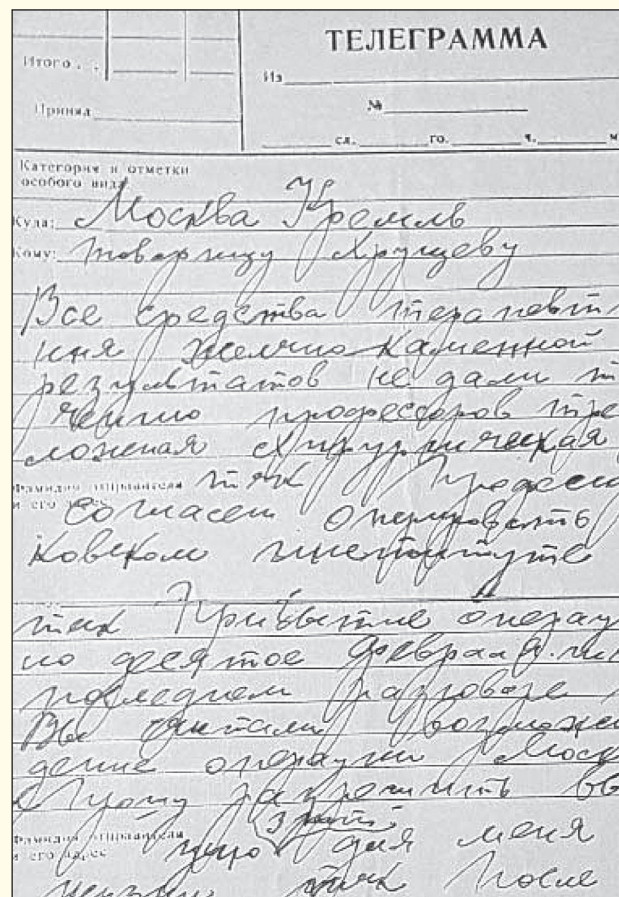
рия социалистического расширенного воспроизводства». Кроме того, по плану работ института он взял на себя тему «Вопросы рационального использования трудовых ресурсов» Киргизии. Сделал 63 статистические таблицы, после чего к концу года можно было приступать к составлению баланса трудовых ресурсов Киргизии.

И ещё одно — насчёт стиля шепиловского руководства. Думаете, институт — это когда люди сидят за столом и шуршат бумагами? А вот нет, и директор должен быть первым во всём подавать пример, вот какой: «Чтобы заниматься экономической наукой конкретно, я ознакомился с работой многих десятков шахт, рудников, заводов, фабрик, совхозов, колхозов г. Фрунзе, Ошской, Джалал-Абадской, Иссык-Кульской, Фрунзенской областей». Это — за год.

Однако с 26 августа 1958 года Шепилова понизили до замдиректора. И он продолжал делать всё то же самое, просто за меньшую зарплату. В чём он провинился? Версии есть разные. Одна из них — Екатерина Фурцева.

Дело в том, что Шепилов в 1958 году, может, и был в ссылке, но обязанности директора института в Киргизии предполагали поездки в Москву на сессию отделения экономики, философии и права Академии наук. Он и ездил, и попутно бывал у московских врачей — в июне и, как видим, в декабре. Но бывал он не только там. Известен случай, когда Шепилов в том году оказался в первом ряду в Большом театре. А рядом с ним — Екатерина Фурцева, в тот момент уже больше не секретарь Московского комитета партии (Хрущёв не забыл никого из тех, кто пытался его сместить, пусть они в какой-то момент и «примкнули» к хрущёвскому лагерю) и ещё не министр культуры, а просто (пока ещё) кандидат в члены президиума.

Крик «Это провокация!», изданный Фурцевой в бурные июньские дни 1957 года, в этот раз — в зале Большого театра, — может, и не прозвучал. Однако рассказывают, что она потребовала у помощников узнать, кто дал ей билет «рядом с Шепиловым» и как это получилось. Получилось — просто — был спектакль Арама Хачатуряна («Спартак?»), и он, узнав, что Шепилов в Москве, разыскал его и послал ему билет. Знать, что администратор Большого на соседнее кресло выдаст билет Фурцевой,



Телеграмма Дмитрия Шепилова в Кремль

Хачатурян не мог, и отчитываться по этому поводу ни перед кем не собирался. И, конечно, Фурцева не была бы Фурцевой, если бы не доложила не иначе как лично Хрущёву со всей возможной поспешностью: была провокация. Она не виновата. Что делает Шепилов в Москве, тем более в первом ряду Большого театра?

Нет, я требую, чтобы мне ответили: что он тут делает? А он, как членкор академии, должен посещать там собрания... Ах, он академик?

«Общее собрание Академии наук Союза ССР, постановление 26 марта 1959 г. Выписка: 4. О В.М. Молотове и Д.Т. Шепилове.

Лишить Шепилова Дмитрия Трофимовича звания члена-корреспондента АН СССР как участника раскольнической политической группы, выступавшей против интересов народа, не оправдавшего высокого доверия, связанного с обязанностями члена-корреспондента Академии наук СССР».

Если у кого-то есть какие-то сомнения: никакой собственной инициативы академии тут не было. А был звонок из Кремля: у вас сегодня общее собрание академии? Исключите Шепилова (и Молотова) из её состава. Об этом Шепилову потом рассказывали неоднократно руководители АН СССР, включая её президента. (Кстати, в 1991 году, за четыре года до своей кончины, Дмитрий Трофимович был восстановлен в звании членкора Академии наук. — Ред.)

К этому моменту Шепилов был в очередной раз на больничной койке. В январе 1959 года появился приказ об изъятии из библиотек страны всех научных работ Шепилова, написанных им за 32 года. 1 февраля 1959 года он получил на руки очередное киргизское заключение: сначала в неврологический стационар (иначе язва не поддастся), потом в хирургию. И это подкреплено заключениями целого сонма московских специалистов, академиков и профессоров. То есть смысл всё тот же: оперировать не будем. Кто угодно, только не мы. Пусть лечит язву и нервы.

Итак, в порядке лечения нервов — член-корреспондент АН СССР, получивший это звание не в силу партийной должности, а за первый в советской истории учебник политэкономии, без которого тогда немислимо было обучение тысяч студентов, больше не в академии.

«Лишён авторства на 3-е издание учебника политэкономии, в котором мною написано 12 глав и вместе с академиком Островитяновым проведено редактирование всей книги». Это из записок Шепилова, который вёл подсчёт репрессий, что



Дмитрий Шепилов — во втором ряду, второй слева. В первом ряду, слева направо: А. Микоян, Е. Фурцева, Н. Хрущёв, Н. Булганин, Н. Шверник

на него обрушивались одна за другой уже после 1957 года. Иногда их у него получалось 17, иногда 24.

Но подождите, лишён авторства – это как? А очень просто: как раз в то время учебник в 3-м издании вышел, студенты по нему продолжали учиться, имена соавторов на обложке и не только на ней остались: Островитянов и все прочие. Кроме Шепилова. Да-да, написанное Шепиловым сохранялось, только фамилии не было. Но снять фамилию, оставив текст (а как насчёт выплаты авторских, интересно)? Это сильно.

Вишневского называли богом хирургии. Но даже боги иногда сомневаются в своём всемогуществе. Делать операцию язвеннику, по части нервов доведённому до крайности... Весной 1959 года профессор Вишневский предупредил об опасности оттягивания операции. Однако, пишет Шепилов, «ходом вещей 2 марта я оказался в специальной больнице им. Соловьёва и пробыл там 3 месяца». Диагноз – тяжёлое истощение нервной системы. Вишневский перенёс операцию на сентябрь – октябрь, и то после санаторного лечения.

После Соловьёвки было вот что:

«Справка, выдаётся на руки инвалиду: РСФСР, Министерство социального обеспечения.

Москва, Ленинск. врачебно-трудовая экспертная комиссия

ВТЭК № 1, 17 июня 1959 года»...

В общем, освидетельствован 17 июня 1959 года, признан инвалидом второй группы. Человеку 54 года. Санаторное лечение? Но прямо из Соловьёвки (и ещё до инвалидности) Шепилова вызывают во Фрунзе. Результат вызова и долгих бесед таков (опять же – из шепиловского архива, в копиях):

«Первому секретарю ЦК КП Киргизии товарищу Раззакову И.Р.

Третий месяц как я серьёзно болен и по предписанию консилиума врачей со 2 марта нахожусь в Московской психоневрологической больнице им. Соловьёва...»

И объясняет: лечиться надо ещё не меньше месяца. А дальше предстоит операция на желчном пузыре. И (как он полагал) ещё и резекция язвы. Раньше, пишет Шепилов, он сам просил отправить его подальше от Москвы – в Якутию, Сибирь, на фронт, но...

«Но теперь я болен, я тяжело болен. Я совершенно неспособен и лишён возможности в таком состоянии ехать куда-либо». Поэтому Шепилов просит Раззакова: «...через Ваше посредство имею в виду обращение в ЦК КПСС и лично к товарищу Н.С. Хрущёву с глубокой просьбой... освободить меня от занимаемой должности зам. директора Института экономики и откомандировать совсем из Киргизской ССР с тем, чтобы я примерно годичный срок мог провести в Москве, в соответствующих институтах и больницах». Дата – 29 апреля 1959 года.

20 июня он пишет президенту Академии наук Киргизской ССР проф. Ахунбаеву И.К.: уже четыре месяца в больницах, переведён на инвалидность, работать не могу. Прошу освободить... 17 июня освободили.

Можно ехать в Москву, лечиться с чистой совестью (ну не хотел человек получать зарплату заместителя директора института, если несколько месяцев не мог работать)? Да, он отправился в Москву, потом в санаторий. С примечательным названием, о котором чуть позже. Дальше – языком документов.

«ПРОШУ ОСВОБОДИТЬ 4-КОМНАТНУЮ КВАРТИРУ»

«20 августа 1959. Шепилову Д.Т.

(Обращение – никакого «уважаемый», просто Шепилову Д.Т.)

В связи с постоянной работой в г. Фрунзе... Вам предоставлена в г. Фрунзе по ул. Дзержинского, дом 50, отдельная двухкомнатная квартира размером

35,4 кв. м. Одновременно Вы, имея семью два человека, сохраняете за собой 4-хкомнатную квартиру в г. Москве, в доме Академии наук СССР по Ленинскому проспекту, 13. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 13 апреля 1950 года № 1564, прошу Вас до 1 сентября 1959 года освободить четырёхкомнатную квартиру в г. Москве, по Ленинскому проспекту, 13, размером 95,75 кв. м и передать её в распоряжение Академии наук СССР.

И.о. главного учёного секретаря Президиума Академии наук СССР, член-корреспондент М.И. Агошков».

Не будем забывать, что время было советское. Это сейчас можно, перестав быть членом правительства, сохранять за собой свою соб-



Дмитрий Шепилов с маршалом Георгием Жуковым



Георгий Маленков, Никита Хрущёв и Дмитрий Шепилов на даче

ственную квартиру, а тогда «собственных» квартир не было. Они все были чьи-то ещё.

Ну вот вывели Шепилова из аппарата ЦК – хорошо, что не расстреляли, дело ведь было в марте 1938-го, – и ему, раз так, надо освободить жильё в доме управделами ЦК на Котельнической набережной, 17, где была «3-комн. квартира площадью 78,81 метра». А где жить? ЦК просит АН СССР дать квартиру в домах академии. Шепилов тогда «всего лишь» профессор, но ведь из ЦК его перевели в систему академии... Вот она и дала ему ту самую квартиру на Ленинском проспекте.

Насчёт второй квартиры во Фрунзе: ничего необычного в этом не было, когда, например, в ту же эпоху создавалось Сибирское отделение АН СССР, никто не лишал переехавших туда академиков московской квартиры. Но, извините, если вас только что вышвырнули из этой уважаемой структуры за раскольническую деятельность в другой структуре, то вам – в данной ситуации – одновременно становится негде жить. Ну как в США, когда, теряя высокооплачиваемую работу, вы вынуждены вдобавок выселиться из дома, если ещё не выплатили за него ипотеку.

Единственная квартира, которую Шепилов в своей жизни считал настоящим домом, была та самая – на Ленинском. Лучшие годы жизни. Победы, успехи, друзья.

В ответ – телеграмма президенту Академии Несмеянову от 26 августа:

«Письмом секретаря Академии мне предложено освободить занимаемую Москве квартиру тчк сообщаю двтч решением втэк Ленинского р-на гор Москвы 17 июня я переведён инвалидность второй группы тчк связи инвалидностью с работы в Киргизии уволен тчк квартиру гор Фрунзе давно сдал тчк получаю пенсию в Ленинском районе Москвы зпт жена работает Москве тчк нахожусь санаторном лечении Железноводске позже предстоит хирургическая операция Москве тчк выезжать мне некуда

и предложение в письме секретаря об освобождении квартиры считаю незаконным тчк прошу телеграфировать санаторий должен ли я прервать лечение и выехать Москву для объяснений Шепилов».

Вдгон вторая его телеграмма, повторяющая первую – кроме формулировки: «выселяться мне кроме как на улицу некуда тчк прошу принять меры прекращения произвола и беззакония тчк». Внизу пометка об адресе отправителя (помните, я сначала его не назвал): Железноводск, санаторий имени думаете кого или чего? Двадцатого партсъезда! Де-сталинизация, новая прекрасная эпоха, Шепилов помогает на этом съезде Хрущёву писать «закрытый доклад»...

Дело, между прочим, было не только и не просто в выселении из квартиры. Из города тоже. Была такая штука, как прописка.

Представляю себе, как эту очередную телеграмму держали в руках телеграфисты. 31 августа, Кремль, Хрущёву (и копия некоему секретарю ЦК КПСС Брежневу и ещё Микояну): «Милиция лишила меня московской прописки тчк одновременно Академия наук предложила мне срочно выселиться занимаемой мной в Москве квартиры в которой я и моя семья прожили 21 год тчк в конце марта будучи серьёзно больным я через ЦК Киргизии обратил-ся просьбой вам разрешить мне течение года провести Москве назначенное консилиумом лечение и операцию тчк... осенью предстоит тяжёлая операция московском хирургическом институте тчк выселяться мне некуда кроме как на улицу тчк прошу дать указание прекратить беззаконие в отношении меня Дмитрий Шепилов».

И думаете что? 2 сентября 1959 года прокурор города Москвы, государственный советник юстиции 2-го класса Белкин Б.Ф., рассмотрев поступившие от Президиума Академии наук СССР материалы о выселении в административном порядке гр. Шепилова Д.Т., установил –

то есть, извините, УСТАНОВИЛ, «что назначенный направлен на постоянную работу в Киргизии и занимает там квартиру по ул. Дзержинского»! Но, несмотря на это, дважды уведомил президента академии о своём отказе освободить занимаемую им в Москве жилую площадь.

Прокурор, государственный советник юстиции по этому поводу предписывает провести выселение в административном порядке. Ленинскому райотделу милиции следует оказать Управлению делами АН СССР содействие в исполнении настоящего постановления.

Документы кончились. Дальше пошли воспоминания его друзей. Со мной дед об этой истории не говорил никогда. Но были люди чуть ближе ему, чем я, им он рассказывал, да некоторые и участвовали в процедуре. Да, пока не забыл: бабушка Марьяна была с ним в Железноводске, но в другом санатории (с гипертонией), ей тоже послали телеграмму, чтобы участвовала в выселении себя. Итак, бывший член-корреспондент АН СССР, но всё ещё профессор и генерал-майор Шепилов приехал из Железноводска, где лечил язву и нервы, и увидел, как выбрасывают в коридор, на глазах понятых и милиции, вещи из квартиры и самое дорогое – книги. Его дочь – моя мама Виктория уговаривала соседей взять вещи на время. Некоторые проходили мимо, отводя глаза. Потом, в заметках, он отводящих глаза не упоминал, но записал, что «самое дорогое для меня – библиотека – взяла семья академика Никитина. Остальные пожитки взяли на хранение семьи академиков Бруевича, Лазарева (Добровольская), Удальцова и другие».

Тамара Толчанова описала затем эту сцену – со слов деда. Она из немногих людей, которым он такие вещи рассказывал. Вот он сидит на ступеньках лестницы и верёвкой связывает книги. Более 7 тысяч томов, по большей части прочитанных, или по крайней мере корешки всех их он знал. И дальше, держа в руках эту верёвку, он задумывается: она крепкая. Выдержит. Достаточно привязать её к железному ограждению лестничной клетки над проёмом...

И тут на плечи ложатся «крепкие, сильные руки» – то была уборщица на лестничной площадке. Он благодаря ей остановился, выжил. Но после выселения деда месяцами мучили дикие головные боли и ещё бессонница (осталась на всю жизнь). Ему предстояли месяцы скитаний по Москве, по родным и друзьям.

Пока не забыл: у Марьяны была своя квартира, оставшаяся от её мамы, той самой замечательной женщины, старой большевички. И, как вы уже догадались... Да, вместе с московской пропиской. Но ещё была дочь Виктория, её муж – капитан Советской армии, участник войны Евгений Косырев и, извините, я. И у нас тоже была квартира, страшная, но в центре, рядом с Арбатом. И, как вы опять же догадываетесь... Но в нашем случае выселения на улицу не случилось. Поселили на тогдашней окраине Москвы, у самого метро ВДНХ (дальше домов почти не было). До сих пор помню громадный овrag и церковь над ним, оптимистический запах свежего бетона: растёт хрущёвская Москва! Про то, почему мы туда переселились, мне, четырёхлетнему, никто, конечно, не рассказывал. Да и немалая часть книг той самой библиотеки пошла к нам домой. Кем бы я стал, если бы не они? Так что остаётся благодарить партию и правительство...

Об авторе:

Дмитрий Косырев – внук Д.Т. Шепилова. Профессиональный востоковед и журналист, был собкором «Правды» в Малайзии, Сингапуре и на Филиппинах, сейчас – политобозреватель агентства «Россия сегодня». Известен как автор популярных исторических детективных романов и рассказов, публикует их под псевдонимом Мастер Чэнь.

Фото предоставлены издательством «Бослен»

Взлёт и падение «бонапартёнка»

Феномен кратковременного культа Керенского.
Роль случая при изменении общественного строя в России

Борис Колоницкий. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М.: «Новое литературное обозрение», 2017. – 520 с. (Серия Historia Rossica)

Сегодня трудно представить, как популярен был Керенский в 1917 году. Когда 26 мая он выступал в Большом театре в Москве, здравицу в честь него и Чернова провозгласил сам Собинов, сцену завалили цветами, а «в заключение представления были проданы с аукциона в пользу Культурно-просветительского отдела Московского Совета рабочих и солдатских депутатов два портрета Керенского, на которые он успел поставить свои автографы: один ушёл за 5 тысяч рублей, другой – за 16 тысяч». О забытом феномене кратковременного культа и рассказывает книга Бориса Колоницкого.

Автор – доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. В предисловии он вспоминает, как «был поражён тем, насколько восторженный язык описания революционных лидеров в 1917 году предвосхищал восхваления советских вождей в 1930-е годы, и это никак нельзя было объяснить принуждением. Сильное впечатление на меня произвела и «Синяя книга» Зинаиды Гиппиус: этот текст, в основу которого легли и дневник автора, и другие источники, отражал динамику отношения части интеллигенции к Керенскому. Я был поражён тем, что люди, сами активно и креативно участвовавшие в создании культа вождя-спасителя весной 1917 года, уже осенью считали именно выдвинутого ими лидера главным, а иногда и единственным виновником углубления политического кризиса, не осознавая своей собственной ответственности за действия своего избранника».

Керенского сравнивали с Бонапартом, но Троцкий, один из лучших политических мыслителей эпохи, настаивал, что это выбор времени, а не устремления самого министра: «В сентябре он заявил на Демократическом совещании: ...борющиеся партии создают такой режим, когда ответственное лицо становится математической точкой русского бонапартизма. Таким образом, ответственность за этот режим не может падать на злую волю одного лица... В эпоху истории междуцарствия возникает потребность искать третьей стороны, диктатора, Бонапарта. Вот почему, прежде чем Керенский занял то место, которое он занимает, вакансия на Керенского была открыта слабостью русской демократии».

Как отмечает Колоницкий, «Троцкий использовал распространённые отрицательные значения образа Бонапарта (могильщик революции, диктатор), но лишил Керенского его романтического ореола: он не человек с

железной волей, творящий историю, а некая получившая телесную оболочку политическая функция, пародия на Бонапарта. В подобной оценке чувствуется высокомерие марксиста, вооружённого законами познания истории и свысока взирающего на политиков, которые не понимают соотношения сил, выдвигающих их на арену политической борьбы. Но в отношении Троцкого к Керенскому ощущается и оценка масштаба личности «сильного человека» Временного правительства, оценка, к которой примешивается презрение: министр лишён качеств настоящего вождя. В августе Троцкий характеризовал правительство Керенского как «бонапартизм подготовительного класса», а в сентябре написал статью «Бонапартята».

Сторонники министра отвечали, что подобные обвинения в бонапартизме нелепы, что «Керенские умирают за свободу, но не взнуздывают её под своё седло... Они – её знаменосцы, а не палачи». Культ Керенского развивался среди богемы. Им восхищался Андрей Белый, едва не поссорившийся с Бердяевым из-за его критического отношения к политику. Марина Цветаева посвятила ему стихи, начинавшиеся с четверостишия:

*И кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.
Повеяло Бонапартом
В моей стране.*

В связи с ним Колоницкий делает важное замечание, связанное с тезисом о том, как пропагандистский опыт 1917 года использовался позднее советскими идеологами: интересен «образ бодрствующего вождя, постоянно думающего о судьбах отечества. Эта тема развивалась в монархической пропаганде эпохи Первой мировой войны применительно к «державному вождю», Николаю II (фотографы запечатлели царя «склонённым над картой»). Керенского же в качестве «бессонного вождя» прославляли потом и иные писатели: «Ночь. В Зимнем дворце темнота. Только в одном окне заметен свет. Там, склоняясь над картами, над доносениями и телеграммами начальников и комиссаров, сидит за столом Александр Керенский. Лампа бросает свет на лицо его. Бледное, измученное лицо. Глубокие морщины бороздят лоб. А в тёмных глазах – скорбь и слёзы...» (Лукаш И. «Дерзай!» (Сказка) // «Труд и воля». Пг., 1917. 25 августа).

На одной из фотографий, сделанных уже летом, Керенский и изображён «склонённым над картой». Этот образ играл свою роль в создании репутации «военного вождя», а образ «бодрствующего вождя» указывал на особую связь последнего с отечеством,



спокойствие которого он охранял. Данный образ, как известно, получил дальнейшее развитие в советской культуре.

Позиция же большевиков была последовательно критичной. В одном из писем Луначарский рассказывал о выступлении министра: «Является Керенский, молодой и стройный, в хаки и высоких сапогах. Оvation. Говорит короткими, хриплыми фразами, искренне, часто – ловко, большей частью с благородной пустотой. <...> затем перед Керенским вываливали мешки медалей и крестов, присланных с фронта, устроили ему театральную ovацию...» Вывод Луначарского звучит пророчески: «Бедняга! Театрал и истерик, неискренний демократ, он, вероятно, сломит себе шею на половинчатой позиции. Для буржуазии он и его всё ещё огромная популярность – ширма и последняя позиция её обороны».

Окончательное решение, казалось, было вынесено историей: Керенского как проигравшего лишили на родине права голоса, он выглядел вечным лидером списка лузеров. Но чем дальше, тем больше понятна роль случая при изменении общественного строя в России, необязательный с точки зрения истории характер перехода власти от буржуазного правительства к большевикам. Керенскому могли бы достаться и другие тексты, но их автором в итоге выступало общество, а не он сам.

Как «закалялся» Лев Эппле

В историю книжной графики художник вошёл как оформитель книг Владимира Маяковского, Герберта Уэллса, Николая Островского, его иллюстрации к «Левше» и «Доктору Айболиту» стали классикой



Евгений Алексеев, Владимир Черепов. «Лев Эппле». – Москва. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2017. – 304 с.

Лев Эппле (1900 – 1980) верил, что в 2017 году город Свердловск станет раем для пешеходов. К 60-летию Октябрьской революции он нарисовал множество планов, где главное место занимают не автомобильные магистрали, но дорожки для верховой езды. Утопия не осуществилась, да и столетие революции отмечается сегодня не с тем пылом, который предполагал Эппле. Но память о художнике жива не только в Екатеринбурге, где он оказался не по своей воле и где в итоге прожил большую часть жизни. А его проект Пешегграда, включая карты и планы, публикуется в первой биографии художника, вышедшей в Екатеринбурге.

В СССР с творчеством Эппле были знакомы даже те, кто никогда не слышал его имени – в историю книжной графики художник вошёл как оформитель первого посмертного собрания сочинений Владимира Маяковского (оно было известно каждому – от интеллигентов до колебавшихся вместе с курсом партии), иллюстратор Николая Островского («Как закалялась сталь» читала вся страна) и Герберта Уэллса (от поклонников фантастики не было отбоя). В начале войны его, как и 100 тысяч других российских немцев, депортировали – сперва в Казахстан, оттуда на Урал, где он работал на лесоповале в отделении Севураллага в Гаринском районе Свердловской области. После освобождения от принудительных работ жил сперва в Сосьве, куда из Пермской области к нему приехала семья, затем переехал в областной центр, покидать который было запрещено, каждый месяц надо было отмечаться в спецкомендатуре.

Ещё до реабилитации в 1956-м Эппле позволили вернуться к занятиям иллюстрациями – всё-таки в 1930-е его имя было знаменито среди московских издателей, он был одним из лучших учеников выдающегося графика Дмитрия Кардовского, да и из Москвы помогал его устройству соученик по школе Кардовского, лауреат Сталинской премии Дементий Шмаринов. Правда, в первой подготовленной Эппле после перерыва книге, сборнике рассказов Мамина-Сибиряка «Для детей» (1947), не указали художника. А вот в Драматическом театре им. А.Н. Островского в городе Ирбит, где он работал художником-декоратором, с авторскими правами было проще, правда, от тех работ ничего и не осталось.

В молодости Лев Эппле мечтал быть архитектором, но поступить во ВХУТЕМАС ему не дали из-за анкеты. Из Свердловска не оставивший архитектуры и монументальной скульптуры Эппле посылал в Москву проекты памятников – самые известные из них: монумент «Покорителям космоса» (1960), проект Музея космоса в Калуге и проект монумента советско-египетской дружбы на Асуанской плотине (1968). Награды давали, но проекты не реализовывали – обидная судьба для человека его дарования. Зато книгами зачитывались все, иллюстрации к «Левше» или «Доктору Айболиту» (в те времена ещё вежливо указывали источник вдохновения Чуковского – «По Гью Лофтингу») стали классикой, сегодня их сканы можно найти на многих интернет-порталах, а есть ли признание безусловнее?

www.благотворительность.рф

КАК ТАРТУФЕЛЬ СТАЛ «ВТОРЫМ ХЛЕБОМ»

Андрей Болотов научил Россию правильно выращивать и готовить картошку и помидоры

Виктор МИШЕЦКИЙ

Специально для «Совершенно секретно»

В следующем году исполнится 280 лет со дня рождения Андрея Тимофеевича Болотова. Он известен как философ-моралист, но основное его сочинение, «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков», человеку современному может показаться дидактичным и скучноватым. Впрочем, главное в наследии Болотова — не сведения о современниках и подробности царствования двух императриц (Елизаветы Петровны и Екатерины II) и императора Петра III. Потомки воздают ему хвалу совсем по другой причине — именно Болотов внёс решающий вклад в то, что картофель стал в России «вторым хлебом». Впервые Андрей Болотов увидел картофель в Восточной Пруссии. Прежде он уже слышал о «земляных яблоках», попадавших, однако, в России на стол лишь к избранным. Ознакомившись с прусским опытом выращивания этой сельскохозяйственной культуры, Андрей Тимофеевич понял — за картофелем большое будущее...

Со многими растениями, приплывшими из Нового Света, возникла путаница. Это сейчас нам кажется, что были они в Свете Старом всегда. Впросак попадали многие. Например, в поэме Алексея Толстого «Князь Серебряный» есть красивое описание склоняющихся подсолнухов, хотя происходящие в поэме события случились значительно раньше, чем в Европе появилось это столь привычное ныне растение. Или, скажем, в телесериале «Мастер и Маргарита» у Понтия Пилата — ананас на блюде. Финикийцы, что ли, привезли через Атлантику? Шевалье де Еон в другом сериале («Пером и шпагой») лакомится в Москве XVIII века помидорчиками, хотя в те времена томаты выращивали исключительно как декоративное растение, а плоды считались ядовитыми. Близкий же родственник томата, картофель, примерно в это же время для тех, кто по незнанию готовил плоды, а не клубни, оказывался ядовитым на самом деле.

Кстати, картофелем вполне можно отравиться, если употреблять в пищу и клубни. Многие ели «неправильную» картошку без последствий, но это не значит, что везение будет бесконечным. Дело в том, что, когда у картофеля начинается период вегетации и из «глазков» появляются белые или светло-розовые ростки, то кожура и поверхность клубня окрашиваются в зелёный цвет. Это сигнал о наличии природного яда, соланина. Готовый к размножению картофель использует соланин как инсектицид, защищаясь таким образом от вредителей. При употреблении в пищу картофеля, в котором содержание соланина более 200 мг на 100 г продукта, может появ-

иться затруднённое дыхание, ослабление пульса, тошнота, рвота, возможен понос, общая слабость, сонливость, кожа иссушивается, появляется зуд. «Зелёным» картофелем, или, как его тогда называли, тартуфелем, отравилось немало солдат и офицеров русского корпуса в Восточной Пруссии...

ТРЕТИЙ ИЗ ПЕРВЫХ

Андрей Болотов не мог, в силу общего состояния науки в то время, определить, что картофельный яд именно соланин, однако описал вид ядовитых картофельных клубней и дал рекомендации по тому, как избежать отравления. Надо, учил он, во-первых, срезать глазки и позеленевшие участки, выдержать картофель в холодной воде, воду слить, во-вторых, просто отказаться от «зелёного» картофеля. Советовал до появления картофеля нового урожая готовить традиционную для России репу...

...Когда Петербургская академия наук опубликовала в 1758 году первую в России научную статью о возделывании картофеля — «О разведении земляных яблок», двадцатилетний Андрей Болотов, сын мелкопоместного помещика Алексинского уезда Тульской губернии, участвовал в чине подпоручика в Семилетней войне и позже нёс службу в занятых русскими войсками Кёнигсберге. Получив чин поручика, Болотов был прикомандирован в качестве переводчика к наместнику Восточной Пруссии Николаю Корфу. Позже Болотов занимал эту же должность и при преемнике Корфа, генерал-губернаторе Василии Суворов-

ве, совмещая службу с посещением лекций профессоров Кёнигсбергского университета. После кончины императрицы Елизаветы Петровны Болотов стал адъютантом Корфа, назначенного санкт-петербургским генерал-полициймейстером. Незадолго до воцарения Екатерины II Болотов вышел в отставку в чине капитана, поселился в родовом имении Дворяниново и занялся хозяйством, причём стремясь поставить его на научную основу.

Неизвестно, был ли знаком Болотов с первой академической статьёй о картофеле, но вторую такую статью 1767 года новгородского губернатора Якова Сиверса о разведении земляных яблок знал досконально. Сиверс полагал, что внедрять картофель следует без нажима, не так, как делал это Фридрих Великий, который в 1745 году, чтобы заставить крестьян сажать картофель, прибег к военной силе.

Собственная статья Андрея Болотова о картофеле была напечатана в трудах учреждённого Екатериной II Вольного экономического общества за 1770 год. Строго говоря, будучи третьим, кто писал о картофеле в России, Андрей Болотов оказался первым, кто не только обосновал выгоду выращивания этой культуры, но и предсказал тартуфелю (картофелю) «будущее великое и славное». Ведь несмотря на то, что его работа была опубликована после статьи Сиверса, ещё в Восточной Пруссии Болотов составил «Примечания о тартуфеле, или земляных яблоках», где говорилось следующее: «Картофеля заведено здесь оба рода, а именно: один белый круглый с немногими ямочками, а другой красный

продолговатый и со многими ямочками. Первый зовут здесь по большей части яблоками земляными, на что они и похожи, а второй некоторые начали земляными грушами именовать, что для продолговатой их фигуры и сходственно».

ТАРТУФЕЛЬ И ПОМИДОРЧИКИ

В России Болотов оказался также и первым, кто рискнул попробовать помидоры. Их прежде выращивали как декоративное растение, а до того времени, когда соусы на основе томатов стали неотъемлемой частью средиземноморской кухни, было ещё далеко. О помидорах Андрей Тимофеевич писал: «Яство же то имеет вид крупных, гладких и очень красивых яблочек, цветом красных, будто сургучных или паче сердоликовых, а иногда и желтоватого колера, можно без страха употреблять в пищу, к особливому же вкусу и запаху которых снедающий легко привыкает».

С картофелем всё оказалось как-никак сложнее, да и история «проникновения» картофеля на поля отечества довольно запутанная. По наиболее распространённой версии, царь Пётр, используя только-только открытое окно в Европу, прислал из Голландии, персонально — фельдмаршалу Шереметеву, мешок картошки и приказ немедленно приступить к посадкам. Несомненно, что посадки были, но только не картофеля: мешок, как часто бывает, куда-то запропастился, картошка, скорее всего, сгнила, Пётр Алексеевич был сильно во гневе. Но, помимо присланного Шереметеву, был и другой мешок. Он попал

WWW.HISTORIC-JOURNAL.RU

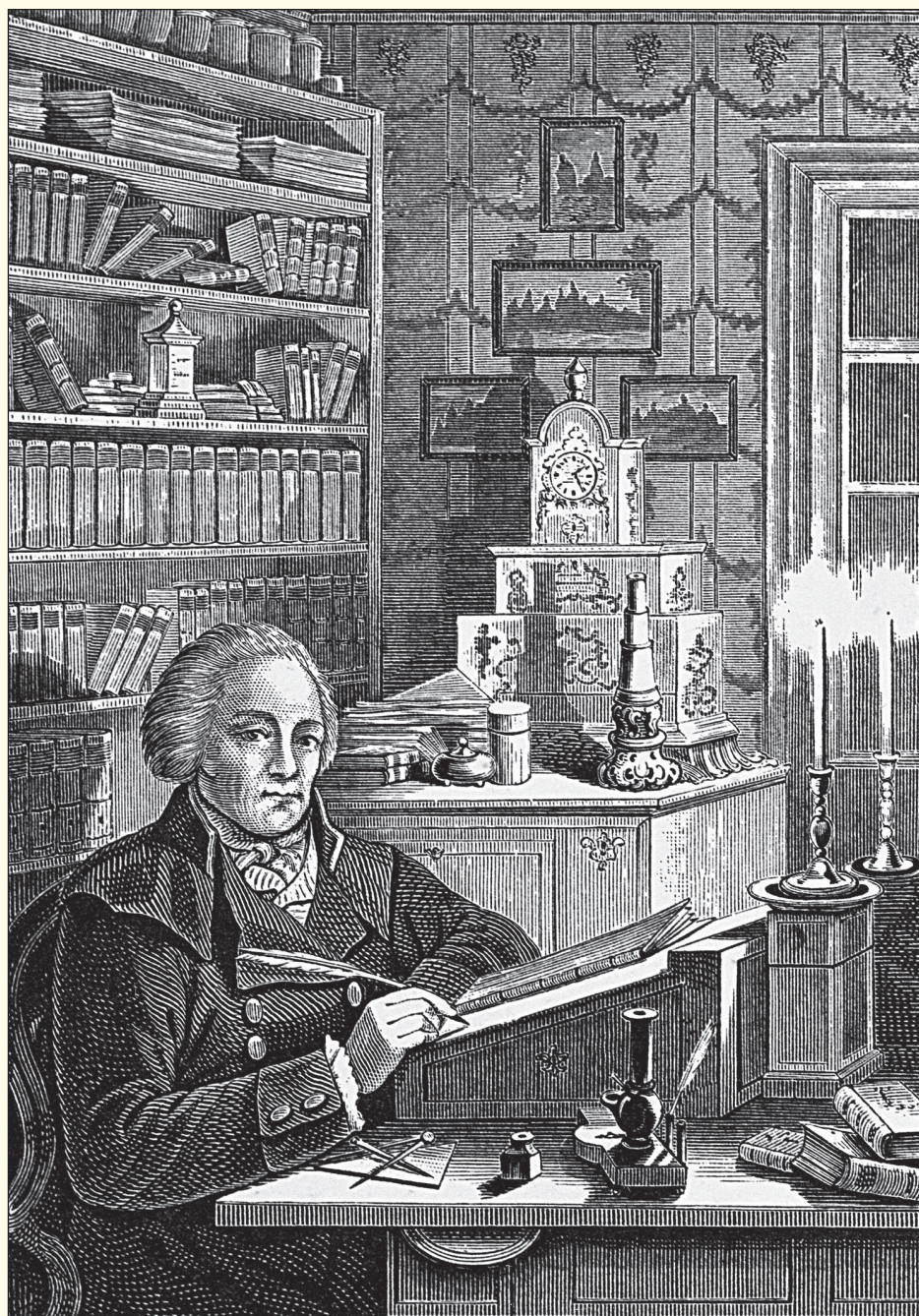


к прадеду Пушкина Абраму Ганнибалу, проводшему опыты по селекции и – что не менее важно! – хранению картофеля. Более того – популярный сорт картофеля с фиолетовой кожурой, именуемый в просторечии «синеглазкой», прекрасно подходящий для варки и запекания, но в силу разваристости не лучший для жарки, правильно, по науке, следует называть «Ганнибал». Не иначе это был тот самый «красный продолговатый» сорт, о котором писал позже Болотов.

Правнук же арапа Петра Великого очень уважал приготовленную особым способом картошку, хотя способ приготовления её, по сути, незатейлив. Для того чтобы приготовить картофель по рецепту «нашего всего», надо отварить в подсоленной воде несколько клубней в мундире, остудить, снять кожуру, распустить в сковороде сливочное масло (чем больше, тем лучше), нарезать картофель, обжарить до золотистой корочки и подавать с мелко нашинкованными зелёным луком и укропом.

Прошло почти сорок лет, когда в Петербурге, на Аптекарском острове, стали выращивать картофель. Урожаи были невелики, продукт дорог, и позволить себе полакомиться картошкой мог разве что всеильный временщик Бирон. В качестве изысканного кушанья «земляные яблоки» подавались гвардейским офицерам – например, в августе 1741 года на праздничный обед офицеров Семёновского полка особым распоряжением регентши Анны Леопольдовны было выделено «тартуфеля по четверти фунта». Это позже Екатерина II провела через Сенат указ, по которому населению предписывалось повсеместно сажать картошку, завезённую из Франции и разосланную по стране вместе с руководством по её разведению, озаглавленным «Наставление о разведении земляных яблок, потетес именуемых». Впрочем, предписание предписанием, но выращивать картофель и не хотели, и не умели.

В царствование Екатерины, её сына и внука недовольство крестьян картофелем было подспудным, в открытые бунты не перерастало. Только Николай I, по его собственному признанию существовавший «для упорядочения общественной свободы и предотвращения злоупотребления оной», столкнулся с прямым неповиновением августейшей воле. И чтобы прекратить уничтожение крестьянами посевов и избиение присланных



Репродукция гравюры конца XIX века «Автопортрет Андрея Тимофеевича Болотова в своём рабочем кабинете»

сажать картофель уполномоченных, был вынужден посылать карательные отряды и даже отдавать приказ стрелять по бунтовщикам картечью. Картечь оказалась более весомым аргументом, чем труды Андрея Болотова.

Правда, существует и другая версия, исключая роль Петра Великого. Якобы картофель попал в Россию от англичан, ведь в начале XVII века единственным портом, через который шла торговля России с Европой, был Архангельск, а в Архангельске главенствовали английские купцы. Англичане были прекрасно осведомлены, что такое картофель. Более того, картофель изначально был растением «длинного дня», ведь его родиной считается Перу. Неудивительно, что он прекрасно прижился в Испании и Италии. Англичанам пришлось постараться, но усилия не пропали даром – на Туманном Альбионе появился картофель «короткого дня», вполне подходящий для прохладного лета. Вот он-то мог попасть к новгородским крестьянам. Не без участия губернатора Сиверса.

К слову, из европейцев первыми на картошку перешли

ирландцы. В XVII веке английские колонизаторы начали отъём пахотных земель под пастбища, посему зависимость от картофеля как бедных, так и богатых ирландцев стала повсеместной. Стремясь найти лучшую жизнь за пределами Изумрудного острова, ирландцы брали с собой мешок картошки. Поэтому на новых территориях, предшествовавших нынешним США, картофель появился не из Южной Америки, где его родина, а из Европы, из Ирландии.

СУХИЕ БУЛЬОНЫ БОЛОТОВА

Ещё в Пруссии Болотов отметил, что картофель хорошо растёт на песчаных почвах. Отмечая, что «песок делает ему великое вспомоществование», у себя, в Дворянинове, Болотов сажал картофель в специально подготовленную почву: «Велел я привезть с речки крупного и серого песку и по одному возу на небольшую гряду положить и перемешать с землёю, дабы она через то сделалась рыхлее, и от того родилось на сих грядках картофеля гораздо более, нежели на прочих грядках, на коих песку не было, где они гораздо и мельче были...»

Важнейшим открытием Болотова было то, что он определил, как можно сажать картофель – и целыми клубнями, и резаными: разрезая клубни картофеля, можно значительно увеличить количество посадочного материала, «так как из каждой доли даже с одним глазом вырастает куст». Пристальное внимание Болотов уделял борьбе с сорняками и вредителями картофеля. Он рекомендовал проводить боронование, даже после появления всходов, окучивание, причём подчёркивал, что «хороший хозяин окучает дважды». Рекомендации Болотова по сбору урожая сохраняют свою акту-

альность и по сей день. Он настаивал, что надо дать максимально развиться урожаю, что убирать картофель надо сразу же после того, как от заморозков погибнет ботва. Извлечённые клубни необходимо просушить и рассортировать – мелкие на корм скоту, средние – «на стол». При этом есть все основания полагать Болотова первооткрывателем картофельных чипсов: подсушивая хорошо прожаренные тонкие, круто посоленные ломтики, Болотов почти на пятьдесят лет опередил шеф-повара Джорджа Крама, который, как считается официально, первым приготовил чипсы в 1853 году в Саратога-Спрингс, штат Нью-Йорк.

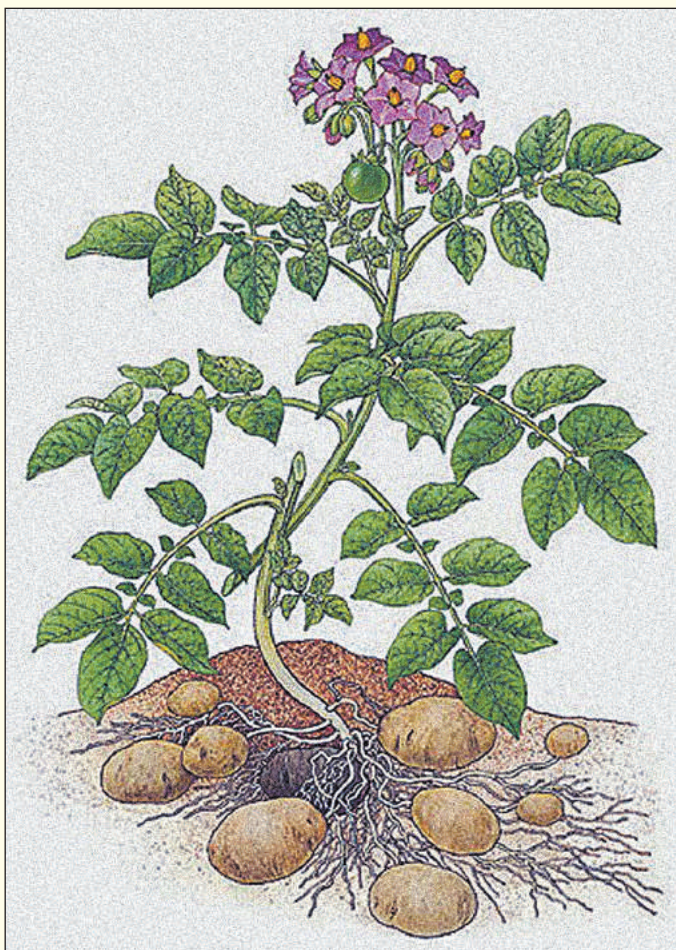
К слову, Болотов на сто лет опередил и знаменитого швейцарского предпринимателя Юлиуса Магги, первого производителя бульонных кубиков. Дело в том, что часто выезжавший из Дворянинова Болотов брал с собой в качестве дорожного провианта приготовленные под его руководством сухие бульоны: выпаренные до состояния холодца супы делились на небольшие порции и высушивались в тряпице. Оставалось лишь залить «кубик Болотова» кипятком.

Конечно же, Андрей Болотов прославился не только своими успехами в картофелеводстве. Болотов составил первое отечественное описание сорных, лекарственных и культурных растений – особенно в работе «Руководство к познанию лекарственных трав» 1781 года. А в статье 1771 года «О разделении полей» Андрей Тимофеевич впервые предложил вводить севооборот, но особую любовь питал к садоводству. Строго говоря, Болотов стал первым русским учёным-помологом, описал более шестисот сортов яблонь, и считается, что именно Андрей Болотов, как минимум – в общих чертах, описал явление и процесс гибридизации. В соответствии с классами классификации Карла Линнея он опубликовал и первый в России труд по систематике растений – «Ботанические примечания о классах трав».

Но сколько бы трудов и дней ни посвятил Андрей Тимофеевич Болотов сельскому хозяйству, он вошёл в русскую историю как учёный-энциклопедист. Возможно, не такой универсальный, как Ломоносов, но направления его исканий были самыми разносторонними. Например, Болотов, вдохновлённый опытами Месмера, написал труд «Об электрицизме и о лечении оным разных болезней». Он проявил себя и как умелый администратор, когда, по рекомендации Вольного экономического общества и по представлению князя Сергея Гагарина, управлял собственными волостями императрицы Екатерины II, Богородицкой и Бобриковской. За труды по управлению волостями Болотов был удостоен Высочайшего благоволения и получил чин коллежского асессора.

В Богородицкой волости Болотов провёл более двадцати лет. В имении графов Бобринских, самого Алексея Бобринского, внебрачного сына Екатерины II и Григория Орлова, и его потомков, Болотов создал первый в России пейзажный парк, совместно с архитектором Иваном Старовым создал генеральный план перепланировки города, в котором улицы лучами расходятся от расположенного на возвышенности графского дворца.

Отец девяти детей, Андрей Болотов пережил всех, кроме одного из сыновей. Скончался, не дожив трёх дней до 95 лет, в 1833 году. До самой кончины, почти полностью утратив зрение и слух, Болотов каждый день выходил в свой сад и, несмотря на утраты, говорил близким, что чувствует себя счастливым.



WIKIPEDIA.ORG

МЕДАЛЬ ЗА ГОРОД СЕВАСТОПОЛЬ

Город-герой и его преданная армия.
Как эвакуировали 498 «ответственных работников»

1 июля (21 июня по ст. ст.) 1661 – между Россией и Швецией заключён Кардисский мирный договор, согласно которому Россия возвратила Швеции ранее завоёванные эстляндские и лифляндские города.

2 июля (20 июня по ст. ст.) 1860 – основан город и военный порт Владивосток: в этот день с военного транспорта «Маньчжур» на берег высажены два унтер-офицера и 37 рядовых 4-го линейного батальона под началом прапорщика Комарова.

3 июля (22 июня по ст. ст.) 1790 – в Выборгском заливе русская эскадра адмирала Василия Чичагова одержала победу над шведским флотом гранд-адмирала принца Карла, герцога Сёдерманландского.

4 июля (24 июня по ст. ст.) 1610 – 48-тысячное русско-шведское войско Дмитрия Шуйского было наголову разгромлено 12-тысячным отрядом польских гусар гетмана Станислава Жолкевского.

5 июля (24 июня по ст. ст.) 1770 – началось сражение между русским и турецким флотами в Хиосском проливе, продолжившееся затем в Чесменской бухте.

6 июля 1927 – на вооружение РККА принят танк Т-18, считающийся первым танком советской разработки. В серию он пошёл под обозначением МС-1 (малый танк сопровождения).

7 июля (25 июня по ст. ст.) 1807 – в прусском городе Тильзит императоры Александр I и Наполеон Бонапарт подписали мирный договор, согласно которому Россия признавала все завоевания Франции и присоединялась к континентальной блокаде против Англии.

8 июля (27 июня по ст. ст.) 1740 – по обвинению в заговоре против Анны Иоанновны на площади Сытного рынка Петербурга казнён Артемий Волинский, видный государственный деятель, кабинет-министр императрицы. Перед казнью ему был отрезан язык.

9 июля 1487 – во время осады Казани войсками Ивана III защитники города открыли ворота и выдали московским воеводам хана Ильхама.

10 июля (28 июня по ст. ст.) 1812 – в сражении у местечка Мир, начавшемся ещё 9 июля (27 июня по ст. ст.), казачьи полки атамана Матвея Платова разбили авангард французской армии.

11 июля (30 июня по ст. ст.) 1734 – в ходе «войны за польское наследство» русская армия под командованием генерал-фельдмаршала Буркхарта Христофора фон Миниха взяла Данциг (Гданьск), который обороняли французские войска и солдаты Станислава Лещинского.

12 июля (30 июня по ст. ст.) 1855 – от смертельной пулевой раны в голову, полученной 10 июля (28 июня по ст. ст.), скончался один из организаторов обороны Севастополя адмирал Павел Нахимов.

13 (1 по ст. ст.) июля 1839 – вышел манифест Николая I «Об устройстве денежной системы», объявивший основой денежного обращения Российской империи серебряный рубль, приравненный к 3 рублям 50 копейкам ассигнациями.

14 июля 1942 – в Красной Армии введены отличительные нашивки для получивших ранения на фронтах войны: тёмно-красного цвета – при лёгком ранении и золотистого – при тяжёлом.

1 июля 1942 года в служебном дневнике начальника штаба Верховного командования германских сухопутных сил генерал-полковника Франца Гальдера появилась запись: «Пал Севастополь». Но последний очаг организованного сопротивления немцы сломали к 4 июля, а на 35-й батарее отдельные бойцы отстреливались до 12 июля... 4 июля 1942 года «Совинформбюро» бодро поведало: севастопольский гарнизон успешно выполнил свою задачу и во время последнего штурма полностью разгромил шесть немецких пехотных дивизий (из семи, бывших там?!), четыре отдельных полка, отдельную мехбригаду (то есть единственную моторизованную бригаду, имевшуюся тогда у Манштейна) и три румынские дивизии (из пяти, штурмовавших город!). В «полностью разгромленные» «Совинформбюро» также записал 22-ю танковую дивизию вермахта, которая вообще никогда у Севастополя не воевала, а с мая 1942 года вела бои севернее Харькова и затем на Дону. Получается, уничтожены почти все войска противника, штурмовавшие Севастополь? Но, вещало «Совинформбюро», «по приказу Верховного командования Красной Армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь. ...Бойцы, командиры и раненые из Севастополя эвакуированы».

Всё это ложь! В реальности – не оставили и не эвакуированы, а брошены там своим командованием, позорно бежавшим ещё 30 июня 1942 года. Из осаждённого Севастополя вывели лишь высший и старший командный состав, в первую очередь – командующего Черноморским флотом и Севастопольским оборонительным районом (СОР) вице-адмирала Филиппа Октябрьского и командующего Приморской армией генерала Ивана Петрова.

Из воспоминаний наркома ВМФ Николая Кузнецова ясно следует, что своей личной эвакуации из гибнущей крепости вице-адмирал Октябрьский добивался от Высшего командования в высшей степени упорно, энергично и настойчиво. И добился... Есть описание, как 30 июня 1942 года после заседания Военного совета оборонительного района вице-адмирал Октябрьский, укрывшись гражданским плащом, чтобы его не узнали рядовые бойцы, спустился в бункер командного пункта, на глубину 30 метров, а затем по подземному полукилометровому тоннелю добрался до командно-дальномерного поста 35-й береговой батареи. Там адмирал со своей свитой сели в машины, их доставили на аэродром Херсонес, откуда они благополучно и убыли в Краснодар. Участник тех боёв лейтенант В.И. Воронов описал, как Октябрьский подъехал к самолёту глубокой ночью, переодетый в какие-то гражданские обноски, «в потёртом пиджаке и неказистой кепке. На тех, кто видел командующего флотом в таком необычном виде, переодевание произвело неприятное впечатление». Да что там «неприятное» – деморализующее! Генерала Петрова вывели на подводной лодке «Щ-209»: он удрал с КП вопреки приказу командующего Северо-Кавказским фронтом маршала Семёна Будённого (ему СОР был подчинён в оперативном



Севастополь, июль 1942

отношении) остаться и возглавить оборону. Не забыл при этом вывезти и сына-адъютанта.

Сохранились воспоминания очевидцев: пока сына генерала переправляли на подлодку, подводники сбрасывали в воду, били по головам и рукам баграми и сапогами тех, кто подплывал к субмарине в тщетной надежде на спасение. Всего тогда было вывезено 498 «ответственных работников», включая чекистов и партийных бонз.

Планировали вывезти вообще весь старший комсостав – и только его, потому свыше 2 тысяч старших командиров и политработников без объяснения причин были в одночасье отозваны с фронта приказом командования СОР – даже до того, как Октябрьский вымолил эвакуацию для себя. Защищавшие Севастополь войска оказались без управления и связи, и оборона рухнула в момент. Командир 109-й стрелковой дивизии генерал-майор Пётр Новиков уже в плену сказал: «Можно было бы ещё держаться, отходить постепенно, а в это время организовать эвакуацию. Что значит отозвать командиров частей? Это развалить её, посеять панику, что и произошло». В панике толпы людей устремились к ещё действовавшему аэродрому и бухтам, в надежде, что авиация и корабли флота их эвакуируют. Полтора десятка самолётов действительно кого-то вывезли – начальников, да и то лишь флотских: автматчики охраны выкидывали из самолётов тех, на ком была не морская форма. Из скопившейся возле взлётного поля толпы красноармейцев по взлетающим самолётам открыли огонь из автоматов и винтовок. Тут же и прекратившийся: у людей уже не было патронов. Собранным на берегу старшим командирам – тем самым, которых отозвали с передовой для эвакуации, – сесть на высланные для них плавсредства не дали: около 3 тысяч младших командиров и рядовых бойцов силой захватили всё, что держалось на воде, вплоть до плотов и автомобильных камер. 700 из них повезло живыми добраться до берегов Кавказа или Турции. Все очевидцы и свидетели тех событий рисуют картину последнего дня обороны Севастополя однозначно: ужасающий хаос и позор.

Отцы-командиры бросили умирать почти 100 тысяч красноармейцев и краснофлотцев, в том числе 23 тысячи раненых. Хотя, выступая в 1960-е годы на конференциях по обороне Севастополя, сам адмирал Октябрьский называл иную цифру брошенных им раненых: 36 тысяч человек. Он же и оправдывался: «В этих условиях встал вопрос, как быть. Если эвакуировать армию, то были бы потеряны армия и флот, оказавшийся сильно

преуменьшившимся из-за потерь в боях. В конечном счёте была потеряна армия, но сохранён флот». Флот – линкор, четыре крейсера, лидер эсминцев, девять эсминцев, вспомогательный крейсер, полтора десятка тральщиков, четыре канонерские лодки, 37 подводных лодок, два сторожевых корабля, свыше 100 боевых катеров – торпедных, сторожевых, речных мониторов (по состоянию на 4 июля 1942 года). А помимо них ещё сотни реквизированных под военные нужды гражданских плавсредств: транспорты, пароходы, катера, баркасы, сейнеры... Армада! Которую и обязаны были задействовать на спасение армии, да хотя бы и попытаться: спасение даже части армии оправдывало бы гибель любого количества кораблей и катеров. Да и зачем вообще нужен бездействующий флот, у которого нет базы, на глазах которого гибнет армия? И был ли основательный толк от флота, такой ценной сохранённого? Практика дальнейшего применения его на Черноморском театре военных действий этого как-то не подтвердила: по сути, флот своего главного предназначения так и не выполнил. И уж при любом раскладе военачальники обязаны до конца быть со своими бойцами, разделив их участь.

Но они их предали и кинули, презрев уставы и военные традиции. А ведь во время обороны Севастополя 1854 – 1855 годов (или осады Порт-Артура в 1904 году) ни один из генералов и адмиралов не бросил своих солдат и матросов, не покинул свои войска. Вот и генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс тоже не оставил в Сталинграде свои войска, обречённые на гибель... Львиная доля вины за Севастополь лежит, безусловно, на Сталине: по его приказу ведь держались до последнего, именно он подобрал и назначил руководить обороной людей, не справившихся с этим. Которые, кстати, отделались лёгким испугом. Но подлость тех, чьё место на страницах позора, не может умалить героизма собственно рядовых защитников города, большей частью так и оставшихся безымянными и числящимися «пропавшими без вести». В декабре 1942 года учредили медаль «За оборону Севастополя», но первыми её получили Октябрьский и Петров. Всего эту медаль вручили около 52 тысячам человек: эвакуированному комсоставу, морякам уцелевших кораблей, да ещё тем раненым, кому повезло быть вывезенными из Севастополя до середины июня 1942 года. Десятки и десятки тысяч настоящих героев, действительно стоявших до последнего, но попавших в плен, за оборону «города русской славы» не награждали...

ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ КЕРЕНСКОГО

После германского контрудара потери русской армии превысили 150 тысяч человек и были утеряны все завоевания 1916 года

1 июля (18 июня по ст. ст.) 1917 года на Юго-Западном фронте началось последнее наступление русской армии в Первой мировой войне. В историю оно вошло как «наступление Керенского», но решение об этой операции приняли ещё на межсоюзнической конференции в Шантильи в ноябре 1916 года. Там спланировали кампанию 1917 года как решающую: в генеральное наступление должны были перейти западные союзники, а за ними – русская армия. На совещании в Ставке в декабре 1916 года под председательством Николая II постановили во исполнение общего плана Антанты произвести решительное наступление по всему фронту, но главный удар нанести на Юго-Западном фронте.

6 февраля (24 января по ст. ст.) 1917 года Николай II утвердил окончательный план операции, но к марту 1917 года исполнение решений Шантильи лишилось смысла: они принимались в одних условиях и обстоятельствах, а после произошло много чего интересного. Например, переворот в России с последующим хаосом, разлагавшим русскую армию. Солдаты выходили из подчинения, изрядно выбитый за годы войны офицерский корпус оказался расколот и деморализован. В ходе массовой генеральской чистки из армии в течение нескольких недель вышвырнули, по словам генерала Антона Деникина, «до полтораста старших начальников, в том числе 70 начальников пехотных и кавалерийских дивизий». Временное правительство в предшествующие наступлению месяцы сменило четырёх Верховных главнокомандующих, несколько раз меняло командующих фронтами и армиями, командиров корпусов – при такой чехарде о какой управляемости войсками можно было говорить?

Но англо-французские союзники требовали исполнить обязательства. 25 (12 по ст. ст.) марта 1917 года генерал Михаил Алексеев, уведомил военного министра Гучкова, что на конференциях в Шантильи и Петрограде мы приняли «известные обязательства и теперь дело сводится к тому, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками или отсрочить принятые обязательства, или совсем уклониться от исполнения их. Обязательства эти сводятся к следующему положению: русские армии обязуются не позже как через три недели после начала наступления союзников решительно атаковать противника. Уже пришлось сообщить, что вследствие организационных работ, расстройств транспорта и запасов мы можем начать активные действия не раньше первых чисел мая». Но «и этого изменённого обязательства мы исполнить не можем. Без укомплектования начинать какую-либо операцию обширного размера немыслимо. Придётся высказать союзникам, что ранее июля они не могут на нас рассчитывать, объяснив это теми или другими благовидными предложениями». «...Сила обстоятельств, – продолжал Алексеев, – приводит нас к выводу, что в ближайшие 4 месяца наши армии должны были бы сидеть покойно, не предпринимая решительной, широко-го масштаба операции».

Союзники, не пожелав принять в расчёт изменившиеся обстоятельства, в апре-



А.Ф. Керенский выступает с речью

ле сами перешли в генеральное наступление. Наступление, вошедшее в историю как «Мясорубка Нивеля» (по имени французского главнокомандующего генерала Робера Нивеля), захлебнулось в крови, невзирая на огромный перевес союзников в живой силе, артиллерии и другой технике. Потеряв более 350 тысяч человек убитыми и ранеными, союзники потерпели поражение.

Русское наступление через два месяца после этого поражения лишилось смысла: какая польза от изолированного удара, если немцы его могли легко парировать переброской войск с других фронтов? Но союзники упёрлись, и Временное правительство услужливо заменило Алексева на более послушного и «революционно-го» Брусилова. «Мерзавцы! Рассчитали, как прислугу», – сорвалось тогда с губ Алексева. В советской версии своих воспоминаний генерал Алексей Брусилов уверял: «Я понимал, что, в сущности, война кончена для нас, ибо не было, безусловно, никаких средств заставить войска воевать. Это была химера, которую могли убаюкиваться люди вроде Керенского [...] и тому подобные профаны, но не я». Но это «понимание» отчего-то не мешало Брусилову с энтузиазмом ратовать за наступление.

Планирование «наступления Керенского» нередко именуют «блестящим». Но план операции, разработанный ещё до февральского переворота, к июлю 1917-го явно устарел. О месте, времени наступления и задействованных там силах противник знал практически всё. Не только благодаря разведке: достаточно было читать репортажи о поездках Керенского. Как едко заметил генерал от инфантерии Андрей Зайончковский, «фронт намеченных ударов обратился в фронт сплошных митингов в присутствии военного министра Керенского, места которых усердно и точно отмечались на разведывательных картах германского генерального штаба».

Да и материально-техническое обеспечение операции оказалось не столь блестяще, как это пытались доказать. На Западном фронте уже шла война моторов, а на русском фронте ни одного танка в глаза не видели. С автомобилями тоже было не очень: если французская армия имела в 1917 году 90 тысяч автомашин, английская – 76 тысяч, а германская – 56 тысяч, то русская – лишь 9930. Ещё на конец 1916 года в русской армии было 716 самолётов и всего... 502 лётчика. Для сравнения: германская промышленность

в годы Первой мировой войны выпустила почти 48 тысяч самолётов.

Русское командование перед наступлением обратилось к союзникам с просьбой прислать 5200 самолётов – не прислали. А если бы и прислали, откуда было взять столько пилотов? Да и с артиллерией, если разобраться, в 1917 году тоже было вовсе не ажурно. Согласно данным генерала Евгения Барсукова (начальник Управления полевого генерал-инспектора артиллерии при Ставке), «плотность насыщения артиллерией русского фронта была наименьшей» и даже в период наивысшей насыщенности на 1 километр русского фронта приходилось в среднем по два орудия, «тогда как на французском фронте в среднем было по 12 орудий, а на итальянском – по 5,2 орудия». Постановки союзников этот вопрос не решили: они поставили лишь 25% артиллерии. Относительно же качества тех «презентов» красноречиво говорила шифровка, направленная Керенским министру иностранных дел Михаилу Терещенко уже на третий день наступления: «Укажите, соответственно, послам, что тяжёлая артиллерия, присланная их правительствами, видимо, в значительной степени из брака, так как 35% не выдержали двухдневной умеренной стрельбы».

...Успех, да и то лишь тактический, выпал на долю только 8-й армии, которой командовал генерал Лавр Корнилов. Боевой порыв быстро иссяк, войска замитинговали, затем немцы нанесли контрудар, и всё обратилось в катастрофу: потери русских армий превысили 150 тысяч человек, утеряны все завоевания 1916 года. Большевицкая историография назвала это наступление авантюрой, но как раз этому большевики и должны были рукоплескать: только благодаря ей они и захватили власть.

«Наступление Керенского» инициировало тяжелейший политический кризис, обрушивший систему государственного и военного управления. Сами большевики тоже приложили к этому руку, буквально нанеся удар в спину сражающейся армии: в первый же день наступления в Петрограде организовали демонстрацию на Марсовом поле, вооружённые участники которой вышли с лозунгами «Долой десять министров-капиталистов!» и «Вся власть – Советам!», затем взяли тюрьму «Кресты», освободив нескольких задержанных активистов и, попутно, 400 уголовников. Другой удар в спину большевики нанесли 17/19 (4/6 по ст. ст.) июля 1917 года, предприняв в Петрограде уже вооружённую попытку перехвата власти – аккуратно в момент начала австро-германского контрнаступления! Интересная «случайность», правда? Хотя тогда путч подавили, его следствием стало обострение паралича системы управления, так что Ленин и К°, безусловно, внесли свой вклад в провал «наступления Керенского», и немалый.

Ещё на эту тему: см. на стр. 36 «Взлёт и падение «бонапартёнка». Феномен кратковременного культа Керенского.

Материалы подготовил
Владимир Воронов, обозреватель
«Совершенно секретно»

15 (3 по ст. ст.) июля 1826 – Высочайшим указом император Николай I преобразовал Особую канцелярию Министерства внутренних дел в Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

16 июля 1922 – Ленин пишет письмо Сталину о необходимости высылки из страны представителей интеллигенции, находящихся в оппозиции к советской власти.

17 (5 по ст. ст.) июля 1827 – в ходе Джаван-Булакского сражения русские войска разбили персидскую армию принца Аббас-Мирзы.

18 (6 по ст. ст.) июля 1812 – Александр I издал манифест о созыве народного ополчения.

19 июля 1485 – выходец из Виченцы архитектор Антон Фрязин (Антонио Джиларди) заложил стрельницу, с которой началась постройка каменных башен и стен Московского Кремля.

20 июля 1926 – после пылкой речи на пленуме ЦК ВКП(б), обличавшей бюрократизм, внезапно скончался Феликс Дзержинский, председатель ОГПУ СССР и председатель ВСНХ.

21 июля 2010 – в Кабардино-Балкарии группа боевиков совершила нападение на Баксанскую ГЭС.

22 (11 по ст. ст.) июля 1787 – императрица Екатерина II вернулась в Санкт-Петербург после восьмимесячного путешествия по югу России.

23 (11 по ст. ст.) июля 1831 – в Старой Руссе начался холерный бунт. Вzbунтовавшиеся солдаты военного-рабочего батальона и примкнувшие к ним горожане, разбив аптеки и кабаки, стали убивать офицеров, фельдшеров, врачей.

24 июля 1471 – по приказу Ивана III обезглавлен глава новгородского ополчения Дмитрий Борецкий, старший сын знаменитой Марфы-посадницы.

25 (12 по ст. ст.) июля 1917 – Временное правительство вернуло смертную казнь за воинские преступления на фронте.

26 (13 по ст. ст.) июля 1915 – Владимир Ленин публикует свою статью «О поражении своего правительства в империалистической войне», где призвал к поражению России и превращению войны в гражданскую.

27 июля 1941 – мумия Ленина тайно вывезена из Мавзолея и отправлена в Тюмень.

28 (16 по ст. ст.) июля 1826 – персидская армия без объявления войны вторглась в Закавказье, началась Русско-персидская война.

29 (19 по ст. ст.) июля 1696 – русским войскам сдалась осаждённая турецкая крепость Азов.

30 июля 1941 – в Лондоне подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений Польши и СССР, советско-германские договоры 1939 года о разделе Польши объявлены утратившими силу.

31 (18 по ст. ст.) июля 1917 – финский сейм принял закон о восстановлении автономных прав Финляндии. В ответ Временное правительство выпустило сейм и ввело солдат в его здание.

КАК ЭТО БЫЛО В ИЮЛЕ 1917-ГО

ИЗ ДНЕВНИКА КОРПУСНОГО ВРАЧА
ВАСИЛИЯ КРАВКОВА (VII СИБИРСКИЙ
АРМЕЙСКИЙ КОРПУС, ЮГО-ЗАПАДНЫЙ
ФРОНТ):

1 июля [18 июня по ст. ст.]. Всю ночь грохотала артиллерийская канонада. Ожидается сегодня штурм. Как-то покажут себя наши разглагольствующие и митингующие «товарищи, к[ото]рых приходится кидать в бой не железной дисциплиной, а увещеваниями да улещиванием? Кто поручится за то, что в решительный момент «товарищи» воины [не] пожелают сначала составить общее совещание, прежде чем идти на приступ, в предположении, что немцы пообещают своим контрударом?!

3 июля [20 июня по ст. ст.]. [...] Вчера был у нас в Божикувке Керенский; жалко, что не угадал его туда приезда, ч[то] б[ы] улицезреть его; лишился и возможности, так[им] обр[азом], сняться с ним в общей фотографической штабной группе. А может быть, это и к лучшему? Когда будут вешать Керенского – повесят, пожалуй, и всех, в столь интимной купе с ним бывших?

8 июля [25 июня по ст. ст.]. [...] В 11-й армии доблестней всех наших «самоопределившихся» действовала чехословацкая стрелковая бригада, сформированная из наших пленных. А что если бы немцы сформировали такие же части из находящихся в плену наших воинов – как бы мы закричали: «Варварство!»

10 июля [27 июня по ст. ст.]. Вчера получили известие о взятии 8-й армией Галича и отступлении трех австрийских корпусов. [...] Но в нужный момент, когда дорога каждая минута, чтоб не упустить случая для развития успеха и поддержки других, в 108-й дивизии собирается митинг и постановляет ни больше ни меньше, как следующее: 1) отправить всю дивизию в 43-й корпус на Кавказ и 2) дать всем «товарищам» два месяца отдыха для приведения себя в порядок!!! [...] «Начдив» 13-й Сибирской дивизии послал телеграмму командующему армией Селивачеву, прося его назначить специально аэроплан для охраны собирающихся митингов!!! Все картинки, достойные пера Щедрина или Джером[а] Джерома. [...]

11 июля [28 июня по ст. ст.]. [...] «Товарищи» 108-й дивизии окончательно отказались идти на позиции, упорствуя в требовании отправить их на минеральные воды на Кавказ!

21 [8 по ст. ст.] июля. [...] Получено потрясающее сенсационное известие, что Ленин с К^о оказались несомненными агентами Германии! Сплошной кошмар!

Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., Издательство «Вече», 2014.

ИЗ ДНЕВНИКА НИКОЛАЯ II:

18 [5 по ст. ст.] июля. Среда
[...] В Петрограде эти дни происходили беспорядки со стрельбой. [...] Из Кронштадта; вчера прибыло туда много солдат и матросов, чтобы идти против Временного Прав[ительст]ва! Неразбериха полная. А где те люди, которые могли бы взять это движение в руки и прекратить раздоры и кровопролитие? Семя всего зла в самом Петрограде, а не во всей России.

21 [8 по ст. ст.] июля. Суббота
[...] В составе правит[ельст]ва совершились перемены; кн. Львов ушёл и председателем Сов[ета] Мин[истров] будет Керенский, оставаясь вместе с тем военным и морским мин[истром] и взяв в управление ещё мин[истрство] торг[овли] и пром[ышленности].

Этот человек положительно на своём месте в нынешнюю минуту; чем больше у него будет власти, тем будет лучше.



Петроград. Расстрел июльской демонстрации 1917

26 [13 по ст. ст.] июля. Четверг

За последние дни нехорошие сведения идут с Юго-Западного фронта. После нашего наступления у Галича многие части, насквозь зараженные подлым пораженческим учением, не только отказались идти вперед, но в некоторых местах отошли в тыл даже не под давлением противника. [...]

Просто позор и отчаяние! Сегодня наконец объявление Врем[енным] Правит[ельство]м, что на театре воен[ных] действий вводится смертная казнь против лиц, изобличенных в государ[ственной] измене. Лишь бы принятие этой меры не явилось запоздалым.

Николай II. Дневники императора Николая II (1894 – 1918). М., РОССПЭН, 2011.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕНЕРАЛА ПЕТРА
ВРАНГЕЛЯ:

22 [9 по ст. ст.] июля. [Станиславов] Среди ночи я был разбужен страшными криками. Через окно было видно небо, объятое заревом пожара. С улицы неслись крики, слышался какой-то треск и шум, звон стекла, изредка раздавались выстрелы. Наскоро одевшись, я вышел в коридор. Навстречу мне шел мой офицер-ординарец. «Ваше превосходительство, в городе погром, отступающие войска разбивают магазины», – доложил он. Я спустился в вестибюль гостиницы. Прислонившись к стене, стоял бледный, как смерть, старик, кровь текла по длинной седой бороде. Рядом с ним растерзанная и простоволосая молодая женщина громко всхлипывала, ломая руки. Увидев меня, она бросилась ко мне и, говоря что-то непонятное, стала ловить мои руки и целовать. Я подозвал швейцара и спросил, в чем дело; оказалось, что старик – еврей, владелец часового магазина, а женщина – его дочь. Солдаты магазин разграбили, и владелец его, жестоко избитый, едва смог спастись. [...]

Город горел в нескольких местах, толпа солдат, разбив железные шторы, громила магазины. [...]

Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Том I. Минск, Харвест, 2002.

ИЗ ПРИКАЗА ГЕНЕРАЛА
ЛАВРА КОРНИЛОВА,
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО АРМИЯМИ
ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА:**21 [8 по ст. ст.] июля:**

Самовольный уход частей я считаю равносильным с изменой и предательством.

Поэтому категорически требую, чтобы все строевые начальники в таких случаях, не колеблясь, применяли против изменников огонь пулеметов и артиллерии. Всю ответственность за жертвы принимаю на себя, бездействие и колебание со стороны начальников буду считать неисполнением их служебного долга и буду таковых немедленно отрешать от командования и предавать суду.

Гиацинтов Э.Н. Трагедия русской армии в 1917 г. // Русское прошлое, 1991, №1.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА
Л.Г. КОРНИЛОВА ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ РУССКОЙ
АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛУ А.А. БРУСИЛОВУ:**22 [9 по ст. ст.] июля:**

Принял фронт в исключительно тяжелых условиях прорыва противником наших позиций, обусловленного разложением и развалом, вызванными в армиях падением дисциплины, следствием чего явились самовольные уходы полков с позиций и отказы от немедленного оказания поддержки. Соотношение сил приблизительно 1 противник на 5 наших... Нахожу безусловно необходимым обращение Временного Правительства и Совета с вполне откровенным и прямым заявлением о применении исключительных мер, включительно до введения смертной казни на театре военных действий, иначе вся ответственность падет на тех, которые словами думают править на тех полях, где царят смерть и позор, предательство, малодушие и себялюбие.

Русское слово, 1917, 11 (24) июля.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА
Л.Г. КОРНИЛОВА, ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ
АРМИЕЙ:**23 [10 по ст. ст.] июля:**

Получив донесение командарма 11 [11-й армии. – ред.] о том, что солдаты вверенной ему армии позволили себе при оставлении нами Тарнополя грабить имущество, насилловать женщин и детей, убивать мирных жителей и друг друга, я отдал приказ расстреливать подобных негодяев без суда. Во исполнение этого моего приказа 9-го сего июля [22 июля] назначенными для сего командами расстреляно 14 подлеев на месте совершения ими преступления. Объявляя об этом армиям вверен-

ного мне фронта, что мною отдан приказ без суда расстреливать тех, которые будут грабить, насилловать и убивать как мирных жителей, так и своих боевых соратников, и всех, кто посмеет не исполнять боевых приказов в те минуты, когда решается вопрос существования Отечества, свободы и революции. Я не останавлиюсь ни перед чем во имя спасения Родины от гибели, причиной которой является подлое поведение предателей, изменников и трусов. Настоящий приказ прочесть во всех ротах и батареях. Генерал Корнилов.

Гиацинтов Э.Н. Трагедия русской армии в 1917 г. // Русское прошлое, 1991, №1.

ИЗ ЗАПИСОК ШТАБС-КАПИТАНА
КОНСТАНТИНА ПОПОВА:

23 [10 по ст. ст.] июля генерал Корнилов вызвал меня в штаб и дал мне задачу: восстановить порядок на Проскуровском железнодорожном узле, причем для этой цели мне даны были «самые широкие полномочия».

24 [11 по ст. ст.] июля утром наш эшелон отбыл в Проскуров. По прибытии в Проскуров пришлось много поработать. Тут царило что-то неопишное, особенно на станции. Мною был принят целый ряд радикальных мер, которые в самый короткий срок дали благоприятные результаты. [...] ввиду восстановления смертной казни за воинские преступления решено было применить эту меру для отрезвления окончательно вышедших из повиновения бывших солдат.

Огромная толпа дезертиров в 500 с лишним человек, везшая с собой арестованных офицеров, была остановлена юнкерами недалеко от Проскурова; после короткого опроса дезертирами был выдан главный агитатор, который там же и был расстрелян.

Через день после этого по приказанию целого совещания из комиссаров мне пришлось вновь принять участие в экзекуции над двумя рабочими Военно-дорожного отряда, нанесшими оскорбления действием своим начальникам и отказавшимся подчиняться приказаниям начальства. [...] Они были найдены и на месте расстреляны. Таким образом, пострадали всего три человека, но действие этих мер было буквально магическое.

Попов К.С. Воспоминания кавказского гренадера, 1914–1920. Белград, 1925.

**Подготовил
Владимир Воронов**

ПИСАТЕЛЬ ИЗ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Нашу подборку рассказов открывали мэтры и полумэтры, а теперь самое время дать высказаться молодёжи.

Олег Бондарёв — не только крупнейший русский фантаст современности (198/118), но ещё и вечно молодой, а конкретно — самый молодой автор РФ, издавший фантастический роман (в 17 лет). Ещё он электроник. Это такая профессия: инженер-электроник. Когда Бондарёв не пишет книги, не сочиняет стихи и не исполняет

рэп в дуэте «Барни и Лёня», тогда он трудится на заводе в родном Новочеркасске, занимаясь наладкой станков с ЧПУ, и руки у него по локоть в масле, а лицо очень доброе.

Если совсем серьёзно, Бондарёв — единственный наш фантаст, которому удалось издать пару книг, выдержанных в классической стилистике нуар, и читатели даже не очень ругали его за это. И рассказ «Нырляльщик», который мы представляем вашему вниманию, тоже самую

малость, буквально чуть-чуть — из той альтернативной реальности, где достаточно зайти в тень, чтобы услышать потусторонние голоса.

Сейчас Олегу 28 лет, в его активе дюжина романов, включая соавторские работы с Вадимом Пановым и Юрием Бурносковым. Он женат, дочери два годика, у него всё впереди.



Олег Дивов, писатель, редактор-составитель Библиотеки современной фантастики для газеты «Совершенно секретно»



Олег
БОНДАРЁВ

Специально
для «Совершенно секретно»

«НЫРЛЯЛЬЩИК»

Вася любил повторять, что там всё не так, как здесь. Что нет там вроде бы ни домов, ни лесов с полями да реками — ничего, в общем, нет. Кроме голосов, триллионов голосов, и с каждой секундой их становится всё больше. Хотя нырляльщику, разумеется, все не нужны — ему бы те расслышать, которые клиент заказывает. А у каждого заказчика голоса свои, заветные. Обычно три-четыре имени на ум приходят — мать там, отец, жена, дети, до обидного рано ушедшие... Хотя чаще прапрадедов тревожить пытаются. Но древние голоса слишком тихие, их расслышать не всякий нырляльщик может...

— А вот Василию, кстати, по силам, — гордо, будто речь шла о нём самом, заявил Сафронов. — Уникальный специалист.

— Давай ближе к делу, дядь, — перебил Ник, парень лет 20 в дорогом костюме, который стоил больше, чем иной автомобиль.

Сафронов кивнул.

— Короче, если нужен нырляльщик, лучше Василия днём с огнём не сыщете. Это я вам гарантирую.

— Василий — это Мелков, верно? — поглаживая холёный и гладкий подбородок, уточнил Ник.

Толстяк Сафронов снова кивнул и засаленным платком утёр пот с лица. Будь гость повнимательнее, он бы давно заметил, как трясутся пухлые руки начальника спиритического бюро; после крайней проверки тот прикладывался к бутылке чуть ли не каждый час и к визиту богатого и наглого клиента был не очень-то готов.

Даже сейчас Сафронову больше всего хотелось послать заносчивого мажорчика к чёрту и снова достать коньяк. Однако толстяк понимал, что, если спугнёт Ника, нырляльщиков можно спокойно распускать на все четыре стороны, а на дверь бюро вешать амбарный замок. Последние деньги ушли на взятку проверяющим, и заказ мажора нужен был конторе как воздух.

«Сделаем, что попросит, — мелькнуло в голове. — Наизнанку вывернемся, но сделаем. Иначе нам крышка просто... каюк... капец...»

— За Мелкова я много слышал, бодрый спец, — осклабил Ник. — Я его и хотел, просто не знал, работает он у вас ещё или нет.

— Работает, конечно, — подтвердил Сафронов. — Куда он денется? Это у них фамильное дело, по сути: сначала отец его нырял, теперь он...

— Тогда крутяк. Ну а по деньгам чего, дядь?

— Зависит от количества вопросов. Понимаете, он ведь за каждый вопрос расплачивается со смертью днями жизни, так что...

— Ну не грузи меня деталями, лады? — Ник поморщился. — Просто назови сум-

му, я помощнику скажу, он мигом чек сбавит.

— Так это... — Сафронов запнулся. — Я же не назову, пока вы мне чётко не объясните, чего хотите от нашего нырляльщика.

— Чего хочу? Ну вообще это... — Ник почесал нос и улыбнулся. — Настоящий челлендж, ёлки. Для вашего лучшего как раз. Деда моего надо... вернуть. Ну... оживить, короче.

Сафронов удивлённо вытаращился.

Ник остался совершенно невозмутим.

Ну да, слухи о том, что нырляльщик кого-то «выудил» с того света, ходят с незапамятных времён. И среди самих нырляльщиков тоже. Некоторые верят. А некоторые даже пробовали.

— А... куда его возвращать? — осторожно уточнил Сафронов. — Ну... в смысле тело-то вашего деда давно погребено, наверное? Нужен ведь... сосуд, куда... душу умершего... помещать.

Он надеялся, что тут Ник задумается, потом скажет, мол, дед умер несколько лет назад, — и дело ограничится парой вопросов к покойному. Оплата умеренная, зато и риска никакого.

Но, к сожалению, мажорчик ответил: — Не погребено. Дед умер вчера вечером.

— О-о...

«И что теперь ему сказать? Как отбрезиваться? Тело есть, надо только душу в него загнать обратно... Только!.. А по факту никому и никогда это не удавалось. Ну да, были крутые и смелые, пробовали. На моей памяти два смертельных случая... Хотя... Давно уже никто не пытался, в общем-то. Может, Вася как раз и сдюжит? Вася талантливый...»

Жертвовать лучшим работником Сафронову не хотелось. Но дамоклов меч, нависший над бюро, вынуждал идти на крайние меры.

— Ну раз тело есть, можно попробовать, — с трудом подбирая слова, выдал Сафронов. — Только обойдётся вам это крайне недёшево...

— Попробовать? Мне надо не пробовать, а делать, дядь, — процедил Ник, злобно сверкнув глазами. — Верните деда хотя бы на час, и моя благодарность будет... Короче, ты столько за всю жизнь не заработал.

Начальник бюро мелко затрясся. Ему полагалось быть твёрдым и циничным и юных наглецов мигом ставить на место. Справедливости ради Сафронов прежде таким и был — до того, как контора оказа-

лась на грани ликвидации из-за стремительно развивающихся «спиритических кластеров» в «Сколково» и региональных технопарках. Как они там работают, никто толком не понимал, зато государство принялось давить мелких частников; немногие уцелевшие провинциальные конторы типа сафроновской доживали последние дни.

Сейчас от любезности Сафронова зависела судьба бюро, поэтому начальник широко улыбнулся хамовитому мажору и сказал:

— Ладно, сделаем. Вася Мелков — настоящий профи. Потомственный специалист.

После этих слов захотелось удавиться.

Отговорить Ника от личной встречи с Мелковым оказалось непросто — уж больно хотел мажорчик сам ввести нырляльщика в курс дела. Но Сафронов упёрся, и парень в конце концов сдался.

Хотя причина не встречаться была всего одна — повальный алкоголизм нырляльщиков. Каждый, кто ходил на «ту сторону», рано или поздно начинал пить по-чёрному. Нырляльщики заливали водкой память о пережитом, боролись со страхом нового погружения. Возможно, делали себе только хуже, но кто их разберёт, они ведь особенные... И что самое обидное — чем талантливее был нырляльщик, тем отчаяннее он бухал.

Василий Мелков, абсолютно лучший работник спиритического бюро, пил, как лошадь, и вёл себя, как свинья. Поэтому начальник нисколько не удивился, когда в ответ на его звонок из динамика домофона послышалось хриплое:

— Кого там несёт...

— Сафронов это, Вася. Открывай.

— Сафронов-Мафронов... — язык у Мелкова заплетался. — Чего тебе надо, Сафронов? Я в отпуске... бессрочном...

— Вася,пусти, всё расскажу.

— Опять нырять? Сам ныряй!

— Ну надо, Вась. Прямо очень надо.

— Не могу-у-у...

Мелков по ту сторону домофона вдруг заскулил, как побитая дворняга. До недавних пор Василий никогда не плакал, но прошлый нырок удивительным образом его изменил.

— Вася, нам поговорить надо, дело очень серьёзное, дело жизни и смерти буквально, — осторожно попросил Сафронов.

Он понял, что ляпнул глупость, и сейчас его далеко пошлют: жизнью и смертью в бюро занимался как раз Мелков, и, похоже, это дело осточертело нырляльщику вконец. Но вдруг — о, чудо! — аргумент сработал: домофон запищал, начальник рванул дверь на себя и заторопился вверх по лестнице.

Подъезд был по нынешним меркам самый обыкновенный: слегка пованивало гнильцой и кошками, зато на подоконниках стояли милые цветочки в горшочках по полтиннику за штуку. Сафронов тут же локтем сшиб один горшок, но успел поймать его на лету. Теперь надо было за четыре этажа придумать, как убедить Мелкова ещё разок нырнуть.

«Видит Бог, я б другого отправил, будь заказ попроще. Стажёра уболтал бы. Но на воскрешение стажёра бросать — это сразу труп получится...»

Тяжело дыша, он остановился у двери Мелкова и обнаружил, что принёс цветочный горшок с собой. Подарочек, блин, лучшему нырляльщику бюро. Чертыхнувшись, сунул цветок в угол. Дёрнул ручку двери, но та даже не шелохнулась.

— Вася! Открывай!

В замке повернулся ключ, потом что-то увесистое сползло по двери, раздался грохот.

— Ты там живой, Вась?

— Я-то? — прыснул Мелков.

Некоторое время тишину нарушал только его булькающий смех.

— Нашёл, блин, у кого спрашивать... — выдал Мелков наконец.

Заглянув внутрь, Сафронов увидел, что его сотрудник лежит на полу — помятый, грязный, небритый. Кряхтя он нагнулся к нырляльщику и попытался его поднять, но Мелков потянул толстяка на себя, и тот рухнул на выцветший коридорный коврик.

— Вот ты зараза... — пропыхтел начальник, барахтаясь на полу, точно перевёрнутая черепаха. — Вась, что с тобой стряслось?

— Устал я. Устал, вот и всё.

— Что с тобой случилось на прошлом нырке? Ты там... Кого-то встретил? Да?

— Не лезь мне в душу. Чего хотел, говори, — буркнул Мелков, глядя в потолок. — Что у тебя такое оригинальное — про жизнь и смерть? Я прямо впечатлился.

— Нужен ты мне, — оставив бесполезные попытки встать, сказал Сафронов. — И всем нашим. Всей конторе нужен. Иначе труба.

«Работа с миром мёртвых — сложный и тонкий процесс, мы стараемся оградить нырляльщика от лобых отвлекающих факторов. Два несчастных случая с летальным исходом — каково, а?»



► – Нырять опять? Не могу больше.

– Бюро на кону, понимаешь? Хана нам, если этот заказ не выполним!

– А если выполним – не хана? – горько усмехнулся Мелков.

– Не хана. Зуб даю, если выполним – проживём ещё.

– Это ты проживёшь, Сафронов. Ты! Не мы. Не я... не ребята...

– Вась... Ну больше никто не сдюжит!

– Не могу... – Мелков зажмурился, замотал головой. – Они опять будут просить их забрать... Все будут просить, одновременно...

– А если я за тебя долги твои отдам? – вдруг сказал Сафронов.

Мелков замер. Медленно повернул голову и прищурившись недоверчиво уставился на начальника.

– Долги... это кроме гонорара?

– Гонорар плюс все долги. Как тебе идея?

– Ну... Понимаешь... Сдохну я там.

– Ты если будешь так керосинить, то сдохнешь здесь! – разозлился Сафронов. – Вся разница, что бесплатно!

– Потому что не уберегли! – сообщил Мелков. – Ты ещё скажешь над моим гробом: не уберегли мы тебя, Васенька! Ребята утрут скупую мужскую слезу... Потом вы, сволочи, нажрётесь...

– М-да... Чую, не уберегли мы тебя, Васенька... – прошипел Сафронов, рывком сел и схватился за сердце.

– Ладно, уймись... – буркнул Мелков. – Какая задача? И почему я?

– Деда надо одного с того света вернуть. Тело есть. Свежее.

Мелков от неожиданности тоже сел и вытаращился на Сафронова. Открыл рот. Потом, ничего не сказав, закрыл. Начальник бюро терпеливо ждал.

– А если я не вернусь, кто Галке будет денежку подкидывать, на Катину воспитание? – наконец спросил ныряльщик.

– Я, – нехотя выдавил Сафронов. – Клянусь: если не вернёшься, буду за тебя алименты платить, пока Кате 18 не исполнится.

– Ну если клянёшься... –

задумчиво пробормотал Мелков. – Вообще, конечно, надо в письменном виде это всё... оформить...

Глядя на бубнящего ныряльщика, Сафронов с трудом сдержал улыбку. Прямо у него на глазах пропитое насквозь существо снова превращалось в живого человека. И хотя следующий нырок может оказаться для Мелкова последним, разве не лучше ли сгореть на работе, спасая родное бюро, чем сдохнуть под забором? Для потомственного ныряльщика это нормальный, фактически повседневный выбор.

А ребята – тут Вася совершенно прав – утрут скупую мужскую слезу и нажрут. Как же иначе.

Трое стояли рядом с каталкой, на которой лежал труп старика.

– Ты – Мелков? – уточнил Ник, смерив Василия оценивающим взглядом.

Тот кивнул. Его слегка штормило, но в целом он держался неплохо для человека, две недели пробывшего в запое: гладко выбрит, волосы кое-как зализаны, а взгляд зелёных глаз наконец обрёл некое подобие фокуса.

– Босс тебе уже рассказал, чего я хочу? – уточнил мажор.

И снова – кивок.

– Сбациаешь?

Мелков оглянулся на Сафронова. Начальник смотрел умоляюще.

– Сбациаю, – процедил ныряльщик.

Сафронов облегчённо вздохнул. Всё-таки Мелков-пьяный и Мелков-трезвый – два совершенно разных человека. Первый – эгоистичный циник, а второй – по-своему благородный и в целом порядочный мужчина, который в трудную минуту старого друга (читай – Сафронова) не подведёт.

– Ясно ж тебе, дядь, что вторая половина гонорара – только если получится? – Ник вопросительно посмотрел на Сафронова, и тот едва заметно кивнул. – Ну всё тогда, стартуем?

– Стартуем, – подтвердил начальник. – Ник... прошу вас за мной.

Он махнул рукой в сторону двери.

– Блин, жаль, поприсутствовать нельзя, – вздохнул мажор. – Через камеру смотреть... Может, я как-то тут, за отдельную плату?..

– Увы, но это совершенно исключено, – Сафронов покачал головой.

– А чего так? – тут же вскинулся Ник.

– Работа с миром мёртвых – сложный и тонкий процесс, мы стараемся оградить ныряльщика от любых отвлекающих факторов. Ну а воскрешение – это вообще высший пилотаж. Два несчастных случая с летальным исходом – каково, а?

Мелков на этих словах вздрогнул и потупился.

– А чё именно случилось-то? – заинтересовался мажор.

Сафронов опасливо покосился на Мелкова и предложил, понизив голос:

– Давайте в мониторной об этом поговорим, ладно?

– Ну...

– Здесь бывает всякое, – замогильным голосом сообщил Мелков, глядя на покойника. – Если тебя зацепит, ты нам не заплатишь – не сможешь.

– Так бы сразу и сказал! – фыркнул Ник. – Понял, исчезаю. Творческих успехов!

Лишь бы всё получилось...

Он распахнул дверь и, гордо задрвав подбородок, вышел. Сафронов проводил его хмурым взглядом и повернулся к ныряльщику.

– Удаchi, – одними губами сказал начальник бюро.

– Иди в жопу, – беззлобно и тоже одними губами сказал Мелков.

Начальник бюро улыбнулся самым уголком рта и вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Проводив его хмурым взглядом, ныряльщик повернулся к телу старика. Покойный ничем не отличался от сотен других – только загримирован и одет был как-то неряшливо, словно второпях: пиджак явно ношенный, пудры мало, редкие седые волосы растрёпаны... Казалось, о состоятельном господине обязаны были позаботиться лучше.

«Видать, все деньги на воскрешение пошли, – подумал Мелков, рассматривая худосочное лицо старика. – На грим порядочный уже не осталось... Хотя мне-то какая разница? Нырни и выдерни... если Костлявая даст, конечно...»

Шумно выдохнув, Мелков опустился на стул рядом с каталкой. Зажмурившись,

«То есть побег изначально обречён на провал.. И сколько я должен отдать, чтобы забрать его.. ну, скажем, на полдня? Немало... Забирай, сколько надо, а я заберу его»

ныряльщик представил чёрный провал и два белых огонька...

Которые, едва появившись, начали стремительно приближаться.

«Ну здравствуй, родная».

Чёрная «Волга» резко остановилась в шаге от ныряльщика; тот не шелохнулся — лишь улыбнулся, как будто даже приветливо.

— Ты, как всегда, точна, — сказал Мелков, глядя в тонированное лобовое стекло. — Подбросишь?

Фары нехотя переключились с ближнего на дальний и обратно. Мелков тихо хмыкнул и пошёл к пассажирской двери.

«Волга» ревела мотором, словно раненый зверь: утробно и пугающе. Смерть никогда не глушила двигатель — она всегда спешила.

— Надо бы тебе на диагностику съездить, — распахнув дверь, сказал Мелков. — Уверен, у тебя тут столько хороших механиков...

Изнутри повеяло могильным холодом. — Новый освежитель?

Она не выдержала — повернула голову и уставилась на него пустыми провалами глазниц.

— Ладно, ладно. — Ныряльщик попятился и поднял руки вверх. — Я просто пытаюсь немного разрядить обстановку.

Её взгляд говорил буквально: «Всё уже разряжено и без тебя».

— Понял, не дурак, — пробормотал Мелков.

Он уселся на жутко твёрдое и неудобное сиденье, поморщился, но смолчал, понимая, что Костлявой обивка ни к чему.

Теперь её взгляд спрашивал: «Куда?».

— Сама знаешь, — проворчал ныряльщик.

Не успел он захлопнуть дверь, а Смерть уже нажала на газ, и чёрная «Волга» понесла их по узкой бесцветной дороге к городу.

Дома без окон больше напоминали гигантские надгробные камни. Когда Василий впервые их увидел, он и помыслить не мог, что внутри каждой серой глыбы томятся сотни тысяч мёртвых душ. Ныряльщики нарочно врут, будто «по ту сторону» ничего нет, кроме голосов. Иначе живые станут просить исследовать загробный мир поподробнее, но ведь чем дольше тут находишься, тем больше сходишь с ума. «И тем длиннее запой, когда вынырнешь...»

Свинцовое небо давило сверху, бесцветный асфальт дороги был удивительно гладок, и «Волга» шла как по ниточке. Смерть вглядывалась во мглу своего царства, Василий вопросов больше не задавал — так и ехали молча; каждый думал о своём.

Наконец они остановились у одного из «мёртвых» домов. Мотор продолжал работать — Смерти нужно было ехать дальше.

— Раз ты знаешь, к кому я, — сказал Мелков, — должна знать, чего я хочу.

Она даже не посмотрела на него.

— Судя по всему, ты не против?

Тут она всё-таки повернулась.

«Плати и забирай. Он всё равно вернётся... как и ты», — отвечал её незрячий взгляд.

— То есть побег изначально обречён на провал, — заключил Мелков. — И сколько я должен отдать, чтобы забрать его... ну, скажем, на полдня?

Он легко прочёл ответ в её глазницах и тихо присвистнул:

— Немало... Ну, раз иначе никак, пусть будет по-твоему. Забирай, сколько надо, а я беру его. На полдня.

Она ничего не ответила.

— А эти умники из «Сколково», представляешь, хотят к тебе роботов посылать! Роботов, блин! Мы всем бюро голову ломаем, чем они с тобой расплачиваться будут — током или болтами? Короче, очередную распил государственных бабок...

Она, явно утомлённая беседой, ловко перегнулась через него и открыла пас-

сажирскую дверь, намекая, что ему пора выходить, а ей — ехать за новыми душами.

— Ладно, ты права, заболтался я что-то. Спасибо, что подбросила, старушка, — искренне поблагодарил Мелков и вылез наружу.

И тут же на ныряльщика обрушился гул триллионов голосов: каждый на свой лад просил вытащить его из этого жуткого места. Игнорируя их, Мелков повернулся, чтобы попрощаться с Костлявой, но чёрная «Волга» уже была слишком далеко, и кричать не имело смысла. Махнув рукой, ныряльщик побрёл к дому.

Загробные ветра раскачивали старую ветхую дверь на скрипучих петлях, и от каждого порыва всё внутри у ныряльщика переворачивалось. Он вошёл в дом и остановился у таблички с именами жильцов — уточнить номер квартиры. Так вот ты где, это, скорее всего, третий этаж... Мелков, повторяя, чтоб не забыть, 16-значный номер, потащился к лестнице.

Часть голосов стала громче — это молили о спасении здешние жильцы.

«Простите, дорогие, не могу...»

Каждый шаг гулким эхом разносился по этажам странного здания. Несмотря на отсутствие окон и лампочек, внутри было достаточно светло, чтобы видеть ступеньки под ногами. Нужная дверь отыскалась довольно быстро — Мелков очень верно угадал этаж. Он вошёл без стука (здесь не считали нужным стучать) и сразу увидел его.

Дед сидел на стуле посреди гостиной и, склонив голову набок, смотрел в глухую стену, будто там до сих пор было окно с прекрасным видом. Губы его шевелились, но голос был слишком слаб.

— Ну что, пойдём, отец, — сказал Мелков без лишних прелюдий. — Мало времени, а тебя уже там, снаружи, ждут. С распостёртыми объятиями, ага.

« А эти умники из «Сколково» хотят к тебе роботов посылать! Роботов, блин! Мы всем бюро голову ломаем, чем они с тобой расплачиваться будут — током или болтами? »

Старик оглянулся и смерил гостя удивлённым взглядом, однако спорить не стал — кивнул и поднялся со стула.

— Шевелится! — воскликнул Ник, тыча пальцем в монитор. — Реально!

Сафронов выдавил улыбку, хотя, судя по смертельной бледности, восторгов заказчика он не разделял.

— Ну чё, дядь, уже можно?

— Туда хотите? — уточнил начальник бюро, косясь на монитор, где оживший старик уже пытался сесть на каталке.

— Ну а чего тянуть? Мало ли, сбой будут какие-то, а я подпись поставлю, и уже поспокойнее будет, ага!

— Какую подпись? — не понял Сафронов.

— Ну а на кой чёрт мне ещё надо старика оживлять? — фыркнул Ник, спеша из мониторинной в рабочий кабинет, на свидание с любимым дедушкой. — Где этот, кстати?

— Кто? — севшим голосом спросил начальник бюро.

— Да нотариус же! — Ник на ходу вытащил из чёрной папки несколько исписанных листов. — Написал, что уже подъехал, а сам...

— Да тут я, тут, — сказал худосочный усач, появляясь в коридоре. — Здравствуйте, Ник.

— Привет, привет, — сквозь зубы процедила юный богатей. — Смотри бумаги. Можно их в таком виде подписывать? И заодно объясни дядьке, что нам от ихнего бюро надо. Документы там, запись с камеры...

Сафронов наблюдал за происходящим с выражением крайнего недоумения на лице; это был какой-то фарс.

— Ну чё, момент, как говорится, истины? — нетерпеливо спросил Ник и, не дожидаясь ответа, распахнул дверь кабинета.

Оживший старик и Мелков уставились на вновь прибывшего.

— Дедуля, родненький! — воскликнул Ник. — Как я рад тебя видеть!

Он осторожно, чтобы не испачкать гримом свой дорожной костюм, обнял старика.

— Как я рад, что ты, это самое... В общем, дедуля, выручай. Надо подписать одну бумаженцию. Там всё в порядке, Гриша?

— Да... вроде бы... — промямлил усач, глядя то на документ в своей руке, то на воскрешённого старика.

Нотариусу уже доводилось заезжать в бюро для проверки и визирования бумаг, но ожившего мертвеца он видел впервые и, судя по бледной физиономии, не слишком вдохновился зрелищем.

— А ты снимаешь, дядь? Видосик для подтверждения нужен будет...

— Конечно-конечно, — торопливо закивал Сафронов. — Две камеры, висят по углам, все материалы в вашем распоряжении.

— Тогда — к делу! — хлопнул в ладоши мажорчик.

Он выхватил у бледного, как смерть, нотариуса ручку и бумаги и вручил их старику. Тот почему-то ошарашенно уставился не на внука, а на ныряльщика, бесильно растёкшегося по стулу.

— Очень надо, дедуля, родной ты мой! — клянчил Ник.

— Подпиши, — усталым голосом сказал Мелков. — Мы об этом не говорили, но... чего тебе стоит? Порадуй... внучка.

— А... образец подписи есть? — тихо пробубнил дед, глядя на бумаги.

— Ты чего, дедуля? — изумился Ник.

— Там память отшибает, — глухо сказал Мелков, глядя под ноги. — Это ещё лёгкий случай: видишь же, не шарахается от тебя...

— Ну зашибись, я хоть продуманный! Гриша, договор на жильё!

Нотариус услужливо вложил в руку хозяина помятый лист.

— Вот образец, дедуля. Вспомнил?

— Сейчас... — старик подслеповато сощурился, затем, прикусив кончик языка редкими зубами, вывел в нужном месте подпись. — Сгодится?

— Сгодится, конечно. Нотариус свидетельствует, кто подписывал завещание?

— Да, Ник, — подтвердил усач.

— Видосик?

— Камеры пишут, да.

— И тот факт, что ещё час назад мой дед был мёртв, не помешает мне получить наследство?

— Завещатель фактически жив, — сказал нотариус. — Видеозапись есть, договор с бюро приложим — и вперёд.

— Вот и ладушки, — Ник вырвал бумаги из рук старика. — Дед, сердечное тебе спасибо... Ты сейчас очень большое дело сделал. Ну и типа теперь можешь спокойно умирать. Земля пухом, всё такое...

— Как так — умирать? — поразился Сафронов. — Он же теперь сам... не умрёт!

— Ну сделайте, чтоб умер, — отмахнулся Ник. — Это же ваш хлеб, так сказать. Я всё оплачу.

— Но он же фактически жив! — зарычал Сафронов, припомнив реплику нотариуса.

— А практически — мёртв, — отрезал Ник. — У меня есть свидетельство о смерти. И между прочим, я теперь ещё щедрее, чем раньше, за ценой не постою, хе-хе... Как всё делаете, мне набирайте, я пришлю катафалк. За оживление вам бабки сейчас переведут, я уже отписался, а за остальное, как всё кончится, месса-

гу мне пришлётся, дядь, и я отслонявлю, сколько надо. Идёт?

Сафронов открыл было рот, чтобы высказать зарвавшегося сопляку всё, что о нём думает, когда Мелков сказал:

— Идёт, идёт. Сбачаем.

Ник покосился на ныряльщика и удовлетворённо кивнул. Он явно доверял ему куда больше, чем начальнику бюро. Ну да, тот — болтун, а этот — хмурый и неразговорчивый профессионал, уже доказавший свою эффективность.

— Разберёмся, выставим счёт... — буркнул Мелков.

— Слушай, мне нравится твой ныряльщик, — осклабился Ник. — Цени его, дядя. Адёё.

И, насвистывая, вышел из кабинета.

— Адёё, — неуверенно пробормотал нотариус и убрался следом за нанимателем.

— Ты что творишь, Вася?! — накинусь на ныряльщика Сафронов. — И чего нам теперь... с ожившим-то делать?

— Да ничего, — ответил Мелков спокойно. — Времени Смерть и так... дала немного...

Сафронов с удивлением обнаружил, что глаза у Мелкова на мокром месте.

— Ты чего раскис?

— Порядок, — отмахнулся Мелков и утёр слёзы. — Не переживай, я со всем разберусь. Пусть это будет моя головная боль. А ты... ты о долгах подумай лучше моих, ладно, как обещал? И гонораре... И, если что, про Катеньку с Галей не забывай.

— Да я... да ты ж вернулся вроде... Ну ладно, Вася, надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

— Знаю. Просто доверься мне.

Сафронов кивнул, бросил опасливый взгляд на покойника, с любопытством озирающегося по сторонам, и поспешил к двери.

— И камеры отключи пока, ладно? — бросил Вася ему вдогонку.

— Но...

— Доверься. Мне, — с нажимом произнёс ныряльщик.

Сафронов нехотя кивнул и вышел, закрыв за собой дверь.

— А тут почти ничего не изменилось, — заметил старик. — Ну с того раза, как я... не вынырнул.

— Дела у бюро, прямо сказать, не очень, — пояснил Мелков. — Вот и экономит Сафронов на всём. Но вообще он молодец. Если б не он, поди, и бюро бы уже никакого не было.

— А может, оно и к лучшему, а?

— Не знаю, отец, — Мелков покачал головой. — Может, лучше, может, хуже... Одно знаю: мы б с тобой тогда никак не повидались бы.

Он сунул руку в карман и вытащил мобильник.

— Садись поближе, мне столько надо тебе рассказать и показать... Про Катьку ты же. Ты ж её, получается, и не застал...

Старик кивнул и робко улыбнулся.

— Эх, жаль, времени почти нет, — пробормотал ныряльщик. — Ну да лучше мало, чем вообще ничего!

— А что это у тебя такое? — заинтересовался старик, кивая на телефон.

Василий одарил «трубку» долгим взглядом и с усмешкой сказал:

— А это, отец, что-то вроде ваших загробных домов — коробка без окон, из которой большинство никогда не вылазят...

— И зачем мы сейчас в неё лезем?

Василий улыбнулся:

— Да просто в ней, в коробке этой, фотографии твоей внучки хранятся. Хочешь ведь на неё посмотреть?

Старик кивнул и склонился над телефоном.

ОБ АВТОРЕ:

Шанталь Масс (Chantal Masse) – писательница из Нанта. Писать она полюбила ещё в детстве и даже сочинила несколько романов, а сейчас организовала своё небольшое издательство, чтобы продвигать молодых авторов.

Шанталь МАСС

ГОЛОВА НАПОЛЕОНА

На этом расследовании рутина для комиссара Ригодо наконец прекратилась – он уже никогда не сможет забыть голос охваченной паникой женщины, которая позвонила ему в тот день. Заикаясь, она попросила полицейского срочно прибыть, и он, выслушав её сбивчивый рассказ, решил пройти пешком те несколько десятков метров, что отделяли его от места преступления.

Крики ребёнка, обнаружившего неладное, привлекли внимание нескольких зевак. И теперь они бегали вокруг конной статуи Наполеона, высившейся посреди площади, показывая куда-то пальцами и оживлённо комментируя происходящее. Комиссару не пришлось их расталкивать, чтобы увидеть всё своими собственными глазами. Ах, всего лишь это? Голова лежала у императора на коленях. Конечно, это была какая-то банальная шутка студентов, пожелавших заявить о себе, выставив таким дурацким образом башку от манекена! Так это же просто издевательство! Впрочем, их выходка оказалась весьма успешной – они очень сильно напугали людей!

– Пойдите принесите лестницу, Массон, быстро! Я сам спущу вниз это безобразие! И пришлите сюда ещё людей, чтобы отогнать любопытных!

Через несколько минут место было оцеплено, и комиссар Ригодо поставил ногу на ступеньки тщательно установленной лестницы.

– Привет, Напо, наконец я могу прикоснуться к тебе! Сколько лет, сколько зим! Ты рад такому подарку? – пошутил полицейский. Собственным чувством юмора он был вполне доволен.

Но, добравшись до головы, комиссар еле сдержал готовый уже вырваться крик и едва не потерял равновесие.

– Массон, тут большая проблема! – сообщил он сотруднику, ждавшему его внизу.

Потом он спустился вниз – да так быстро, что пропустил сразу несколько ступеней.

– Это человеческая голова! Срочно нужна корзина и всё, что необходимо для снятия отпечатков пальцев!

Его голос стал хриплым, а дыхание отрывистым, и комиссару никак не удавалось их восстановить. Он ещё никогда не сталкивался с подобной ситуацией. Город имел репутацию довольно тихого и провинциального, и если в нём что-то и случилось, то это, как правило, были обычные бытовые ссоры. Да, за многие годы здесь, конечно же, было совершенно несколько настоящих преступлений, но трупы по крайней мере до сих пор оставались целыми. А теперь? Где находились другие части тела? В окружающих водоёмах? В доме самого убийцы? В морозильной камере? Озноб пробежал у комиссара по спине, и он почувствовал, как к горлу подступила неприятная тошнота. Ну как можно было совершить подобное? Убить – это уже омерзительно. Но разрезать свою жертву на куски!.. Оставалось только надеяться, что несчастный умер раньше.

Голову спустили с высокого пьедестала статуи, и она была отправлена на судебно-медицинскую экспертизу. Мужчины в гидрокостюмах обшаривали теперь соседние водоёмы.

– Комиссар! Рука!

На другом конце площади, возле фонтана в виде крокодила, задравшего голову вверх, полицейский размахивал чем-то продолговатым.

– Она лежала в воде, а палец указывал в сторону церкви.

Комиссар Ригодо растерялся. Что-то тут неладно... Он не знал ещё, что это такое, но у него вдруг появилось некое странное ощущение, похожее на недомогание, и это было связано не только с ужасающим видом отрезанной руки.

– Да чёрт бы это всё побрал!

Кровь отлила у комиссара от головы, и он едва не упал в обморок. Такого с ним раньше никогда не бывало...

– Голова – мужская! А эта рука – женская!

Так, надо взять себя в руки. Что из этого следовало? Это означало, что жертва не одна, что имеется другой труп? Всё кружилось в мозгу комиссара... Может быть, это семейная разборка? Или жестокое сведение счётов? Но ни о каком исчезновении ещё не было известно, а уж в полиции о таком узнали бы первыми... А вдруг это всё связано с серийным убийцей? Этого только не хватало! И кому принадлежали эти части тел?

Три часа дня пробило на единственной в городе колокольне Сен-Луи. Комиссар Ригодо вспомнил, что ещё не обедал сегодня, но тем не менее он не чувствовал ни малейших признаков голода. Его желудок словно скрутило в тот самый момент, когда он увидел первую ужасную находку.

– Другая рука здесь, в водоёме с рыбами! И тут тоже палец направлен в сторону церкви!

Комиссар тяжело вздохнул. Ему следовало бы пойти и посмотреть, но он боялся, что последует новая находка.

– Это мужская рука, комиссар!

Один шанс из двух! Либо она принадлежала тому же трупу, что и голова, либо где-то должно быть ещё одно тело... Но чудес не бывает, и анализ ДНК всё расставит по своим местам. Комиссар тщательно завернул вещественные доказательства и поместил их в вызванный грузовик-рефрижератор, чтобы они сохранились для проведения исследований.

– Ого! А рука – это тяжело!

Комиссар Ригодо попытался немного разрядить атмосферу, которая словно налилась свинцом. Он действительно не знал, что и думать. Он чувствовал, что находится в середине какого-то улья. Все суежились вокруг него, бегали, искали следы, отпечатки пальцев и, конечно, другие части тела. Или тел... Нет, так невозможно... Он изучит всё потом, в тихом месте, в своём кабинете, когда будут готовы первые результаты анализов и фотографии. А сейчас нужно попытаться определить пострадавших и найти возможных сви-

детелей. Потому что они должны быть. Свидетели есть всегда, главное – суметь их найти. Городская площадь с конной статуей Наполеона – место достаточно людное, особенно после реконструкции, причем как днём, так и ночью, даже если необычная для этого времени года прохлада призывает скорее сидеть дома, чем гулять.

Но почему пальцы отрезанных рук обращены к церкви? Является ли это каким-то знаком? Что хотел показать убийца?

Это были вопросы к самому себе. Комиссар привык так работать, да и задавать вопросы подчинённым не имело смысла – им надо было давать чёткие указания, а их дело было выполнять всё быстро и слаженно. Но какие тут могли быть указания? В голове у комиссара не было никаких идей... Был ли убийца христианином? Или он что-то хотел от Бога? Или от местного кюре? А статуя императора? Может быть в памятнике скрывалось какое-то указание? Он тщательно изучил постамент, фасад и башни неподалёку, но ничего особенного не заметил. И тогда он двинулся в сторону церкви. Он считал шаги, оценивая расстояние, смотрел на землю, на деревья, на камни под ногами. Наконец он добрался до нижних ступенек.

– Мне нужен забор проб! Срочно нужно сделать химический анализ!

С этими словами комиссар обратился к одному из своих людей, указав ему на что-то вроде песка в щели между камнями. Скорее всего, этот образец не даст ничего, да и что мог показать обыкновенный песок? Но он не должен был пройти мимо, он просто обязан был дать хоть какое-то распоряжение...

И вдруг он услышал:

– Смотрите, шеф! Там!

Вместо того чтобы остановиться вместе с ним, один из полицейских поднялся по ступеням церкви и теперь показывал на одну из опор.

– Это чей-то палец!

Комиссар Ригодо посмотрел в ту сторону – это был указательный палец, привязанный верёвкой, и он был также обращён к церковному дверному проёму. И кому он принадлежал? Комиссар не осмеливался искать ответ. Его пока и не могло быть. Но он сделал глубокомысленное выражение лица, как это обычно делали полицейские в плохом кино, когда ничего не понимали и даже не были в курсе дела.

– Церковь явно имеет особое значение в этих убийствах!

Хорошо сказал... Но какое значение? Комиссар почесал лоб, как будто этот жест мог подсказать ему какое-то решение. На решение не было даже намёка, и он надеялся лишь на то, что ему не нужно будет складывать пазл из разных частей чьего-то тела.

* * *

– Глицерин и формалин!

Полицейский с отвращением на лице положил бумагу на рабочий стол комиссара.

– Что глицерин и формалин? – спросил комиссар, отводя взгляд от экрана компьютера, на котором он просматривал сделанные накануне фотографии.

– Выводы судебно-медицинского эксперта!

Комиссар Ригодо взял документ и внимательно прочитал его. Потом он снова начал чтение, следуя по строчкам пальцем, чтобы быть уверенным, что ничего не пропустит. Эксперт, которого он давно знал и уважал, был категоричен: все смерти были старые, люди умерли по меньшей мере несколько месяцев назад, а что касается различных частей тела, то они принадлежали трём разным людям...

Дьявольщина! Эти выводы ставили под сомнение весь ход расследования жуткого дела. Комиссару не нужно было больше искать недавно пропавших. Следовало, напротив, открыть досье по старым «висякам», а может быть, ещё и обратиться в Интерпол. Чьи это были трупы? Откуда они взялись? И почему убийца вдруг решил их выставить через столько времени? Может быть, он убил для того, чтобы его заметили, чтобы о нём заговорили в средствах массовой информации... Оставаясь анонимным, без сомнения, он решил похвастаться своей добычей. Но почему он сохранял трупы таким образом, используя бальзамирующий раствор, применяемый обычно в судебно-медицинской практике, вместо того, чтобы просто бросить их на дно морозильной камеры? Убийца, наверное, жил в одиночестве, если о его проделках никто не знал. Три тела просто не могли остаться незамеченными. И другие части тел обязательно должны найтись где-нибудь. Но где? У него дома? Если он уже не избавился от них, сохранив себе лишь некоторые фрагменты в качестве сувениров? Он что – фетишист?

Главной заботой полиции сейчас была идентификация тел. Только так можно было надеяться выйти на убийцу. Но формалин, химически взаимодействуя с нуклеиновыми кислотами, стимулировал их разрушение и делал ДНК непригодным для считывания генетической информации. И комиссару Ригодо осталось, может быть, единственное решение: обратиться в прессу, которая исписала уже так много чернил, излагая всевозможные версии, связанные с историей Наполеона. Однако обывателям нельзя было показывать фотографии отрезанной головы. Из этических соображений и чтобы никого не шокировать, ибо ещё неизвестно, как это всё аукнется... Зато можно было составить портрет-робот, очень похожий на оригинал.

нал, чтобы, будучи представленным на газетных страницах, он дал надежду получить результат. Без этого расследование явно застопорилось. Скрупулёзный осмотр церкви не дал ничего, и ни один свидетель так и не объявился. Между тем жестокий убийца оставался на свободе и, может быть, уже вынашивал планы о том, как разрезать на куски других людей. Комиссар понимал, что на подобное необходимо реагировать быстро.

* * *

— Но я же вам говорю, что я не убийца! Молодой Марио, сидевший напротив комиссара Ригодо, был очень раздосадован. Он потирал лицо правой рукой и жалобно всхлипывал. Он сам пришёл в отделение полиции после того, как узнал о панике, спровоцированной этим делом. И он действительно совсем не был похож на жестокого преступника.

— Хорошо, мы во всём разберёмся! Но почему вы пришли и стали сами себя обвинять? — недоумевал комиссар.

— Да что же это такое! Я говорю вам, что никого не убивал!

Комиссар Ригодо встал и прошёлся по кабинету.

— Тогда вы свидетель или соучастник, и вы подбросили части человеческих тел, чтобы мы смогли обнаружить убийцу! Потому что вы устали молчать! Или вы чего-то испугались?

— Но всё совсем не так! Сколько можно повторять?

Тут дверь кабинета открылась, и показалась мужская голова.

— Господин комиссар, тут одна дама признала своего мужа, увидев наш портрет-робот!

— Разместите её в соседней комнате. Я сейчас буду. Нельзя заставлять ждать женщину, настолько травмированную психологически. И постерегите этого клоуна, пока я не вернусь!

— объявил комиссар Ригодо своему подчинённому, показывая на молодого человека, сидящего напротив него.

— В каком смысле — мистификация? Я вас не совсем понимаю, мадам...

— Дело в том, что мой муж умер несколько месяцев назад!

— Объясните...

— Если это он, господин комиссар, то это я жду от вас объяснений...

Комиссар Ригодо вскочил со стула. Он готов был взорваться. А явившаяся в полицию вдова, потрясённая этой историей, тихо высморкалась и принялась вытирать искренние слёзы, стекавшие по её щекам.

— Не понял, мадам... Кто-то осквернил могилу?

— Конечно же, нет! Но он и не был похоронен...

— Как это?

— Он заранее решил, что его тело должно послужить науке...

— Что?!!

Комиссар, ещё ничего не понимая, почесал в затылке.

— О, нет! Подождите меня здесь! Я сейчас вернусь!

вращение, взял куски тел, хранившихся в формалине у них в лаборатории. Это он заставил всех сделать эту постановку...

— Постановку? Давайте поговорим об этом! — взревел комиссар. — Что означают эти пальцы, указывающие в сторону церкви?

— Это мы указали направление для моей невесты.

— Что за бред?

— Мы должны расписаться сначала в мэрии, а затем мы должны перейти площадь, чтобы попасть в церковь.

Марио с трудом проглотил слюну.

— Это отвратительно! — гаркнул комиссар Ригодо, раздвигая от негодования щеки. — Вы все там что, с ума сошли?!!

— Понимаете, господин комиссар... Мальчишники нередко получают весьма экстравагантными...

Экстравагантными? А можно это назвать нарушением общепринятых норм, невиданной дерзостью, глупостью... Комиссар вдруг вспомнил, что где-то читал, будто Сальвадор Дали однажды в разговоре с друзьями заявил, что всё происходящее в природе его несколько не изумляет. Ему не пове-

рили и спросили:

«Хорошо, пусть

так, но если бы в

полночь на горизонте

вдруг возник свет,

возвещающий

утреннюю зарю, и

вы увидели, что

восходит солнце, неужели бы

ва с



АЛЕКСАНДР КЛИЩЕНКО

* * *

— Кому принадлежат эти тела?!! — закричал комиссар, даже не дав себе времени, чтобы присесть.

От неожиданности молодой человек вздрогнул и затравленно посмотрел по сторонам, как будто в поисках защиты.

— Но я не знаю!

— Что значит — не знаю?!!

— Не знаю, поверьте мне...

— Тогда откуда они взялись? Хватит играть со мной! Расскажите мне всё!

Комиссар Ригодо рухнул в своё рабочее кресло, а Марио, опустив голову, начал нервно перебирать дрожащими пальцами цепочку у себя на шее. Наконец он сделал большой вдох, словно готовясь нырнуть в воду.

— Короче, так! Я должен жениться в эту субботу. А вчера у нас с ребятами были проводы моей холостяцкой жизни. Мальчишник, вы же понимаете...

— Повторяю, — закричал комиссар, теряя терпение, — хватит играть со мной! Ближе к делу, или я не знаю, что с вами сделаю!

— Мои друзья немного перебрали... Точнее, мы все сильно перебрали... А мой лучший друг, который должен быть свидетелем, работает на медицинском факультете. И он, чтобы вызвать у меня от-

* * *

— Мадам, поверьте, я очень сожалею... Мы вынуждаем вас пережить такое испытание...

Комиссар Ригодо посмотрел на маленькую женщину среднего возраста, но ещё достаточно красивую, которая, запинаясь, сказала:

— Я думаю... Точнее, я уверена, что это мой муж там, в газете...

— Вы в этом уверены?

— Уверена! Если, конечно, это не его двойник или не какая-то невероятная мистификация!

— Не обвинять, как же вы не понимаете... Я пришёл просто попытаться всё объяснить...

Голос его дрожал и был почти неслышим.

— Объяснить что? Как эти люди стали вашими жертвами? Почему вы порубили их на куски? И прежде всего сообщить мне, где находятся другие останки!

это не поразило? Неужели бы вы не подумали, что сошли с ума?» «Наоборот, — ответил Дали, — я бы подумал, что это солнце сошло с ума».

Комиссар Ригодо попытался улыбнуться, но не смог и тяжело вздохнул. Он ломал себе голову, собирал все подсказки, анализировал их... Но у него ничего не получалось, и он уже начал подумывать, что стал стар для своей работы. Уходить в отставку до срока не хотелось, но что было делать, если у него даже не появилось ни одной нормальной версии... А почему обязательно нормальной? Теперь пазл у него полностью сложился. Конечно, этот чудака Марио говорил правду. Но кто бы мог додуматься до такого? И кто осмелился бы представить себе реакцию невесты, столкнувшейся с подобной историей...

Оставалось только надеяться, что она не сбежит от такого дуралея, как этот Марио. Но главное заключалось в другом. Дело было успешно раскрыто. И всё оказалось именно так, как он и подумал в самом начале: банальная глупая шутка молодых людей, напившихся и не подумавших о последствиях...

Перевод с французского
Сергея НЕЧАЕВА

ПОДАРИТЕ
НЕИЗЛЕЧИМО БОЛЬНОМУ
ЧЕЛОВЕКУ

SMS, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО БОЛЬНО

СУММА НА НОМЕР 9333

Специалисты хосписа помогут снять сильную боль
и вернуть неизлечимо больному
ощущение жизни

HOSPICEFUND.RU



фонд помощи
хосписам

Вера